

Северный боток

Алексей Плещинский

Ветра севера несут смерть в славный город Эйкдам! Мэр убит, его дочь – главная подозреваемая – исчезла. Всякая шваль повылазила из темных углов. Новый мэр всем сердцем желает наказать виновных и укрепить свою власть. Но, словно кость в горле, для него расследование молодого барда и специального констебля. Эти двое вместе с ворчливым котом бредут своей дорогой к заветной цели – спасти город.

Песнь 1. Возвращение домой

Ласковый летний ветер приносил с моря крики чаек и запах рыбы. Одиночные повозки и целые караваны непрерывным потоком струились по укатанному тракту.

Мимо телеги, груженной пыльными мешками, пронесся всадник. Ловко сманеврировав, он обошел запряженную двойкой карету и пролетел мимо плетущегося дилижанса.

— Вот лихач-то! — подскочив на козлах, возмутился юноша с кучерявой бородкой.

— А чего ж не полихачить-то? — сверкнув гнилой улыбкой, изумился сидевший рядом с ним старик-возница, — У нас в Лудестии лучшие дороги на континенте. Вот всякие залетные и носятся, как испуганные зайцы. Эх, мне б мою молодость, я б показал этим выскочкам, что такое скорость!

Юноша ничего не ответил, лишь добродушно усмехнулся и, подняв голову, уставился вдаль.

— Чего нового в Эйкдаме? — помолчав, спросил он, разглядывая маячащую на горизонте городскую стену.

— О-о-о, — озадаченно протянул старик, — Ужель не слышал?

Молодой человек непонимающе взглянул на возницу и покачал головой.

— Удивительное дело... — пробормотал пожилой лудестианец и спустя пару мгновений возбужденно произнес, — Две недели назад, когда я собирался в рейс, весь город на ушах стоял. Подумать только! Мэра убили в его собственном доме! К тому же его дочурка, леди Розамунда, исчезла! В Эйкдаме на каждом углу об этом судачили. Да и в других городах тоже. Странно, что ты этого не слышал.

— Погодите, — изумленно выпалил юноша, — Мэр Эйкдама же Консул всей Лудестианской Республики? Ну то есть был...

— Так и есть. Был.

— А...

Очередной вопрос юноши прервал робкий стук, донесшийся из кареты.

— Извините, пожалуйста, — еле слышно промямлил кто-то, — Не могли бы вы остановить здесь? Хочу немного пройтись пешком.

— Ох ты ж все бесы Преисподней! — от неожиданности едва не выронил поводья старик, — Совсем забыл про него...

Дилижанс остановился у обочины, и через несколько секунд на пыльный тракт спустился его единственный ехавший внутри пассажир. Им оказался молодой человек со светло-русыми волосами, немного детским лицом и задумчивыми голубыми глазами — типичный лудестианец.

Макушку юноши от солнца защищал выцветший малиновый берет. Другую его одежду скрывал от глаз огромный походный плащ цвета пыли. Казалось, что если этот плащ постелить на землю, то на нем вполне можно будет накрыть обед для небольшой армии.

Левую руку незнакомец тоже скрывал под плащом. Очевидно, он держал в ней что-то достаточно габаритное, потому как фигура его очень уж напоминала пологий холм. Поправив ляжку перекинутой через плечо сумки, он вежливо поклонился вознице и, задрвав голову, уставился на небо.

— Станный какой-то... — проворчал старик, трогаясь с места.

Юноша стоял неподвижно пару минут, разглядывая одинокое облако, бороздившее бескрайнее синие просторы. Медленно оно плыло, приближаясь к массиву своих собратьев. Путник в пыльном плаще терпеливо ждал, когда это облако сольется с остальными облаками. Однако внезапно сменившийся ветер резким порывом отправил одинокое облако в другую сторону. Лишь немного изменив направление, оно разминулось с остальными.

— И ты тоже... — вздохнул юноша и двинулся в путь.

Он шел не спеша, улыбаясь теплым лучам солнца и глаза по сторонам. Все здесь было для него знакомым и родным. Словно ничего и не изменилось за те годы, что его не было.

— А ты все не сдаешься? Молодец! — похвалил он хиленький ручеек, шумящий справа от тракта, — Помню, выиграл деревянного солдатика у Абе. Он не верил, что ты протянешь до конца года, а ты вон как... До сих пор не высох.

Юноша опустил на колено, одной рукой зачерпнул воды, медленно выпил и продолжил свой путь.

— О! Гляжу, старик Фас еще земли прикупил! А ведь и раньше его ферма была самой большой в округе! А сейчас, наверное, и подавно у него конкурентов не осталось. О! Дорожный указатель заменили! Эх, а ведь я на нем признание для Манон вырезал... Ну и славно, что его заменили! А вот и наше дерево...

Проезжающие мимо по-разному реагировали на разговаривавшего с самим собой юношу. Кто-то сочувственно качал головой, кто-то старался объехать его подальше. Двое всадников, увидев его, начали смеяться, тыкать пальцами и что-то кричать, но он не обращал на них внимания.

— Вот возьми, — кто-то дотронулся до плеча юноши, и тот изумленно обернулся. Молодой человек увидел караван из трех повозок, остановившийся рядом с ним. Возница первой телеги соскочил на землю и протянул ему медный полтинник, — Возьми, — повторил мужчина.

— А? Что? Нет, вы не так поняли, — затараторил парень, — Я не...

— Просто бери, — снисходительно улыбнулся возница, — Мне не жалко. А ты хоть хлеба себе купишь. Помогая немощным и больным, мы вымаливаем у Всевышнего прощение для себя. Так что не спорь.

Он вложил юноше в руку монету и, запрыгнув в повозку, припустил лошадь. Юноша задумчиво уставился на удаляющийся караван.

— И почему так всегда происходит?.. — с недоумением пожал он плечами.

До города оставалось всего ничего, когда взгляд молодого путешественника остановился на изогнувшейся иве, вокруг которой взад-вперед шныряли детишки.

— О, госпожа плакса все так же популярна у местной ребятни, — умилялся путник, вспоминая как в детстве несколько раз падал с этого дерева.

От его умиления не осталось и следа, когда юноша, приглядевшись, заметил, что дети бросают в дерево камни. Сорвавшись с места, он понесся со всех ног, только чудом не путаясь в полах собственного плаща. Длинным прыжком перемахнув через широкий канал, он в два счета оказался рядом с испуганными озорниками.

— И что это вы здесь делаете, позвольте узнать? — буравя малышей грозным взглядом, произнес путник, — Зачем дерево обижаете?!

— Ну так... это... — неуверенно залепетал самый старший мальчуган, — Кота хотим сбить.

— Кота?! — изумленно повторил юноша, поднимая голову.

На одной из веток гордой горгульей восседал белый кот с рыжей головой и таким же рыжим хвостом. Его короткая шерсть была грязна, из уха струился кровавый ручеек, а кончик хвоста был загнут под прямым углом. Но взгляд желтых глаз пылал яростью, заявляя всем окружающим, что его владелец хоть и загнан в угол, но не сломлен.

— Зачем вы так с ним?! Что он вам сделал?! — резко повернувшись, юноша шагнул в сторону детей. Мелкие разбойники неуверенно попятились, — Кого-то искусал? Или поцарапал? Нет?! Просто так на слабого накинулись?! А ну пошли отсюда прочь! — он затопал ногами.

Когда дети ушли, юноша тяжело вздохнул и покачал головой:

— Надеюсь, в следующий раз они дважды подумают...

Он извлек из-под плаща лютню и аккуратно положил ее на землю. Развязав плащ, юноша кинул его рядом, оставшись в потертом малиновом камзоле, старых, доходящих до щиколотки, штанах да изношенных башмаках.

Размяв плечи, молодой человек подошел к дереву и посмотрел на кота:

— Не волнуйся, малыш, сейчас я тебя спасу.

Он подпрыгнул и зацепился за ветку. Натужно подтянувшись, юноша оказался на дереве. Карабкаясь, как матрос по канатам, он вскоре смог дотянуться до кота. Животное зашипело и выгнуло спину.

— Ну что ты, а? — ласково произнес юноша, — Я тебя не обижу. Не бойся, иди ко мне.

Зверь недоверчиво посмотрел на него и попятился назад. Уперевшись спиной в ствол, он стал озираться по сторонам.

— Не бойся, — повторил юноша, — Идем.

Кот осторожно сделал шаг вперед. Потом еще шаг. И еще. Приблизившись к протянутой руке, он вдумчиво обнюхал ее и посмотрел в глаза незнакомца. Фыркнув, зверь вальяжно шагнул вперед и уселся на теплую ладонь.

— Вот и славно, — улыбнулся юноша, прижимая животное к груди, — Теперь давай спускаться.

Хрустнула ветка, и незадачливый спасатель полетел вниз. Дерево, на которое он столько раз лазил в детстве, наконец-то не выдержало веса взрослого мужчины.

— Ой-ой-ой-ой!!! — заверещал он, катаясь из стороны в сторону, — Чуть спину не сломал!

— Что за идиот... — услышал юноша тягучий, как болото, баритон, — Полез спасать и сам навернулся...

Молодой путник, забыв о боли, уселся на траву, вертя головой в разные стороны:

— А? Кто здесь?!

— Но благодаря его смешным потугам я снова на земле, — продолжал рассуждать неизвестный.

— Кот? Это ты говоришь? — юноша схватил животное под передние лапы и поднял перед глазами.

— Ты слышишь меня, смертный? — изумился зверь, — Этого не может быть!

— И правда ты! Первый раз вижу говорящего кота! — радостно произнес юноша, но тут же в полголоса пробормотал, — Хотя может я сильно головой ударился?

— Поставь меня на землю! — скомандовал кот, — Живее! Нечего своими грязными ручонками меня тискать!

— Конечно-конечно! — затараторил юноша, выполняя приказ, — Ну, теперь

рассказывай, кто тебя говорить научил?

— Не твоего ума дело!

— О... Кот считает, что он умнее человека? Чего ж ты тогда, профессор мохнатый, сам с дерева-то не слез?

Кот ничего не ответил, снова фыркнул и отвернулся.

— Да ладно тебе обижаться, — пожал плечами юноша, — И вообще, раз умеешь говорить, мог бы и спасибо сказать. Ну ничего. Давай знакомиться! Я — Ян ван дер Веттелик. А ты?

— Мьель, — мяукнул кот, не поворачивая морды.

— Очень красивое имя. Тебе идет, — улыбнулся Ян и тут же добавил, — Пойдешь вместе со мной в Эйкдам?

Зверь медленно повернулся и поднял глаза, оценивая слова своего собеседника.

— Вообще-то, — начал он, — Я только что покинул этот скверный городишко. У меня нет причин возвращаться обратно.

— Да и я там не собираюсь долго задерживаться. Три-четыре дня, не больше.

— И зачем мне тратить свое время на твою компанию? — прищурился кот.

— Потому что у бродячих котов жизнь тяжела. Рядом с человеком тебе всяко будет легче. Вот ты когда последний раз ел?

Ответом было звучное урчание кошачьего живота.

— То-то же, — назидательно подняв палец вверх, произнес Ян, — Придем в город, сразу же тебя покормлю.

— Клянешься? — тут же прошипел Мьель.

— Обещаю, — кивнул его спаситель.

У Восточных ворот Эйкдама выстроилась целая вереница повозок, ожидая своей очереди показать товар и оплатить въездную пошлину. Предприимчивые торгаши из местных суетились рядом, предлагая свежую (и не очень) выпечку, молоко и пиво. Стражники в традиционных для Лудестии оранжевых камзолах и галифе, при мушкетах и с фламбергами не особо спешили принять всех желающих, надменно расхаживая между телегами, то и дело поправляя сползающие на потный лоб шляпы.

Те, кто прибыл в город не ради торговли, продвигались гораздо быстрее.

— Эй, что это у тебя под плащом? — пробасил стражник тыкая мушкетом в Яна.

— Это всего лишь лютня, господин, — улыбнулся юноша, распахивая плащ.

— А-а, — вяло протянул стражник, — тогда проходи.

На мощеной мостовой, раскинувшейся сразу за воротами, протягивая руки вновь прибывшим, сидели попрошайки. То тут, то там слышался медный звон.

— Вот, возьмите пожалуйста. Просили вам передать, — Ян выбрал наиболее жалкого из нищих — безногого мужчину с обожжённым лицом, и протянул ему медный полтинник. Случайно встретившись взглядом с бедняком, юноша виновато улыбнулся и, быстро отвернувшись, пошел своей дорогой.

— Такие как ты последнюю рубашку отдать готовы, а после мерзнут на морозе, — равнодушно произнес Мьель, словно капитанский попугай, разместившийся на плече у Яна.

— То, что не мое — мне не нужно, а пока я молод и здоров уж как-нибудь смогу себя прокормить.

— На счет «здоров» я не был бы так уверен, — хмыкнул кот, — Взгляни вокруг — люди

смотрят на тебя, как на умалишенного. Они слышат только тебя. Не меня.

— Да брось ты. С чего бы им так судить обо мне? Они же совсем меня не знают! И, между прочим, я не понимаю, почему ты едешь на моем плече. Мне вообще-то тяжело.

— Молчи и не жалуйся, смертный. Ты сам пригласил меня. И на твоём месте я бы не затягивал с обедом.

— Хорошо-хорошо. Уже скоро, — поспешил успокоить его Ян и свернул на просторную улицу.

Хоть южная и восточная части Эйкдама располагались далеко от рыночной площади и порта, они были изрезаны широкими дорогами, которые днем заполнялись повозками и людьми. Лудестия — страна торговцев, дороги — ее кровеносные сосуды. Они связывают вольные кантоны и между собой, и с другими странами, позволяя даже купцам из какого-нибудь далекого королевства получить доступ к главному лудестианскому сокровищу — к морю.

— Все те же лавки и мастерские... — нежно произнес Ян, разглядывая первые этажи домов, — Смотри, Мьёль, в этой пекарне продают лучшие оладьи, что я когда-либо ел.

— Ну так пошли скорее!

— Прости, у меня нет сейчас денег, — юноша виновато развел руками.

Они миновали еще две улицы и несколько переулков, прежде чем оказались перед двухэтажным домом с вывеской «Юридические услуги ван дер Веттелика». Ян открыл дверь и под звук колокольчика, извещающего о посетителях, вошел внутрь. Он оказался в просторном холле, стены которого украшали пейзажи и натюрморты. Справа от двери стоял платяной шкаф с резными фасадами, слева — комод из черного дерева.

— Уже иду, — раздался приятный женский голос.

Ян умиленно улыбнулся, едва сдерживая слезы.

Через несколько секунд из коридора вышла немолодая женщина. Она застыла на пороге, не веря собственным глазам и внимательно разглядывая юношу. Тот тоже не отводил от нее взгляда, любуясь родными чертами: русыми с проседью волосами, добрыми, вмиг намокшими глазами.

— Ян... Как же я рада видеть тебя, сынок! — она подбежала к нему и крепко обняла, спугнув кота с его насеста, — Что ж ты даже не написал, что приезжаешь? Мы бы подготовились к встрече!

— Не переживай, мама. Не нужно ничего готовить.

— Ну как же это?! Ты голодный, наверное? Сейчас что-нибудь придумаем! Эй, Петра, Руперт, скорее сюда! Ваш брат приехал!

С лестницы послышался топот и вскоре в холл ворвались двое — девочка лет десяти в клетчатом платице и мальчик, почти уже юноша, в коротких брюках и белой рубашке. В отличие от матери, они сразу же, едва завидев брата, рванули к нему.

— Ян! Ян! Наконец-то ты вернулся!

— Петра, тебя прям не узнать... — прошептал Ян, — Когда я уезжал ты была еще совсем малышкой, а теперь такая барышня! Да и ты, Руперт, уже почти с меня ростом...

— Ну что ты брат, не плач, — засмеялся Руперт.

— Так! — строго произнесла мать, — Все нежности потом. Ян, иди в свою комнату. Отдохни с дороги, умойся и приведи себя в порядок. А вы двое шагом марш за мной! Нужна на стол накрывать. Скоро и ваш отец освободится. Ой! А что это за кот?!

— Кот? — изумленно повторила вслед за матерью Петра, — Какой миленький! —

девочка схватила Мьяля в охапку и прижала к себе.

— А его, пожалуйста, покормите прямо сейчас. Уж очень он голодный, — смахнув слезы, попросил Ян.

Спальни в доме ван дер Веттеликов, как и во всех других домах зажиточных горожан, располагались на втором этаже. Комната Яна была точно такой, какой он ее и запомнил, словно юноша всего лишь выходил в лавку, а не отсутствовал пять лет. Ни на комод, ни на книгах, ни на покрывале, застилавшем кровать: нигде не было и пылинки.

Умывшись, Ян вернулся в комнату и открыл шкаф. Порывшись в своих старых вещах, он обреченно покачал головой и надел костюм, в котором приехал.

— Хоть и потерялся, зато сам покупал, — пробормотал он, отряхивая камзол от пыли.

Когда Ян, закончив приготовления, спустился вниз, открылась дверь кабинета и в холл, цокая каблучками блестящих сапог, вышел высокий мужчина. Его короткие темные волосы едва выглядывали из-под широкополой шляпы с пышным пером. Лишь на секунду взгляд жестких черных глаз остановился на застывшем на лестнице юноше. На лице незнакомца можно было заметить остатки морского загара. А черная борода была подстрижена по последней моде — коротко и остро.

Мужчина запахнул плащ-полусолнце, прикрывая эфес шпаги, надвинул шляпу на глаза и вышел на улицу. Ян наконец-то спустился в холл, и в этот момент из кабинета вышел отец.

Господин Йозеф ван дер Веттелик был уже не молод. Тяжелая работа с беспокойными людьми давно отложила жиром на его боках и вдарила лысиной по макушке.

— Опять он не все бумаги собрал! — проворчал старый юрист, срывая с себя парик и бросая его на пол. Отец раздраженно повернул голову и увидел сына. Посмотрев на него не больше пары секунд, Йозеф сухо кивнул и, расправив складки темно-зеленого камзола, направился в гостиную, — Мать! — закричал он, — Что вы здесь устроили? У меня клиент сидит, а вы разорались под дверями?!

Ян удрученно поглядел на него и двинулся следом.

Гостиная, по обыкновению служившая и столовой, была настолько велика, что могла вместить всех соседей. Правда, в виду характера отца семейства дружеские посиделки в этом доме проходили редко. Или вернее — никогда.

В центре комнаты, накрытый кружевной скатертью, стоял тяжелый дубовый стол. Несмотря на причитания хозяйки, он буквально ломился от блюд. Некоторые из них были приготовлены самой госпожой ван дер Веттелик, но многие детишки купили в ближайших лавках.

— Почему ты здесь? — обращаясь к старшему сыну, начал разговор Йозеф, заправляя салфетку за широкий отложной воротник.

— Не плохое начало, — грустно улыбнулся Ян, глядя на растянувшегося у стены кота, — Гораздо лучше, чем «Рад тебя видеть, сынок!» или «Я соскучился, Ян!».

— Не паясничай, — бросил отец, аккуратно вытаскивая косточки из судака, — Отвечай на вопрос.

Ян устало посмотрел на него, отправил в рот ложку тушеных овощей, тщательно прожевал и ответил:

— Я собираю материал для исследования.

— Я ожидал, что ты станешь бакалавром еще год назад, — тут же вспыхнул Йозеф, — Если бы ты не занимался всякой ерундой, уже давно бы помогал мне с семейным делом.

Много поколений ван дер Веттелики считались лучшими юристами Эйкама. Так будет и впредь, даже несмотря на то, что оба моих сына сущие раздолбаи! Один позорит семью своей маргинальной музыкой, другой бегаёт к какому-то безумцу всякие страсти малевать!

— Это новое направление в живописи! — подскочил на месте Руперт.

— Сидеть! — стукнул кулаком по столу Йозеф, — Знаю я ваши новые направления! Ладно бы пейзажи рисовал или натюрморты... А то грехи смертные да страдания людские! Раньше никто и помыслить не мог о таком художестве! Орден мигом бы на костер отправил. А сейчас? Чертов ван Мейер распустил народ. Дал слишком много свободы. За что его и прикончили.

— Дорогой, может хватит? — взмолилась госпожа ван дер Веттелик.

— Ты права, Джоанна, — тут же успокоился Йозеф и повернулся к старшему сыну, — Значит так, как я понял, ты в нашем городе проездом. Деваться некуда, можешь остаться в моем доме и есть с моего стола. Но даже не думай, что сможешь тут долго бездельничать. Увижу, что занимаешься ерундой — выгоню. И еще, не надейся, что я помогу с твоими детскими исследованиями. Хватит того, что я подготовил тебя к поступлению в Кенесдамский Университет, оплачиваю твоё обучение и содержу тебя. Уже за это ты должен быть мне благодарен по гроб жизни.

— Спасибо, отец, ты очень щедр.

Йозеф наградил его суровым взглядом и молча встал из-за стола. Следом за ним встали остальные члены семьи.

— Суровый у тебя батюшка, — промурлыкал Мьёл, потягиваясь на кровати Яна.

— Какой есть, — улыбнулся юноша, настраивая лютню.

— Ну и правильно, с вами оболтусами по-другому нельзя.

— Тебе-то откуда знать? Ты же всего лишь кот!

— Даже если и так, я гораздо старше тебя, — равнодушно бросил Мьёл.

— А? Как такое возможно? Коты же живут лет десять!

— Может быть, когда-нибудь узнаешь. Скажи лучше — ты куда-то собрался? Чего инструмент мучаешь?

— Эй! Я попросил бы помягче, — насупился Ян, а потом улыбнулся и ответил, — Собираюсь проведать своего учителя! — он посмотрел в окно, за которым начинало смеркаться, и, накинув плащ, произнес, — Мне уже пора. Если хочешь, можешь остаться тут.

— Ну уж нет, — кот вскарабкался Яну на плечо, — Я тоже пойду с тобой.

Юноша быстро спустился по лестнице, пообещал матери долго не задерживаться, потрепал по волосам сестренку и вышел на улицу.

Скатывающееся за горизонт солнце напоминало переваренный желток. Улыбнувшись его последним лучам и позавидовав прогуливающимся парочкам, Ян быстро зашагал вперед, едва не попав под пустую телегу. Извинившись перед полупьяным возницей, юноша свернул в узкий переулок. Он быстро уходил все дальше и дальше от широких улиц.

— Твой учитель живет в этих трущобах? — удивленно мяукнул кот.

— Нет. Честно сказать, я не знаю где его дом. Но здесь он постоянно выступает.

— Прямо-таки постоянно? — съязвил Мьёл.

— Да, — кивнул Ян, — Обычно барды путешествуют по разным городам. Но некоторые пускают корни. Мой учитель как раз такой.

— Наверно он плохой певец и не очень-то нужен в приличных местах, — буркнул кот.

Ян шагал быстро, периодически поглядывая по сторонам. Дома в этой части города были похожи друг на друга — серые и мрачные. Вместо вывесок ремесленных лавок и контор первые этажи встречали прохожих грязными окнами гостиных и спален. Здесь жили в основном те, кто не мог позволить себе отдельный дом, теснясь под одной крышей с другими семьями.

— «Трактир Имперский галеон», — Мьель прочел вывеску на одном из домов и расхохотался, — С чувством юмора у хозяина, похоже, все в порядке! Если это — «галеон», то я по меньшей мере — тигр!

— Ну, это как посмотреть, — пожал плечами Ян, — Думаю для маленькой мыши, ты — что для человека тигр. А вот для тигра — что маленькая мышь.

Юноша поднялся на низкое крыльцо и приоткрыл дверь трактира.

— У-у-у, — протянул кот, закрывая лапой морду, — Что ж вы, смертные, так смердите-то?

Мьель имел полное право для возмущения: его чуткий звериный нос едва не лопнул от многообразия ударивших в него запахов. Здесь смешалось все: дым табака, жареное мясо, дрянное пиво, пот и вонь грязной одежды. Обстановка заведения была под стать царившему здесь аромату: обшарпанные и исчириканные стены идеально сочетались с подгнившей мебелью, которая в свою очередь была достойной соседкой скрипучему и прогибающемуся при каждом шаге полу. Лет сто не мытые окна и почерневший от дыма потолок с достоинством обрамляли эту прекрасную картину.

— И как с твоим батюшкой ты вообще здесь оказался? — изумленно выпалил кот, оглядывая рубящихся в кости работяг.

— Все очень просто, ответил юноша, продвигаясь вглубь темного зала, — Пока дед был жив, отцу приходилось набираться опыта с самыми разными клиентами. Он чем-то помог Отто, хозяину этого места, а тот пригласил отца и нас с матерью в свое заведение.

— И твой батюшка согласился?

— Он не всегда был таким старым ворчуном, — улыбнулся Ян.

Местные завсегдатаи с интересом поглядывали на вновь прибывшего, тыкая в него пальцами и посмеиваясь. Один даже хотел поставить ему подножку, но услышав громогласный голос, передумал:

— О, кого я вижу! Уж не Ян ли это ван дер Веттелик? — огромный, похожий на медведя мужчина, стоявший за барной стойкой, помахал волосатой лапицей, — Тебя и не узнать! Еще немножечко и совсем мужиком станешь!

— Приветствую, дядюшка Отто, — поклонился ему Ян, — А вы, напротив, ни капли не изменились. Таких густых волос, как у вас, я ни у кого больше не встречал. И время им абсолютно нипочем.

— Это все благодаря силе предков! — хохотнул трактирщик, приглаживая светлую шевелюру, — Ну что, пива налить?

— О нет, — замотал головой юноша.

— Так и не бросил это чертову привычку? — скривился Отто, — Пойду, пороюсь в закромах, вроде с утра осталось еще немного молока.

— Честно сказать, у меня не так-то много денег, дядюшка.

Трактирщик поглядел на него как на умалишенного и тяжело вздохнул:

— Молоком пусть молочники торгуют. Я за него денег не возьму.

Отто отправился на кухню. Ян забрался на высокий стул возле стойки и принялся

крутить головой. Ничего интересного в трактире не происходило. Все, как всегда. Люди напиваются, кричат, смеются. Он видел это много раз. Юноша улыбнулся и, расслабившись, откинулся на спинке стула.

— Да говорю тебе! Дочура его грохнула, а после свалила! — из-за соседнего стола до юноши донесся обрывок разговора. Повернувшись, Ян увидел двух крепких мужчин в замызганных, пропахших рыбой, рубах.

— С чего ты взял?! — удивился тот, что был в темной рубашке, от души прикладываясь к кружке.

— Дык все ж в курсах! — возмутился его товарищ, — Он хотел выдать ее за какого-то северного вождя. Ну а девица ни в какую! Говорит, даром нинать мне этот богохульник.

— Че, так и говорит? — булькая пивом, уточнил его собеседник.

— Да вроде! Я ж откуда знаю?! Я ж эту дамочку, как говориться, на абордаж не брал! Хотя, честно сказать, был бы не против!

— Еще бы! Такая фифочка! Не то, что местные коровы!

— Не, ну и в наших водах водится красная рыба! Гляди! Новая официантка у Отто просто загляденье! Словно семга на нересте!

Неуверенно озираясь по сторонам, к их столику приближалась девушка с собранными в пучок белокурыми локонами. Серое длинное платье и замызганный фартук, как ни старались, не могли скрыть утонченной, столь не свойственной жительницам здешних кварталов, фигуры.

— Господа желают чего-то еще? — сбивчиво поинтересовалась она, забирая пустые кружки.

— Желают! Твои аппетитные бедрышки! — выпалил мужик в некогда белой рубахе, пытаясь ухватить девушку за ягодицу.

— Что вы делаете?! — взвизгнула официантка, отпрыгивая назад.

— Да не ломайся ты! Мы подкинем монеток! Когда заканчиваешь?

— Ах вы!..

Наблюдавший за происходящим Ян сжал кулаки и медленно поднялся на ноги. Разместившийся на барной стойке Мьель, напротив, демонстративно отвернулся:

— Смердящие твари... — тихо фыркнул он.

— Да ладно тебе, Деми, — хлопнул товарища по спине чернорубашечный, — Не пугай девочку раньше времени, — он повернулся к официантке, — Извини моего друга, красавица, и будь добра, принеси нам по две кружки пива.

Девушка сдержано кивнула и отправилась на кухню. Раздосадованный Деми сплюнул на пол и уже хотел было повернуться к своему товарищу, как заметил пристальный взгляд буравящих его глаз.

— Че вылупился, шкет?! — прорычал он, глядя на Яна.

Юноша ничего не ответил, медленно отвернулся и взобрался на свой стул. Неизвестно, что бы еще могло взбрести в хмельную голову уважаемого Деми, но, к счастью, в этот момент из кухни вернулся Отто.

— Вот! Еле нашел, — протянул он Яну стакан молока, — Пей. Свежее. А это тебе, — он поставил перед котом блюдо с тем же содержимым.

— Спасибо, дядюшка, — улыбнулся юноша.

— Всегда пожалуйста! Ну-с, рассказывай, как жизнь у тебя? Как учеба? Нравиться?

Ян тяжело вздохнул. Увидев это, Отто расхохотался:

— Вижу, что нет! Глупый вопрос! Ты никогда не хотел быть юристом! И, судя по всему, твои вкусы не изменились, — он кивнул на лютню, гриф которой выглядывал из-за плеча Яна, — И сюда ты заглянул совсем не для того, чтобы дядюшку Отто проведать! Хотел увидеть старика Эдвина?

— Да, — честно ответил молодой бард, — Он еще поет?

— А куда ж денется этот одноногий?! Еще как поет! И благодаря ему мое чудное заведение не только на плаву держится, но и отчаянно борется с бедностью своего хозяина, — трактирщик вновь расхохотался.

— Честно сказать не похоже, — пожал плечами Ян, — Я вижу всего одну официантку. И та не очень-то подходит для этой трудной работы.

Отто внимательно посмотрел на юношу и недовольно покачал головой:

— Что ж ты такой-то прямолинейный? По голове давно не получал что ли? — он устало выдохнул и продолжил, — А с девочками согласен — беда. Одна на днях родила прямо здесь, за стойкой, лежит дома с дитем, отлеживается. Другая сбежала с каким-то проходимцем. Романтики ей, видите ли, захотелось. Едва совсем не остался без работниц. Но не тут-то было! Малышка Роза, словно подарок Всевышнего, сама пришла ко мне. Ну я и взял ее! Работает в день, а ночью пока сами справляемся. Правда, официантка из нее, как ты уже подметил, так себе... но всяко лучше, чем ничего! Совсем без помощников мы бы с женой не выжили.

Посетителей в трактире все прибавлялось, и Ян с сочувствием наблюдал, как несчастная Роза бежит от одного столика к другому. Мужские руки так и норовили ущипнуть официантку за зад. Их можно было понять, в подобных заведениях такое поведение всегда было в порядке вещей.

— Эй, Отто! Ну где уже старина Эдвин? — крикнул худощавый мужичонка, выпивавший в большой компании портовых работников и рыбаков, — Мы ж не пьянствовать к тебе ходим, а культурно время проводить!

— Терпение, друзья! — призвал их трактирщик, — Скоро он придет.

Как по команде дверь питейной открылась, и на пороге возникла сгорбленная фигура. Едва завидев одетого в некогда оранжевый камзол человека, публика взревела, приветствуя своего кумира:

— Эдвин! Давай скорее, старый пират! Мы уже заждались!

Старик поднял свою лютню, отвечая на приветствие. Прихрамывая на деревянную ногу, он двинулся к барной стойке, остановился напротив Яна и некоторое время молча смотрел на юношу. Его ученик с грустью осознал, что сухое лицо с прыщавым, похожим на кабачок, носом совсем осунулось, а некогда густые черные волосы учителя стали и вовсе схожи с грязной паклей.

— Рад видеть тебя, Ян, — тепло улыбнулся старик.

— И я вас, Мастер Эдвин! — вскочив со стула, низко поклонился юноша.

— Сколько раз просил не называть меня так величаво, а? Ну да ладно. Вижу ты так и не бросил мое ремесло... Даже и не знаю, правильно ли ты поступаешь...

— О чем вы говорите, Мастер?! — изумился молодой лютнист.

— Не обращай внимания, — отмахнулся старый бард.

— Эй, Эдвин! — донеслось из зала, — Хорош трепаться! Пой давай!

— Да! Да! — поддержали просителя другие голоса, — Ты обещал про крестьянку и магистра! Давай уже!

— Хех, — усмехнулся старик, — Прости, Ян, публика ждет! Поговорим позже!

Эдвин уселся на высокий стул недалеко от барной стойки и, нежно обняв лютню, ударил по струнам. Зал мигом стих, приготовившись слушать своего любимого певца. Бархатный голос вмиг накрыл весь трактир:

Однажды крестьянка в поле гуляла,
Серпом махала, рожь собирала.
Ну а магистр мимо скакал,
Увидел ее, на колено припал:
«Как же вы меня поразили,
Словно вепря копьём сразили!
Я никогда никого не боялся -
Троллей рубил! Но и не влюблялся!
Я вас прошу, пойдите со мною!
Будьте для всех, моей женою!»
Ну а крестьянка ему в ответ:
«Слышь, красавец! А че бы нет?»
Вот привез он ее в столицу,
Гостей собрал, давай веселиться!
На свадьбе на той герцог гулял,
Невесту увидел и ей прошептал:
«Как же вы меня поразили,
Словно вепря копьём сразили!
У меня по соседству замок огромный,
Живу я в нем уж очень не скромно.
Давайте вдвоем уедем туда,
И буду с вами я навсегда!»
Ну а крестьянка ему в ответ:
«Слышь, красавец! А че бы нет?»
Резвятся они в замке огромном,
Вассалы слушают стоны нескромно.
Приехал внезапно в гости король:
«Эй, кузен, мне дверь открой!»
Пока хозяин гостей развлекал,
Король крестьянку уже приласкал.
Крутится рядом он только с ней
И шепчет на ушко ей дребедень:
«Как же вы меня поразили,
Словно вепря копьём сразили!
Нет в королевстве подобных вам,
Припаду хоть сейчас я к вашим ногам!
Давайте скорее уедем отсюда!
В моем дворце нам будет не худо!»
Ну а крестьянка ему в ответ:
«Слышь, красавец! А че бы нет?»

Король с крестьянкой любили друг друга,
Дни напролет, им и правда не худо...
Но королева едва вернулась,
Жизнь крестьянки перевернулась:
Ее голова на пике висит!
Король королевы прощенье молит.
Герцог нескромно в замке живет.
Магистр давно в земле гниет!
Тролли ему кости ломали,
Руки рвали, зубами кусали!
Все потому, что зря встретил ее...
Беду принесет то, что не твое!

— Bravo, Эдвин!!! — разразилась публика восторженными овациями.
— Твое лучшее творение!

Толпа аплодировала стоя, гремела кружками и восхваляла старого барда, бросая к его стулу медные монеты. Эдвин, поднявшись на ноги, несколько раз поклонился, а после поднял обе руки, призывая слушателей успокоиться:

— Дорогие мои друзья! Я бескрайне рад, что, даже слушая балладу «О магистре и крестьянке» в тысячный раз, вы все так же ликуете, точно я представил ее впервые, — народ одобрительно рассмеялся, — Выступить перед вами честь для меня! Однако, с вашего позволения, я хотел бы предоставить этот чудесный стул моему ученику Яну, только что вернувшемуся в город! Послушаем же чему он научился!

— Да! Давай!

— Не подкачай, парень!

— Не опозорь Эдвина!

Ян изумленно завертел головой, прижимая лютню к груди:

— Вы уверены, Мастер? Я могу выступить?

— Конечно, — кивнул Эдвин, — Залазь быстрее на стул!

Удобно устроившись, юноша провел пальцами по струнам, глубоко вздохнул и закрыл глаза. Публика вокруг стихла в ожидании новой баллады. Ян набрал полные легкие воздуха и затянул:

Уж сотни лет у реки лежит
Печальный серый камень.
Течение времени быстро бежит,
Нам оставляя лишь память.
Камень... Камень!
Грустно тебе у реки!
Камень... Камень!
Летят на огонь мотыльки!
Ты помнишь, был берег пустой,
Вблизи и нет человека!
Теперь же здесь город густой,
Торгует камнями полвека!

Камень... Камень!
Грустно тебе у реки!
Камень... Камень!
Летят на огонь мотыльки!
Вокруг все меняется, жизнь идет,
Лишь ты лежишь неподвижно!
Вода под тебя совсем не течет...
Просвета никак не видно!
Камень... Камень!
Грустно тебе у реки!
Камень... Камень!
Летят на огонь мотыльки!

В трактире повисла мертвая тишины. Тяжелый вздох Мастера Эдвина в ней казался мушкетным выстрелом.

— Что за ерунда?! — взорвался зал.
— Какой к черту камень?!
— Ты сам-то понял, о чем пел?!
— Эдвин, скажи, что твои слова об ученике — шутка?
— Из-за твоих завываний у меня в кружке пиво скисло!

Все топали ногами, стучали кружками по столу, неистово ругались и без умолку поливали грязью молодого барда. Ян медленно поворачивал голову из стороны в сторону, до белизны сжимая кулаки. На дне его ясных голубых глаз зарождалась настоящая буря.

— Что ж вы все за люди такие-то?! — резко выкрикнул он. Хорошо поставленный голос юноши заставил зал замолчать и изумленно уставиться на него, — Неужели вам хочется слушать лишь баллады о разгульной жизни? — уже тише добавил Ян, — Что, совсем не хотите задуматься о чем-то возвышенном? Я люблю смотреть, как люди радуются и отдыхают в трактирах. Как расслабляются после тяжелого дня. Но ведь даже в такие моменты нельзя забывать и о том, что внутри нас. Нельзя скатываться к одним только телесным позывам!

Люди сидели, широко раскрыв рты. Пьяный мозг каждого из них натужено переваривал услышанное, медленно, но верно, идя к простому выводу: «Этот малец дураками нас сейчас назвал что ли?». Не нужно уметь предсказывать погоду, чтобы предположить к чему неизбежно приведет это затишье раздумий.

Одинокие аплодисменты заполнили казавшийся Яну холодным и пустым зал трактира. Десятки голов повернулись на этот глухой звук, чтобы увидеть хлопающего в ладоши Эдвина.

— Bravo, мой ученик! — с нескрываемым сарказмом произнес он, — Сейчас ты чуть было не настроил против себя свою же публику.

— Но...

— Никаких но! — резко прервал его Мастер и поднял взгляд на зрителей, — Друзья, не судите парня строго. Он еще учится. И учится ему, как мы с вами видим, еще ОЧЕНЬ долго, — люди со всех сторон зала поддержали одноногого барда одобрительными смешками, — Поэтому прошу простить его, если он вас чем-то обидел. Клянусь вам — он не хотел! — старик хитро улыбнулся и обвел присутствующих лукавым взглядом.

— Да не вопрос, Эдвин!

— Малыш же еще совсем зеленый!

— А как подрастет, еще и тебя переплюнет!

Ян ошарашено уставился на своего учителя и тихо произнес:

— Поразительно... Вот так просто справиться с толпой...

Эдвин одарил его теплым взглядом и, потрепав по волосам, ответил:

— Это не толпа, мой мальчик. Это твои слушатели. В первую очередь ты поешь не для себя — для них. И если они хотят слушать про развратных шлюх — ты поешь про развратных шлюх. Хотят про героические битвы — поешь про героические битвы. Ну а хотят чего-то душевного... — старый бард поднял взгляд на собравшихся в зале и произнес, — Что ж, друзья, чтобы окончательно покончить с недавним недоразумением, исполню для вас одну старую балладу.

Он уселся на стул, еще раз обвел всех взглядом, и, погладив струны, тихо запел:

Ты был рядом с ней,

Ее ты любил.

Растил с ней детей,

Но не ценил.

Однажды ушла

Она в мир иной.

Захлопнулась дверь

За тонкой спиной.

Ой-ой... терять так легко.

Ой-ой... найти тяжело.

Лишь понял тогда,

Что потерял.

Ты плакал, кричал,

Ты умалял:

«Всевышний, верни

Скорей ее мне!

Прошу, помоги!

Горю я в огне!»

Ой-ой... терять так легко.

Ой-ой... найти тяжело.

Всевышний, конечно,

Ее не вернул.

Слезу безутешно

Рукой ты смахнул:

«Прости, дорогая,

Тебя я любил!

Но понял сейчас я,

Что не ценил!

Эх мне повернуть бы

Скорей время вспять!

Я всё тебе лично

Мог бы сказать...
Ой-ой... терять так легко.
Ой-ой... найти тяжело.
Мы все очень часто
Не видим его.
А счастье ведь близко.
Не далеко!
Открой же глаза,
Обними ее ты!
И к сердцу прижми,
Не топчи ты цветы...
Ой-ой... любить тяжело...
Ой-ой... ценить тяжелей.

Как и после выступления Яна, в зале трактира повисла изумленная тишина. Внезапно раздались всхлипывания, после которых плотину чувств собравшихся наконец-то прорвало:

— Ну ты даешь, Эдвин!
— Прямо до слез!
— Не ну что за песня... аж за сердце хватает!
— Эх! Пойду домой скорей! Жена скучает!
— Чет мне тоже пора, засиделся...
— Давайте, мужики, до завтра!

Это лишь немного, что можно было разобрать в общем гуле. Глядя на происходящее в трактире, Ян не переставал умиляться — насколько чувственные натуры оказались эти суровые, работающие мужики. Так сначала подумал юноша, но после осекся и повернулся к старому барду:

— Все-таки мне до вас еще очень далеко, Мастер... — смахнув слезу, произнес юноша.
— Конечно, — согласился Эдвин, — Но не дальше, чем ты думаешь. Ты быстро станешь хорошим бардом, если запомнишь то, что я тебе сказал.
— Я запомнил. Бард должен следовать воле своих слушателей и играть то, что они хотят.
— Как лютня играет то, что ты хочешь? — хитро прищурился старый Мастер.
— Да, — неуверенно кивнул Ян, — наверное.
— Хех... — покачал головой Эдвин, — Хоть у каждой лютни и есть своя душа, хоть каждая из них неповторима, любая лютня — инструмент в руках лютниста. Но ты не инструмент своих слушателей. Инструмент получает команду и исполняет ее. Ты же должен петь то, что хотят слушатели, но не по их команде. Ты должен знать, что они хотят услышать раньше их самих. И давать им это. Подобное не в силах сотворить ни один инструмент. Лишь только бард с живым и чувствующим сердцем.

Старик поднялся со стула и посмотрел на пустеющий зал. Довольный произведенным эффектом, он хмыкнул и снова обернулся к своему ученику:

— Посиди пока, подумай над моими словами. Мне нужно переговорить с Отто по кой-каким делам. Да и извиниться за то, что у него сегодня рабочий день рано закончится.

Старый бард вместе с трактирщиком скрылись за дверью, отделявшей общий зал от подсобных помещений. Оставшись один, Ян придвинул к себе кружку с остатками молока.

— Должен признать, песня про камень — шедевр! — хохотнул Мьель.

— Долго же ты молчал, — усмехнулся Ян.

Кот по своему обыкновению фыркнул и отвернулся. Внезапно шерсть у него на загривке встала дыбом:

— Вот же мерзкий ублюдок... — процедил сквозь зубы Мьель.

Мгновенье спустя раздался женский визг и пьяный гогот. Ян повернулся на звуки и увидел то, на что с таким отвращением смотрел его мохнатый спутник.

Все тот же Деми — пьяный мужик в некогда светлой, пропахшей рыбой рубаше, оставшись один за столиком, таки смог ухватить официантку Розы за ягодицу и теперь гоготал, не желая отпускать столь ценный трофей.

— Пустите! Пустите, говорю! Что вы делаете?! — переходя на визг, кричала девушка.

— Ну куда ж ты рвешься, рыбонька моя? А? Ты ж хочешь это! Я знаю. Хочешь!

— Не хочу! — выкрикнула Розы и залепила обидчику звучную пощечину.

Деми побагровел, но пальцев не разжал. Вместо этого пьяница поднялся на ноги и рывком прижал к себе девушку:

— Ух какая! С норовом! Давненько у меня такой не было, — рычал он ей на ухо.

— Пожалуйста, отпустите... — обессилено, словно попавшая в паутину бабочка, прошептала Розы. Она дрожала, а из голубых глаз катились слезы.

— Что ж тебя так колотит-то? — удивленно хмыкнул Деми, — Замерзла что ли? Ну так пойдем скорее! Согрею тебя!

— Нет... нет...

Хоть немногие оставшиеся посетители трактира с интересом наблюдали за происходящим, вмешиваться никто не спешил. Такие сцены отнюдь не редкость, а официантки в большинстве случаев далеко не кисейные барышни и сами могут за себя постоять. Сами могут решить, чего они хотят, а чего нет. Кто же с этим не справляется... просто не выживает.

— Эй, уважаемый, отпустите даму. Неужели не понимаете, что ей не нравятся ваши знаки внимания? — тонкие, но твердые пальцы схватили пьяницу за плечо.

— А?! Опять ты, шкет?! — прорычал Деми, впившись в Яна взглядом, — Да я тебе сейчас...

— Хотите драться, выйдем на улицу, — холодно перебил его молодой бард, — Дядюшка Отто с нас шкуру спустит, если попортим его трактир.

Деми смерил юношу пьяным взглядом, что-то прикинул в хмельной голове, раздосадовано сплюнул и произнес:

— Идем, шкет! Научу тебя манерам!

Он оттолкнул всхлипывающую официантку и направился к двери. Молодой бард, склонившись над девушкой, тихо прошептал:

— Не бойтесь, теперь все будет хорошо. Присмотрите только за этим, — он вложил в руки Розы свою лютню, улыбнулся и двинулся следом за смутьяном.

Ночь уже совсем окутала Эйкдам, опустошив узенькие улочки от суетливых людей. Свет звезд и молодого месяца едва справлялся с крошечной тьмой, застилавшей город. Не помогали ему и свечи, выставленные во многих окнах, как того требовал закон.

Однако даже скудного освящения вполне хватало Яну, чтобы разглядеть искры пьяного гнева, танцующие в глазах человека напротив.

— Ну что, шкет, поломать тебя что ли? — гоготнул Деми и шагнул вперед.

Размашистый удар тяжелого кулака колокольным звоном отразился в голове юноши. Ян упал, словно подкошенный, схватившись за висок.

— И это все? — разочарованно проронил его противник, — Ну нет! Так дело не пойдет! Ты не дал мне поразвлечься с той рыбонькой, так хоть развлекусь с тобой!

Сильный пинок откинул голову барда назад, едва не вырвав ее из тела вместе с позвоночником. Ян мог бы остаться без зубов и носа, не успеет он прикрыть лицо руками.

Ян упал на спину. Деми тут же подбежал к нему и, будто пустившись в безумный танец, принялся бить юношу ногами. Бард только и мог, что сжаться в комочек и терпеть.

— Тьфу, — плюнул на бесчувственное тело Деми, наконец-то прекратив свое безумство, — Ну хоть какое-то развлечение...

— Эй! Ау, герой! Очнись! — мохнатая когтистая лапа, не прекращая, стучала юношу по лицу. Ян заворочался и с трудом разлепил глаза.

— Ох... — сдавленно простонал он.

Мьель усмехнулся:

— Больно? А чего лез? — зверь покачал мохнатой головой, — Как ты на него резво пошел-то... Я даже поверил в тебя...

— Прости... Что не оправдал твоих надежд... — выдавливая каждое слово, попытался улыбнуться Ян.

— Пустяки, — хмыкнул кот. Он поднял голову и уставился в ночное небо. Затем тихо добавил, — К счастью, не все так плохо.

Яну показалось, он уловил теплые нотки в бархатном насмешливом голосе.

Со стороны улицы Веселой, на которую выходили двери трактира Отто, послышались суетливые шаги, и вскоре в крошечный переулок влетела взволнованная Роза. Она сразу увидела распластавшегося на дороге Яна.

— Как вы? С вами все в порядке? — бросилась она к юноше.

Девушка помогла ему сесть и опереться спиной на стену трактира.

— О, Всевышний! — взмолилась она, — Вы так пострадали из-за меня! Простите! — она обняла Яна и зарыдала.

— Ну полно вам, уважаемая, — попытался утешить ее молодой бард, хоть сам еще с трудом говорил, — Я не мог оставить даму в беде. К тому же, вы тоже помогли мне.

— Помогла? — изумилась официантка, — Чем же?

— Сохранили это, — Ян указал на свою лютню, — Я бы не пережил, если б она сломалась в трактирной драке, — слова шли медленно и тихо, но Роза внимательно слушала.

— Вам так дорог ваш инструмент? — спросила девушка, протягивая Яну лютню.

— Всякому барду дорог его инструмент, — улыбнулся юноша, — Хотя я думаю, что не могу звать себя бардом...

— Почему же?

— Ну как же? — увлекшись разговором, он, словно позабыл о своих ранах, — Вы же видели, как зал отреагировал сегодня на мое выступление...

— Глупости! — всплеснула руками девушка, — То, что некоторые не в состоянии понять ваших песен, не делает вас плохим бардом! Мне, например, очень понравилась ваша баллада о грустном камне! Сколько в ней смысла! Сколько поводов задуматься! Другое дело, что всякая пьянь жаждет лишь напиться да руки распустить... — она удрученно покачала

головой.

— Вам правда понравилась моя баллада? — глаза юноши загорелись, он подался вперед и схватил девушку за руки.

— Конечно! — тут же ответила она, смущенно отводя взгляд.

— Спасибо! — радостно произнес Ян, — Спасибо вам!

— Что вы такое говорите? — еще больше смутилась Роза, — Это вам спасибо! Вы защитили меня! Только вы заступились за меня! Тогда, когда я совсем потеряла веру в людей, вы... Но что же я делаю? Я непременно должна вас отблагодарить!

— Ну что вы! Вы мне ничего не должны, — улыбнулся Ян и попытался встать. Ему это почти удалось, но в последний момент ноги молодого барда подкосились. Он упал бы на землю, если б Роза вовремя не подхватила его.

— Решено! — твердо произнесла девушка, — Я снимаю комнатку неподалеку. Пойдемте ко мне, хоть отдохнете немного. Это куда лучше, чем сидеть на холодной земле.

— Но как же так? — смутился юноша, — Я не могу так вас обременять.

— Не спорьте! Обопритесь на меня, и идем!

— Но...

— Просто делайте так, как я вам говорю.

По темным переулкам тройца двигалась настолько быстро, насколько позволяло избитое тело Яна. Мьёлъ правда отметил, что юноша неплохо держится и предположил, что молодому барду далеко не впервой получать тумаков за свой длинный язык.

Хоть Роза постоянно оглядывалась по сторонам, путники никого не встретили, кроме парочки скучающих стражников, и вскоре добрались до дома девушки.

Тусклая свеча освещала холл и лестницу. Поднявшись на второй этаж, Роза провела гостей по коридору и остановилась у дальней двери. Отперев замок, девушка зашла внутрь и, чиркнув огнем, зажгла лампу.

— Скорее заходите, — велела она и, когда Ян с котом оказались внутри, выглянула в коридор и наглухо заперла дверь.

В комнате Роза едва умещалась узкая кровать да стоящий рядом с ней маленький шкаф. Стол и два стула окончательно съедали все свободное пространство.

— Присаживайтесь. Позвольте протереть ваши раны, — девушка достала из-под кровати небольшую лохань, в которой плавала чистая тряпка.

— Спасибо, но я сам, — поспешно отказался Ян, склоняясь над тазом.

— Не желаете вина? — предложила Роза, наблюдая, как юноша оттирает с лица темный кровоподтёк.

— Нет, спасибо. Я не пью вино, — покачал головой Ян, вытираясь полотенцем и усаживаясь за стол.

Роза удивленно посмотрела на него и, подойдя к окну, взяла стоявший на полу кувшин и накрытую вязаной салфеткой тарелку.

— У меня есть компот и утреннее булочки. К сожалению, больше ничего вам не могу предложить. Я не ожидала гостей.

Она разлила напиток по кружкам и придвинула гостю тарелку.

— Спасибо, — улыбнулся Ян, беря плюшку.

— Вы не должны меня благодарить, — потупив взор, ответила она, — Лишь я вас.

— За что же? — удивился бард, — Я не совершил ничего выдающегося.

— Отнюдь, — покачала головой Роза, — Вы единственный, кто вообще хоть что-то сделал. Вы защитили мою честь. Но что важнее — подарили мне надежду.

— Надежду? Кстати припоминаю, вы уже говорили, что потеряли веру в людей. Что произошло?

Она ответила не сразу. Кроша пальцами булку и отрешенно разглядывая пыльную занавеску, девушка, словно покинула тесную комнату, оказавшись где-то очень далеко.

— Последние дни, — тихо начала она, — я не знала, что делать. Мне повезло найти крышу над головой и хоть какую-нибудь работу. Я не осталась на улице без куска хлеба, но я не знала, что делать дальше. К чему стремиться...

— Я все еще вас не понимаю... — неуверенно пробормотал Ян.

Девушка замолчала и взглянула на него, положив подбородок на руки. Она молчала некоторое время, молодой бард не торопил ее, медленно жуя свою булку.

— Вы ведь совсем недавно приехали? — внезапно заговорила она, — Уже слышали про убийство мэра?

— Слышал, — настороженно ответил Ян, — На каждом углу люди только это и обсуждают. Почему вы спрашиваете?

— Скажите, — не замечая его вопроса, продолжала девушка, — Что именно вы слышали? Кто его убил?

— Как я заметил, многие считают, что мэра убила его дочь...

— Ложь! — стукнула по столу Роза, но тут же взяла себя в руки, — Простите, пожалуйста...

— Ложь? — протянул Ян, — Гляжу, вы уверены в этом. Почему? Многие в городе полагают, что она убила отца, который хотел насильно выдать ее за конунга из Норхертрока, а после сбежала.

— Вы многое знаете для того, кто только вернулся в город... — покачала головой девушка.

— Привычка, — смущенно улыбнулся Ян, — Мне всегда было интересно, чем живут другие люди. О чем переживают? Что для них важно? Поэтому я многое слышу. Думаю, для будущего барда такой навык весьма полезен.

— Конечно, — согласилась Роза, — Но речь сейчас не об этом. Все, что вы сказали про северного конунга — правда. В обмен на одну услугу мэр пообещал ему дочь. Естественно, она не хочет выходить замуж за незнакомца. Любая девушка мечтает о красивой свадьбе и обязательно по любви. Однако браки по расчету и по воле родителей куда чаще встречаются. Особенно в высшем обществе. Все это понимают. Вы всерьез думаете, что обычная девушка из-за подобной глупости убьет своего родного отца? — она заглянула прямо в глаза Яну, юноша невольно отпрянул от такого напора.

— Нет, — покачал головой бард, — Не думаю. Я лишь говорил то, что слышал.

— Но ведь какие-то мысли у вас есть по этому поводу?

— Разве что одна. Выслушав вас, могу предположить лишь следующее: кто-то убил мэра, а его дочь, пытаясь спастись, бежала, тем самым подставив себя под клевету настоящего преступника.

— Гений, — хмыкнул сидевший на полу Мьель, все это время не сводивший глаз с Розы и Яна.

Услышав слова юноши, девушка нежно улыбнулась и расслабленно выдохнула:

— Хвала, Всевышнему! Хоть кто-то в этом городе еще может думать своей головой, —

она тепло посмотрела в его глаза и снова улыбнулась, — Похоже, что дочери мэра еще есть на что надеяться.

Ян хотел что-то ответить, но громкий скрип в коридоре отвлек его.

— Похоже, соседи по нужде собрались, — предположил он, но тут же осекся, увидев настороженное лицо Розы.

— Вели ей спрятаться! — внезапно скомандовал Мьель, — Они здесь!

Ян изумленно посмотрел на него, затем коротко кивнул.

— Быстрее, Ян! — велел кот, подбегая к двери, — Спугнем его!

— Закрой за мной дверь, Розы, — невольно переходя на «ты» произнес юноша, — Спрячься под кровать и не высовывайся. Если все будет в порядке, я постучу и спою тебе припев своей баллады, что тебе так понравилась. Согласна? — девушка молча кивнула, — Вот и хорошо!

Ян уже отпер замок, когда услышал сзади:

— Подожди!

Он развернулся, и ее теплые губы припали к его разбитым губам. Она нежно обняла его, словно не желая отпускать. Затем с трудом разорвав поцелуй, девушка тихо прошептала:

— Береги себя, Ян. И скорей возвращайся. Я буду ждать твою песню.

Он изумленно кивнул и выбежал в коридор. Сзади лязгнул замок.

— Шевелись! — рычал кот, — Я чую его! Мы не должны позволить ему уйти, иначе они узнают, где девица!

— О чем ты? Что вообще происходит?!

Но Мьель ничего не ответил.

Они пробежали через второй этаж, спустились по лестнице и дважды оббежали вокруг дома. Но так никого и не нашли. Кот раздраженно уселся на холодную землю:

— Ничего не понимаю... — фыркнул он, — Запах словно растворился! И теперь они знают, где Розамунда...

«Розамунда!»- это слово, будто молотом, ударило в голову молодого барда. Все услышанные за последнее время сплетни капля за каплей сливались в одну четкую картину:

— Розамунда ван Мейер — дочь мэра! — выпалил Ян.

— А? — покосился на него кот, — Умница. Молодец.

Тихий скрип, не столь звучный как раньше, раздался наверху. Задрвав головы, Ян и Мьель увидели открытое окно.

— Не может быть... — пробормотал кот, срываясь с места.

Юноша бросился следом, и через несколько секунд они, влетев в распахнутую дверь, оказались в комнате Розамунды.

Она лежала лицом в пол, раскинув руки, будто изображая крест. Справа на платье алело огромное пятно. Лужа крови была и под убитой девушкой.

— Нет! Нет! Не-е-ет! — закричал Ян бросаясь к ней.

Он пытался трясти ее, но было поздно. Не сдерживаясь, бард рыдал во весь голос.

Послышался топот на лестнице, голоса разбуженных соседей. В комнату вбежал высокий черноволосый мужчина. В руке незнакомец держал пистолет. На португее весело еще три пистолета, сбоку болтался одноручный фламберг.

Следом за ним в комнату ввалились четверо городских стражников, мигом взявших Яна на мушки своих мушкетов. Но молодой бард не обращал на окруживших его людей никакого внимания.

Едва увидев девушку, черноволосый мужчина бросился к ней, оттолкнув молодого барда. Он приложил два пальца к шее несчастной и через несколько секунд обреченно произнес:

— Опоздали.

Затем он встал, окинул комнату взглядом и резко скомандовал:

— Этих с собой. Я возвращаюсь.

Ян ощутил тяжелый удар приклада, и мир вокруг него стремительно померк.

Песнь 2. Специальный констебль

Человека сложно было заметить сразу. В глаза бросался огромный стол, заваленный пожелтевшими свитками да раскрытыми книгами, походивший больше на горный хребет. Возле чернильницы лежали четыре пистолета, с краю пыльная шляпа с белым пером. Лишь приглядевшись, получалось заметить черноволосую голову, склонившуюся над потрепанным фолиантом.

Мужчина поправил белоснежное жабо, отложил книгу и откинулся на спинку кресла. Напротив стола к полу был привинчен дубовый стул для «посетителей», где тряслась деревянная клетка. Рыжеголовый кот метался внутри, словно тигр, и истошно вопил:

— Мяу!!! Ф-р-р-р!!! Ш-ш-ш!!!

Любитель старых книжек отпил вина из кубка, и подошел к шкафу, чтобы взять с полки еще более древний манускрипт.

— Мя-я-я-у!!! Мя-у-у-у-у-у!!! — кот завыл, будто стая голодных волков.

— Да заткнешься ты уже или нет?! — не выдержал черноволосый книголюб, — Сержанта! — крикнул он в коридор, — Вели найти сырого мяса или рыбы! Покормите уже наконец это чудище! И приведите мне барда!

Он развернулся на каблуках, вернулся в свое кресло и попытался погрузиться в чтение манускрипта.

В дверь постучали:

— Господин специальный констебль, — обратился сержанта, — Вот материалы, что вы просили.

— Благодарю, — кивнул констебль, ломая сургучную печать на свитке.

Сержанта удалился, но тут же в кабинет вошел молоденький стражник. Он аккуратно запихнул между прутьев заветревшийся кусок рыбы. Кот настороженно обнюхал подношение и принялся за еду.

— Замолчал наконец-то? — хмыкнул констебль, не отрываясь от чтения.

Спустя несколько минут за дверью вновь послышались шаги, к которым добавился лязг цепей. Констебль тут же поднял голову. Два стражника втолкнули в кабинет брнчащего кандалами Яна. Мужчина уставился на грязного пленника, тщетно стараясь прочесть хоть что-то в его бледном лице.

Стражники убрали со стула деревянную клетку и усадили барда. Они ловко начали привязывать его руки веревками к подлокотникам.

— Да полно вам! — не выдержал констебль, — Куда он убежит? Рванет — пристрелю. Не волнуйтесь. Оставьте нас!

Стража поспешно удалась. Мужчина даже не удостоил их взглядом, погруженный в изучение вновь прибывшего.

— Ваше имя? — наконец-то произнес он.

— Ян ван дер Веттелик, — бесцветным голосом ответил юноша, глядя в пол.

Констебль вновь отпил вина, не сводя задумчивого взгляда со своего нового собеседника. Вдруг он быстро произнес:

— Вы хотите отомстить за Розамунду, Ян?

Юноша очнулся, захлопал ресницами, а после изменился в лице.

— Вы хотите отомстить за Розамунду? — повторил вопрос констебль, не отводя взгляда от пылающих яростью голубых глаз.

Ян глубоко вздохнул и закрыл глаза. Открыв их, он тихо ответил:

— Нет.

— Нет?! — изумился констебль, — Мне показалось, вы достаточно эмоционально восприняли ее несвоевременную кончину.

— Мечь — глупое животное чувство, — глухо произнёс бард, — Я всего лишь хочу, чтобы убийцы Розы, преступники, понесли заслуженное наказание.

Констебль облегченно улыбнулся:

— Вот как... Что ж, такой ответ мне нравится. Позвольте представиться, Ян ван дер Веттелик, меня зовут Руд де Йонг — специальный констебль полицейского отделения Эйкдама. В данный момент именно я занимаюсь неофициальной версией убийства господина Арона ван Мейера.

— Неофициальной? — переспросил Ян.

— Да. Той, в которой Розамунда ван Мейер не убивала своего отца. Официальная же версия в руках главы полиции — главного констебля.

— Что вам от меня нужно, господин специальный констебль? — устало спросил юноша, — Должен отметить, что вы и ваши люди нарушили закон, ударив меня и заковав в кандалы. Думаете, после этого я стану вам доверять?

Руд удивленно возрился на своего пленника.

— Что? — не понял его взгляда Ян.

— Простите. Просто я впервые в этом здании встретил юридически подкованного человека.

— О чем вы говорите? — вяло отмахнулся измученный юноша, — Здесь же находится полицейское отделение.

— О том и говорю, — произнес де Йонг, подходя к двери, — Во-первых, констеблей мало, а во-вторых мои коллеги ничего не смыслят в законах. Те, кто в них разбирается, заколачивает хорошие деньги, а не бегают за убийцами, насильниками и ворами, — он выглянул за дверь и громко крикнул, — Кто-нибудь, снимите с моего гостя кандалы!

— Ох как приятно-то... — потирая запястья, протянул Ян, — Постойте, раз вы так легко меня освободили, значит и не рассматривали как подозреваемого?

— Хах! — усмехнулся Руд, — Конечно, нет. Всего лишь как свидетеля.

— Зачем же тогда вы так поступили со мной?! — возмутился Ян.

— Кто ж знал, что вы юрист? — равнодушно пожал плечами констебль, — Ну да ладно. Прошу прощение за случившиеся. Дальше будем действовать лишь в рамках закона. Именно поэтому я прошу честно отвечать на мои вопросы.

— Хорошо, — буркнул Ян.

— Давно ли вы знаете Розамунду Смит?

— Кого? — прошептал бард, — Смит? Не ван Мейер?

— Именно, — кивнул Руд, — Вы что, всерьез думали, что дочь мэра станет работать официанткой? Да она в жизни сама себе чай не наливала, не то что пиво!

— Тогда кем была Розы? — удивленно хлопал глазами бард.

— Погибшая — Розамунда Смит — камеристка Розамунды ван Мейер.

— Ее звали так же как и госпожу?

— А что в этом такого? — хмыкнул констебль, — По роду своему все люди равны. А значит нет имен исключительно господских или крестьянских. А то, что совпадение... Так это жизнь. Только в ваших сказках, — он кивнул в сторону лежащей на тумбе лютни, — У всех героев разные имена. Но суть не в этом. Отвечайте, когда вы познакомились с погибшей?

— Вчера, — потупив взгляд, произнес Ян и вкратце пересказал историю прошлого вечера, вплоть до того как оказался в доме Розамунды.

— Что случилось дальше? — нетерпеливо спросил Руд, — Ну? Вы видели убийц?

— Нет, — покачал головой юноша, — Я услышал шум и выбежал на улицу, а когда вернулся... — он отвел взгляд и сглотнул подобранный к горлу комок.

— Что это был за шум? Что-то необычное? — продолжал допрос констебль.

— Хм... громкий скрип, — неуверенно ответил бард.

— Скрип? — подозрительно сощурился Руд, — Вы что, из-за любого шороха на улицу выбегаете?

— Нет. Просто... — Ян замялся.

— Просто что?

— Я не уверен, что вы поверите...

— Говорите уже! — хлопнул по столу де Йонг.

— Мой кот сказал, что учуял странный запах. Чужой запах. Запах врага.

В кабинете повисла звенящая тишина. Констебль переводил взгляд с Яна на Мьёля и обратно. Наконец он тяжело вздохнул и покачал головой:

— Вот как...и на что был похож этот запах?

Ян повернулся к коту. Мьель раздраженно фыркнул:

— Ни на что! Ну может немного на базар восточного барахла.

— Он сейчас вам ответил? — тут же спросил Руд с нескрываемым интересом глядевший на животное, — Я слышал только «мяу».

— Говорит, запах немного напоминает лавки восточных торговцев.

— О-о-о, — удовлетворенно протянул констебль, — Это хорошо.

— Вам пригодятся эти сведенья?

— Разумеется, — кивнул констебль и, хлебнув вина, произнес, — Что ж, с допросом покончено. Поговорим о личном. Вам нужна юридическая практика, верно?

— Да, — робко ответил Ян.

— Кроме того, вам не безразлично это дело, — отметил очевидное Руд, — Наши интересы совпадают. Я предлагаю вам присоединиться к моему расследованию. Конечно, платить вам никто не будет. Ваше участие будет исключительно на добровольных началах.

Ян задумался. Чего добивается этот человек? Какой стороны придерживается? Чьи интересы защищает? Однако, предложение слишком заманчивое, чтобы от него отказываться. К тому же он ничего не теряет, разве...

— Это ведь очень опасно? — и без того зная ответ, спросил бард.

— Более чем, — серьезно кивнул Руд, — Но я не могу раскрывать детали, пока вы не согласитесь.

— Зачем вам моя помощь? Я думаю, вы и без нее прекрасно справляетесь.

На этот раз паузу взял констебль. Он пристально посмотрел на кота, словно желая разглядеть то, что Мьель недавно съел. Затем произнес:

— Из десяти констеблей города я один пытаюсь найти Розамунду ван Мейер, чтобы

помочь ей. Двое других жаждут посадить ее за убийство, остальные и вовсе не суются в это дело. Справляюсь ли я со своей задачей? Как видите, нет. Станет ли хуже, если вы мне будете помогать? Куда уж хуже. Тогда почему бы не попробовать? Честно скажу, вы и ваш кот очень заинтересовали меня. Опыт и интуиция подсказывают, что вы еще сыграете свою роль в этой истории. И мне хотелось бы быть рядом с вами, когда это произойдет.

Ян переглянулся с Мьёлем и ответил:

— Ну тогда я согласен. С чего начнем?

— Отлично! — хлопнул по столу Руд, — Начнем мы с малого: перейдем на «ты», а то у меня скоро язык отсохнет «выкать». Мы примерно одного возраста. Так что нечего церемониться. Понял?

— Хорошо, — опешил юноша.

— А теперь ты пойдешь домой спать. Уж больно вид у тебя тухлый.

Ян нахмурился и решительно покачал головой:

— Нет, — твердо произнес он, — Хотя я и чувствую себя, как расстроенная лютня, я не могу просто так уйти. Прошу, расскажите мне больше об этом... — он замялся, подбирая слово, — деле.

Руд расплылся довольной улыбкой:

— Прекрасно. Ценю энтузиазм и с радостью поощряю его. Скажи, тебя долго не было в городе, многое ли тебе известно о его жизни?

Бард неопределенно пошевелил рукой, словно рисуя в воздухе невидимые волны.

— Я так и думал, — вздохнул Руд, — Что ж, начнем с самого начала.

Две недели назад в своем кабинете в луже крови был найден Арон ван Мейер. Об убийстве сообщил его камердинер. Тогда же стало известно, что исчезла дочь мэра и ее служанка. Кроме того, пропали драгоценности, и была разорвана на мелкие кусочки одна интересная бумажка. Соглашение более чем годовалой давности.

— Что за соглашение? — подался вперед Ян.

— Очень известное, — разглядывая бурые круги под глазами собеседника, ответил Руд и продолжил, — Все знают, что Магистраты и мэры лудестианских городов раз в год выбирают Консула страны. Принято считать, что им становится мэр самого благополучного кантона, чтобы распространить это благополучие на всю Лудестию. На деле же Консул — тот, кто сильнее.

— Хотя в идеале такого не должно быть, — вздохнул Ян, — Ведь в кантонах Лудестии нет армии, только корпус мушкетеров-стражников в каждом городе.

— Как приятно говорить с образованным человеком, — восхитился констебль, — Лудестии не нужны наступательные силы. Она сильна экономически. Именно поэтому торговые компании могут позволить себе любых наемников. Обычно нанимают лудестианцев, например, переманивают к себе лучших мушкетёров. Но порой обращаются к настоящим головорезам — тем, кто живет чужой кровью. Конечно, сделать это может не любая компания — лишь самая влиятельная в своем городе.

— Ты ведешь к тому, — сообразил Ян, — что чем больше компания зарабатывает, тем легче ей обрести власть. А с этой властью ей легче зарабатывать еще больше, чтобы...

— Чтобы получить еще большую власть, — кивнул Руд, — Такая простая и понятная схема. Прибрав к рукам городское налогообложение, можно тратить казну в интересах своего собственного производства. И заметь, это не всегда плохо для города.

Как в случае с мэром города Льорисау господином Кларенсом Хюльдом. Да, сначала он

пустил казну на то, чтобы обеспечить свою торговую компанию грубарской конницей, но зато потом его фактории разрослись и стали приносить огромный доход, с которого, естественно, идут налоги в городскую казну. Кроме того Льорисау как центр торговой империи Хюльда обеспечивает работой весь кантон и даже соседей.

И господин Хюльд не желает останавливаться на достигнутом. Со временем он решил претендовать на пост консула и перебросил часть конницы в Льорисау, увеличив теперь уже военную мощь своего города. Никто не смел перечить ему. И не перечил пять лет, пока перед прошлыми выборами мэр Эйкдама не заручился куда более опасной поддержкой. Все знают, что конники из песчаного Грубара страшны, как смерть. Но так же известно — корабли севера и есть смерть. Поэтому за несколько дней до выборов Хюльд отказался от участия.

— Говорят, — начал Ян, когда Руд замолчал, чтобы плотнуть вина, — норхертрокцы поддержали господина ван Мейера за то, что он пообещал свою дочь их конунгу. Только ли за это?

— Конечно нет, — усмехнулся констебль, — За такую мелочь никто из них и топора бы в руки не взял. Да и не была она сначала частью сделки. Год назад северяне привели свои корабли в порт, и мэр загрузил их всяким добром под завязку. Тогда на пирсе многоуважаемый конунг Агмунд и заметил Розамунду. Он заявил, что с радостью заберет подношения господина ван Мейера и разграбит город, если девушку не отдадут ему. Мэру пришлось согласиться. Не знаю, сколько времени дал ему Агмунд, но у норхер... норхертр... Тьфу, что за слово! Норхертрокцев, будь они неладны, начинался сезон походов, поэтому конунг не забрал Розамунду сразу.

— Но время пришло, и он стал требовать обещанное...

— Именно, — кивнул констебль, — Несколько раз Агмунд присылал гонцов в Эйкдам. Зима в Норхертроке длится полгода, и он с войском не мог прибыть сюда раньше. Теперь же мэр мертв, а Розамунда исчезла. И Агмунд несомненно знает это. Ему не с кого брать обещанное.

— Многие знают эти подробности?

— Конечно, особенно члены Магистрата и их приближенные.

— И они все считают Розамунду убийцей? — с придыханием выпалил юноша.

— Ха-ха-ха! — громко рассмеялся констебль, — Едва ли кто-то из них всерьез считает, что девочка прирезала своего отца. Однако, — он мгновенно посерьезнел, — Многие убеждают в этом окружающих. Например, временный мэр — Сальваторе ди Нери.

— Ди Нери? — удивился Ян, разминая затекшую шею, — Кажется, раньше я слышал это имя. Кто он такой?

— Его отец с дядей приехали из Эмруда. Поговаривают, у них водились кой-какие денежки, и они занялись в Эйкдаме производством парусины да корабельных снастей.

— Не самое прибыльное занятие в портовом городе, — покачал головой юноша, — У нас и своих мастеров хватает.

— Именно поэтому первое время дела у них не клеились...

— А затем?

— Не знаю, — сухо произнес Руд, — Известно лишь, что пятнадцать лет назад во время шестидесяти девятой Большой войны[1] отец и дядя Сальваторе исчезли. Но их мастерская, возглавляемая Сальваторе и его братом, быстро стала известной, превратившись в огромную мануфактуру. Вскоре братья ди Нери стали вхожи в городскую элиту. А теперь старший из них — главный кандидат на пост мэра. Чертов разбойник! — Руд злобно сплюнул.

— Разбойник? — переспросил Ян.

— Доказательств, к сожалению, нет, но я, как и многие, уверен, что во время войны он связался с пиратами. Шестьдесят девятая обернулась сущим кошмаром для свободников[2]. Им пришлось активно выжимать Молодые Земли, и торговые караваны шныряли между континентами взад вперед... Понятное дело, кто этому был рад больше других. И понятно, откуда у кое-кого внезапно появилось целое состояние! Чертов пират, сколько ж торговых кораблей он потопил за эту войну!

— Столько семей не дождалось своих отцов... И такой человек управляет городом?! — возмутился юноша, — Почему?!

— Деньги и влияние... — меланхолично ответил констебль, — Но на нашу радость не все его поддерживают. Малочисленная оппозиция сплотилась вокруг господина Флориса Одвасбера — старого друга убитого мэра.

— Он ведь не считает Розамунду убийцей отца? — на всякий случай уточнил Ян.

— Не считает. И всячески мне помогает в расследовании. Которое, к сожалению, до недавних пор стояло на месте. Но теперь все иначе.

— Иначе? — подался вперед юноша, но констебль жестом остановил его:

— Да. Но подробности ты узнаешь завтра.

— Но я...

— Я ввел тебя в курс дела. Тебе есть о чем подумать. Отдохни, приведи мысли в порядок, перевари полученную информацию и подходи сюда в три часа дня. Встретимся у крыльца.

— Но мы не можем так долго ждать! Нужно искать убийц!

— Поверь мне, я настроен не менее решительно. Однако продолжить мы можем лишь днем. Но если повезет, уже к вечеру убийцы будут у нас в руках!

— Красота-то какая! — восторженно воскликнул Ян, но тут же озабоченно добавил, — Но где это я?

Бард повернул голову налево, а затем и вовсе, словно волчок, крутанулся вокруг своей оси. Он стоял в центре бескрайнего луга, по пояс утопая в траве. Ян задрал голову. Облака белоснежными черепахами ползли по ярко-голубому небу, что накрывало все вокруг. Лишь далеко на горизонте остроконечные заснеженные шапки величественных гор разрывали его, добавляя сказочности округи.

— А воздух-то какой! — юноша вдохнул полной грудью, — Аж голова кругом!

Он глазел по сторонам еще какое-то время.

— Без толку стоять на одном месте, — сквозь высокую траву, он зашагал прямо, сам не зная куда. Уверенность, что правильно выбрал путь, не покидала его. Чувства не обманули, и через несколько минут бард стал различать мелодичный голос.

Ян не мог разобрать слов, как бы ни прислушивался, и невольно ускорил шаг.

Неожиданно ландшафт изменился, и луг, будто обрезанный гигантским ножом, устремился вниз. Из низины слышалось благозвучное журчание ручейка, а между тем приятный голос наконец-то обрел форму, превратившись в четкие слова:

— Камень... Камень! Грустно тебе у реки! Камень... Камень! Летят на огонь мотыльки!

Удивленный Ян рванул еще быстрее, но через несколько мгновений застыл как вкопанный. У мелкого ручейка на гладком овальном камне сидела девушка в длинном оранжевом платье с широкими рукавами и расчесывала белокурые волосы. Она мурлыкала

себе под нос строки столь знакомой Яну песни, но, услышав шорох, взвизгнула от неожиданности:

— Ой! — в мгновение ока оказавшись на ногах, девушка уставилась на юношу широко распахнутыми голубыми глазами, — Кто вы? — быстро спросила она.

Но Ян не спешил отвечать. Он не мог отвести взор от незнакомки. Эти волосы... эти глаза... этот овал лица — все, казалось таким знакомым. Однако черты выглядели неуловимо иначе. И выражение лица абсолютно другое.

— Неужто смерть и вправду снимает все печали... — прошептал себе под нос юноша. Сделав решительный шаг вперед, он произнес, — Розы? Это правда ты? — девушка не ответила, лишь попятилась назад, — Куда же ты?

Она продолжала пятиться и, запнувшись о камень, потеряла равновесие. Бард рванул вперед и подхватил девушку, не дав ей упасть в холодный ручей.

— Спасибо, — робко произнесла она, когда Ян помог ей встать на ноги.

— Не за что, — тут же выпалил Ян и схватил ее за руку, — Прощу, скажи это ты, Розы? Ну же? Неужели не узнаешь меня? Это я — Ян!

— Ян? Розы? — пробормотала она, — Какие красивые имена, — девушка едва заметно улыбнулась, — Мне нравится. Зови меня и дальше Розы, Ян.

Она прошла к камню и, усевшись на него, предложила барду присесть рядом. Тот с нетерпением сел и тут же выпалил:

— Так значит это и есть Небесный Сад? Место, куда отправляются хорошие люди после смерти?

Девушка испуганно отпрянула:

— Смерти? Кто-то умер, Ян?

— Ты, Розы... — тихо произнес юноша и зарыдал, уткнувшись лицом в ладоши.

— Не плачь, Ян, — нежная ручка легла ему на шею и в следующую секунду голова юноши оказалась на теплой груди девушки, — Если я правда умерла, то ничего страшного. Ничего такого из-за чего стоило бы так горько плакать.

— Ничего?! — отпрянул от нее бард, — Неужели ты не помнишь?!

Розы потупила взор:

— Не помню. Я знаю лишь то, что я здесь. А кто я? Как я сюда попала? Сколько тут провела? И где именно нахожусь — не знаю.

— Вот как... — пролепетал Ян и вымученно улыбнулся, — Тогда тебе лучше этого и не знать, — он заглянул в ее ясные глаза и тепло произнес, — Я рад снова видеть тебя, Розы.

— И я тебя, Ян, — улыбнулась девушка.

Ян резко открыл глаза и уставился в потолок:

— Ну и сон... Чего только не присниться...

— И что же тебе снилось? — Мьель перепрыгнул с тумбочки на кровать и уселся на грудь барду, — Ты ревел во сне, как сопливая девчонка.

— Раз ты обзываешься — не скажу, — Ян демонстративно отвернулся.

— Ну и не надо, — хмыкнул кот, — Ты все равно, как обезумевший, повторял ее имя. Я спрашиваю только из вежливости, — мохнатый нахал спрыгнул на пол, — Вставай давай! Хватит разлеживаться! Иди поешь и еще раз извинись перед своей маманей. Бедную женщину чуть удар не хватил из-за того, что ее любимое чадо приперлось все чумазое, побитое и только под утро.

Ян ничего не ответил. У него в голове промелькнула сцена сегодняшнего утра: заплаканная мать, всю ночь просидевшая в кухне, зевающий отец, едва выйдя из спальни разразившийся отборной руганью, испуганная Петра и довольный братом Руперт.

Быстро одевшись, бард спустился в столовую.

Мать он обнаружил сидящей за столом. Едва увидев сына, женщина подскочила на месте и понеслась на кухню:

— Присаживайся, сынок, сейчас покушать принесу, — на ходу произнесла она.

Женщина вернулась через пару минут с целой миской свежего жаркого. Поставив тарелку перед Яном и протянув ему ломоть черного хлеба, Джоанна села напротив.

— Мам, прости меня за то, что заставил волноваться, — виновато потупился юноша.

— Прекращай уже и ешь, — скрестила руки на груди женщина, — Я с голодными не разговариваю.

Молодому барду пришлось покорно выполнить требование матери. Она удовлетворённо наблюдала за тем, с каким аппетитом поглощается её еда.

— Так-то лучше, — довольно произнесла Джоанна, когда Ян доел, — А теперь, пока у меня доходит рыбный пирог, я с радостью выслушаю твою историю.

Ян посмотрел на мать, но тут же отвел виноватый взгляд и вздохнул:

— Тебе не стоит так переживать из-за меня. Мне уже давно идет третий десяток...

— Ну надо же! — всплеснула руками Джоанна, — Во-первых — не так-то и давно. А во-вторых — будь тебе хоть десятый десяток, я останусь твоей матерью! А теперь выкладывай, во что ты снова вляпался?

Юноша зацепился взглядом за прожжённое пятно на полу, невольно вспомнив, как когда-то, балуясь с Рупертом, уронил свечку, а мать быстро потушила огонь и пред отцом взяла вину на себя. Ян улыбнулся и, собравшись с духом, произнес:

— Я помогаю специальному констеблю в расследовании убийства мэра. Думаю, в ближайшие дни я буду приходить поздно ночью или рано утром. А то и вовсе не будет возможности заскочить домой.

Вопреки ожиданиям Яна, Джоанна приняла новость спокойно.

— Что ж, Ян... — наконец-то произнесла она спустя минуту, — Если ты уверен в своем решении, я тебе и слова не скажу против. Как бы мне не хотелось оберегать тебя от тебя самого и от всего мира, я не могу это делать вечно. К тому же, ты целых пять лет как-то прожил вдали от дома, хоть я каждый день себе места не находила... Ведь ты такой... Такой особенный. Добрый и наивный. И мне всегда хотелось помочь тебе сохранить эту доброту.

— Тебе удалось, — улыбнулся юноша.

— Не спорю, — кивнула Джоанна, — Но не об этом речь. Послушай меня, Ян. От твоего отца я немного узнала об этой истории. Умалю тебя, будь осторожен. Не лезь куда не следует, пропускай всегда вперед констебля — это его работа. И еще кое-что... — она замолчала и закусила губу, затем выпалила, — Не рассказывай ничего отцу. Ему очень не понравится то, чем ты занялся.

— Почему? — удивился Ян, — Это ведь хорошая практика.

— Так-то оно так... Но лучше ему не знать. Я сама поговорю с ним. Придумаю что-нибудь, — женщина улыбнулась.

В холле скрипнула дверь, послышались шаги и голос отца:

— Будьте уверены, господин ди Нери к завтрашнему дню бумаги будут готовы.

Эти слова эхом отразились в голове молодого барда. «Ди Нери... Ди Нери...»- без

устали повторять его внутренний голос. Молодой бард сам не понял, как он оказался на ногах и вылетел из столовой. Он увидел, как тот же человек, что и вчера — с острой черной бородой и в шляпе, поклонившись отцу, вышел на улицу.

Ян пулей пролетел через весь холл и в сердцах схватил отца за грудки:

— Ди Нери?! — кричал юноша, — Ты сказал ди Нери?!

— И что с того?! — раздраженно бросил Йозеф, отмахнувшись от сына, словно от назойливой мухи. Бард не удержался на ногах и упал, — Надумал пугать меня, — буркнул старый юрист, — так держи крепче. А то со своей мягкотелостью на всю жизнь останешься мальчиком для битья.

— Сальваторе ди Нери?! — тут же вскочил на ноги Ян, — Это ведь он, правда?! Говори!

Йозеф окинул сына холодным взглядом и равнодушно ответил:

— Да, это он.

Ян побагровел от злости и сжал челюсти так сильно, что едва не раздробил собственные зубы.

— Как смеешь ты ему помогать?! Этому убийце?! Ведь он якшается с пиратами! Он... Он связан с убийством мэ...

— Молчать!!! — во всю глотку проревел Йозеф, вцепив сыну звучную затрещину, — Все твои обвинения вилами на воде писаны! Пока они не доказаны, Сальваторе ди Нери — честный человек! Как ты, как я, как твоя мать! Поэтому не смей очернять моего клиента!

— Клиента?! — изумленно повторил Ян, — Неужто этот преступник тебе важнее собственного сына?! Ведь из-за него... — юноша всхлипнул, но тут же утер слезы, — Из-за него убили Розы...

— Розы?.. — пробормотал Йозеф, — Глупости! Розамунда ван Мейер жива и до сих пор в бегах. А теперь слушай меня, вникая в каждое слово. Господин Сальваторе ди Нери на сегодняшний день богатейший человек города, возможно будущий мэр и Консул, и помимо всего прочего уже почти пять лет мой главный клиент. Пока ему не представлены никакие обвинения, пусть он даже Всевышнего зарежет, я буду работать с ним. Кто-то должен кормить семью, копить деньги на обучение сыновей, собирать приданное дочери. Не думай, что из-за твоих капризов я откажусь от своего самого надежного клиента.

— Ах вот как... — тяжело дыша, Ян пытался справиться с чувствами, — Это уж слишком... Я не могу оставаться под одной крышей с тем, кто покрывает преступников!

Он быстро развернулся и двинулся к лестнице. Увидев замершую в дверном проеме столовой мать, бард посмотрел в ее красные от слез глаза и тихо произнес:

— Не плачь, мама. Мне пора. Не жди меня к ужину, — он крепко обнял женщину и прошептал ей на ухо, — Не переживай, я сдержу свое обещание.

Через пять минут Ян ван дер Веттелек, забрав вещи, покинул отчий дом.

[1] Так в Армирионе называют войны между Империей и Странами свободного мира

[2] Обобщенное название для Стран свободного мира

Песнь 3. Одинокая Луна

Площадь Великого Эйкадама была похожа на растревоженный муравейник. По мостовой без устали цокали копыта, гремели колеса карет, стучали каблуки модных туфель. Люди здесь сменялись быстрее, чем настроение беременной женщины.

В самом центре Эйкадама буквой «П» стояли четыре здания. Ратуша с острой шпилькой-башней, на которой сияли блестящие часы, первой приковывала взоры тех, кто оказывался на площади. Она чем-то напоминала стрекозу. От длинного тела-башни в обе стороны были растопырены крылья-корпуса.

Справа от ратуши стоял идеально-правильный параллелепипед без каких либо украшений на фасаде — штаб эйкадамского гарнизона. Кроме усталых и измученных жарой мушкетеров, туда мало кто заходил.

Другой ногой буквы «П» являлось длинное здание, с обоих краев заканчивающееся башнями. Поговаривают, в былые времена оно было единым, но с тех пор как неугомонные гуманисты решили, что суд должен быть сам по себе (и непременно с присяжными — такими же неугомонными), здание разбили надвое, возведя перегородки на всех этажах. С тех пор городской суд и полицейское управление, как склочные супруги — и вместе плохо, и порознь не можем. Возможно именно поэтому на глубине, чтобы никто не видел, они держались за ручки, образуя своего рода тоннель — городскую тюрьму.

Стражник-мушкетер прошел мимо бронзового памятника отца-основателя города — Великого Эйкадама, обогнул оба фонтана и твердым шагом направился к штабу полиции. Он давно заметил юнца, усевшегося на длинных, напоминавших амфитеатр, ступенях. Парень, свесив голову, перебирал струны своей лютни, что-то траурно мурлыча себе под нос

— Эй! Поднимайся! — приказал стражник, толкнув Яна в плечо, — Чего расселся на площади? Мест что ли других нет?! Иди к воротам и там побирайся! И зверюгу свою блохастую заberi!

— А? — брад поднял красные от слез глаза на нависшего над ним мужчину.

— Ну это... — мушкетер смущенно отступил назад, — Проваливай...

— Спокойно, уважаемый. Этот парень со мной!

Увидев спускающегося по ступеням специального констебля, стражник что-то неразборчиво пролепетал и поспешил удалиться. Руд опустился на ступени рядом с Яном.

— Чего ревом? — бесцеремонно спросил он, — Соринка, небось, в глазик попала.

Ян быстро вытер глаза рукавом и проморгался.

— Все нормально, — буркнул он в сторону.

— Правда что ли? — усмехнулся Руд.

— Конечно нет! — всхлипнул бард, но тут же взял себя в руки, — Прости. Слишком много всего произошло... — он замолчал и, глубоко вздохнув, тихо произнес, — Я вспомнил Розы... Ты хоть представляешь, каково это — разговаривать с человеком, чувствовать его запах... его тепло... А через пару минут обнаружить его в луже крови... А потом... — он вспомнил свой странный сон и снова замолчал.

— Что потом? — учтиво спросил констебль.

— Ничего, — покачал головой юноша, — Пустота.

Руд хлопнул его по плечу:

— Глупости. Ты жив и, можно сказать, здоров. А значит перед тобой расстилается дорога вперед. И это не пустота. Это как минимум возможность наказать ублюдков, убивших твою Розу. Идем. Нечего штаны просиживать.

Он встал и хотел было идти, но Ян дернул его за рукав.

— Ну что еще? — недовольно буркнул Руд.

— Я должен кое в чем признаться... — не глядя на товарища, ответил бард, — Прежде чем... Прежде чем мы вместе займемся расследованием.

— Хм... Интересно в чем же? Тебя что-то гложет, Ян?

— Да. Мой отец... — промямлил юноша и замолчал. Затем, вскинув голову, выпалил, — Мой отец ведет дела ди Нери. И, похоже, очень давно.

Констебль выдернул руку и отвернулся, разглядывая часы ратуши, начавшие отстукивать три часа дня. Поправив плащ, он небрежно бросил:

— Знаю.

Ян выпучил глаза:

— Знаешь? И все равно взял меня в помощники?

— Не вижу здесь никакой связи, — развел руками Руд, — Твой отец — это твой отец. А ты — это ты. И не смотри на меня так. Я достаточно прогрессивен во взглядах, — улыбаясь, произнес он и еле слышно добавил, — Особенно в подобных вопросах...

— Чего? — переспросил Ян.

— Ничего. Вставай наконец! Время не ждет.

Они быстро пересекли площадь. Оглядевшись по сторонам, Руд практически сразу свернул с главной улицы. В центре города было мало узеньких переулков, что, в прочем, не помешало специальному констеблю проложить путь исключительно через них.

— Слушай меня внимательно, — вещал Руд, спускаясь по длинной лестнице, ведущей в портовый квартал, — Как бы плохо это не звучало, но убийство госпожи Смит сыграло нам на руку.

— Да как ты..! — сжал кулаки Ян, но Руд примирительно поднял руки:

— Тише-тише... Вот, молодец, успокойся и не перебивай.

Мэр был убит достаточно кровавым, но действенным способом — ему проткнули печень. Честно говоря, в своей практике я еще не встречал подобных методов и был немало заинтересован. Однако я не мог целыми днями штудировать книги и материалы архива — нужно было искать обеих Розамунд, да так, чтобы мои сведения не оказались в руках моих же коллег... — он покачал головой. Затем тяжело вздохнул и продолжил, — Так прошло две недели, прежде чем доверенные люди сообщили мне, что нашли Розамунду Смит.

— Под доверенными людьми ты подразумеваешь?..

— Не бери в голову, — отмахнулся Руд, перепрыгивая через помой, только что вылитые из окна и хлынувшие к стоку канализации, — И слушай дальше. К сожалению, я опоздал. Однако, увидел нечто очень важное. Способ убийства — тот же самый.

— И? — с нетерпением произнес Ян, — Ты знаешь, кто убил Розамунду?!

— Знаю, — твердо ответил Руд, — Грубарские наемные убийцы. Так же известны как ассасины. Если верить «Путешествию к желтым пескам» уважаемого господина Моратти, они лишены каких-либо чувств и являются идеальными орудиями убийства. Пробивать узким ножом печень их основной метод. Кроме того твой кот говорит, что учуял восточный базар — видимо что-то из их специальных снадобий, — Руд встретился взглядом с одноногим оборванцем, сидящем недалеко от огромного портового склада, кивнул ему и

продолжил, — Есть и еще кое-что, доказывающее мою правоту.

— Что же? — тут же спросил Ян.

— Ты, — ровно ответил констебль, когда попрошайка оказался далеко позади.

— Я? — удивился бард.

— Точнее твоя жизнь. Ассасины, к сожалению, не единственные, кто профессионально занимается заказными убийствами. Но будь это какое-нибудь лудестианское братство, они бы прирезали и тебя, и твоего кота и всех, кто попался бы под руку. А вот грубарские мастера работают тоньше. Они убивают только того, за кого заплачено. Вот поэтому вы с котом и бегали за тенью.

— Грубарские, говоришь... — пробормотал Ян, а Руд едва заметно улыбнулся:

— Вижу, что понимаешь. Известный нам любитель грубарских наемников вполне может быть замешан в убийстве конкурента. К тому же, выборы Консула на носу.

— Почему никто не обвиняет его? — возмутился бард.

— Потому что Сальваторе ди Нери — его партнер. Пока что. Думаю, когда господин ди Нери станет полноправным мэром Эйкдама, он непременно замахнется на место Консула. Однако все наши доводы едва ли весомей дырки от сушки. Для начала нам нужно захватить ассасинов и допросить их.

— И ты, конечно, знаешь, где их искать?

— Нет, — честно ответил констебль, — Но я знаю человека, который, скорее всего, знает.

— Тогда нам нужно с ним встретиться!

— Именно к нему мы и направляемся.

К этому времени констебль со своим спутником оказался уже далеко в дебрях портового квартала — самого страшного места Эйкдама. Здесь в промозглых лачугах ютились работяги-однодневки — те, кто в свое время не смог найти постоянную работу и ныне перебивался случайными заработками. И эти заработки, к сожалению, редко ограничивались погрузкой-разгрузкой судов.

— Что, непривычно тебе здесь? — усмехнулся Руд, взглянув на озирающегося по сторонам Яна.

— Отнюдь, — покачал головой бард, разглядывая проходящих мимо оборванцев, — В детстве я, бывало, играл здесь с друзьями. Но после того, как нас чуть не похитили, мама, узнав об этом, слегла почти на месяц. Тогда я решил, что не стоит больше подвергать ее таким переживаниям... — он замолчал, невольно осознав, что ныне этим и занимается.

— Да-а-а... — протянул констебль, — Народ здесь ушлый.

Из-за угла весело гомоня, вывалились два бойких скелета, обтянутых загорелой кожей. Один из них случайно задел Руда плечом и тут же обернулся:

— Прошу прощенья, господин, — улыбнулся он гнилыми зубами и, кивнув, продолжил путь.

— Не так быстро, красавчик, — де Йонг молниеносно выхватил пистолет, — Сначала верни мой кошелек.

— О-о-о, — беззлобно осклабился мужик, — Не вышло. Прошу, — он протянул звенящий кожаный мешок.

— А теперь ответь мне, милашечка, — произнес Руд, не убирая пистолета, — Гнус уже у себя?

— Гнус? — выкатил и без того вылупленные глаза прощельяга, — Понятия не имею о

ком вы говорите...

Руд взвел курок. Вокруг уже начинала собираться толпа зевак. Мелкие стычки для здешних жителей еще более обыденное явление, чем запах рыбы или крики чаек. Они давно не вызывали страха, являясь главным развлечением этого района.

— Ладно-ладно, — примирительно поднял руки неудачливый вор, — На месте. Я провожу вас.

— Не стоит, — попытался возразить Руд, но портовый житель был непреклонен.

— Это не обсуждается, — произнес он, вместе со своим товарищем, пройдя мимо Яна и Руда, — идемте.

Дальше все четверо шли молча. Молчал и кот, по привычке путешествовавший на плече барда. Он с интересом разглядывал новое для себя место, вертя в разные стороны мохнатой головой.

— Все-таки какие же вы омерзительные... — прозвучало в голове Яна.

Молодой бард с недоумением проследил за взглядом Мьёля. На угол старого склада с темными подгнившими стенами справлял нужду шатающийся мужик, едва не поливая собственного товарища, прикорнувшего рядом.

— Не суди строго, — улыбнулся Ян. Три пары глаз удивленно уставились на него. Руд быстро сообразил, в чем дело и усмехнулся:

— Не стоит разговаривать с котом на людях, дружище. А то эти господа, — он указал на идущих впереди проходимцев, — решат, что ты душевнобольной.

Неудачливые воры буркнули что-то малопонятное. Руд же подошел вплотную к Яну и шепнул не то ему, не то коту:

— Можете еще взглянуть туда, — он ткнул пальцем в полутемный проулок, где крепкий мужчина, очевидно моряк недавно прибывшего судна, дергался над изогнувшейся женщиной, задрав ей платье.

— Тьфу! — фыркнул Мьель и, одарив констебля презрительным взглядом, отвернулся.

— Что он с ней делает? — пробормотал юноша.

Руд, застыв на мгновение, громко расхохотался.

— Что? — не понял Ян, и вдруг быстро покраснел, — Ах... Это..? Не может быть!

Констебль продолжал ржать. Только через минуту он смог произнести связную фразу:

— Недаром говорят, что творческие люди странные, — все еще хихикая после каждого слова, выдал он, — Но ты самый странный из всех. Обычно барды... хм... более сведущи в подобных делах.

— Просто мне как-то не до этого, — пожал плечами Ян.

— И что, — продолжал напирать Руд, — ты ни разу?

— Нет.

— Даже в борделе не был? Ребята, не способные самостоятельно познакомиться с девушкой, там легко компенсируют этот недуг за определенную плату.

— Нет. Не был.

— Что ж... — озадаченно проговорил констебль, — Чудо среди бела дня! Но не беспокойся, мы исправим это недоразумение раньше, чем ты думаешь. Хоть и идем мы туда не за этим, но можем задержаться!

Ян молча покачал головой.

Пропетляв по унылым переулкам еще некоторое время, разношерстная компания остановилась перед двухэтажным неприглядным зданием, едва не увязнув в море помоев,

разверзнувшемся прямо у крыльца.

— Пришли, — бросил один из провожатых Яна и Руда, костлявой рукой указывая на кричаще-красную надпись «Хмельная Цыпа», — Милости просим, как говорится. А мы пойдём вперед. Доложим о вас Гнусу. Как вас представить?

— Руд де Йонг.

— Хорошо. Ждите внутри, — парочка скрылась за дверью.

— Идем, — подтолкнул барда в спину констебль.

Еще стоя на крыльце, Ян отчетливо слышал залиvistый мужской смех, переплетающийся с кокетливым женским хохотком, разбавленный залихватской мелодией лютни и приправленный стуком чокающихся кружек. Оказавшись внутри, бард и вовсе чуть не оглох. Поток разгоряченного похотливого веселья едва не сбил парня с ног.

— Ты в порядке? — усмехнулся Руд, придерживая покачнувшегося Яна, — Веселое местечко, не правда ли? Не то, что скучные трактиры, где тебе доводилось выступать.

Ян молча кивнул. Он посетил много питейных заведений. Приличных и не очень. Но с подобным раньше не сталкивался. В квадратной деревянной коробке за грязными столами развлекались моряки и местные проходимцы. И в их увеселительную программу входили не только выпивка и песни менестрелей. Главное блюдо — девицы в нарядах развратных настолько, что по сравнению с ними обнаженные женщины выглядят праведнее монашек Ордена «Невест Всевышнего», известных исключительным целомудрием.

— Рот закрой — кишки простудишь! — Руд легонько щелкнул по отвисшей челюсти своего друга.

— Какие-то странные официантки... — изумленно затряс головой юноша.

— Ха! Доставка кружек не основное их занятие, — пояснял констебль, увлекая своего собеседника вглубь зала, ближе к барной стойке, — Они разогревают посетителей для своих подружек, ждущих в спальнях наверху. А когда те устают, — он указал пальцем на потолок, — девочки меняются местами. Гнус создал уникальное для Эйкдама заведение, объединив под одной крышей две главные мужские потребности — дешевое пиво и доступных баб. Обычно пивнухи отдельно, бордели отдельно. Да, в одном можно подкатить к официантке, а в другом — хлебнуть вина для храбрости. Но чтобы полностью объединить... Подобного раньше я не встречал, — задумчиво произнес Руд, усаживаясь за барный стул, — Может этот пройдоха и вовсе стал отцом совершенно нового направления в сфере развлечений.

— Что будете? — рявкнул, стоявший за стойкой лысый верзила.

— Пинту чего-нибудь попрличнее, — ответил Руд.

— Кружку молока, пожалуйста, — улыбнулся Ян.

Бугай посмотрел на него, словно на свежепроизведенный навоз и пробасил:

— Детей не обслуживаем.

— Любезный, — щенячьими глазками уставился на бармена констебль, — Налей моему другу водички, будь лапочкой.

Верзила смерил его тяжелым взглядом и, кивнув, отправился исполнять заказ.

— Господин Гнус точно знает, где искать ассасинов? — встревожено произнес Ян, — Иначе наш поход в это странное место окажется чрезвычайно бесполезным.

— Во-первых, не стоит звать его господином. Он всего лишь главный разбойник в городе. А во-вторых, не окажется, — успокоил его Руд, — Ты, как минимум, получил прекрасную возможность лицезреть дамочек в их естественном виде, — он обвел взглядом

все заведение, — Думаю, это даст неплохой толчок для твоего творчества.

— Надеюсь, что так, — согласился Ян, наблюдая, как, покачивая объемными бедрами, к ним приближается одна из здешних работниц. Огрызки полупрозрачной ткани, служившие ей одеждой, едва скрывали самые сокровенные места молодого тела.

— Ты не похож на местных охламонов, — произнесла она томным голосом, проведя пальцем по шее Руду, — Не хочешь поразвлечься, красавчик? — шлюха умело состроила глазки, опуская ладонь ниже.

— Спасибо, уважаемая, — вежливо ответил констебль, брезгливо убирая ее руку со своего пояса, — Я бесконечно ценю ваше предложение, но вынужден отказаться.

— Фи! — фыркнула портовая кошка, — Что, я недостаточно хороша для тебя, хмырь?! А?!

— Спокойно, леди, — примирительно выставил вперед руки констебль, — Я не хотел вас обидеть.

— Засунь свое «спокойно леди» себе в зад! Я не леди! Я шлюха, — гордо заявила она, — которой здесь еще никто не отказывал! Что, считаешь себя лучше других?! Выродок! Недоносок! Да я уверена, тебя родила одна из нас, просто не придушила вовремя!

Руд резко вскочил на ноги и сделал молниеносный шаг вперед. Ян увидел, как гримаса едва сдерживаемого гнева исказило лицо его товарища. Как добела сжались кулаки. Как он сделал еще шаг, подойдя вплотную к перепугавшейся женщине.

— Послушай, дрянь, — холодно прошипел констебль, — Еще одно слово про мою мать, и я разобью твою мерзкую морду. Раскрою череп. Спляшу на вытекших мозгах. А теперь вали отсюда. Твое раскуроченное ведро мне совершенно не интересно. Оставь его для голодных моряков, готовых совать даже в доску с дыркой.

К несчастью, эта стычка привлекла внимание тех самых «голодных моряков». Нетрезвые воины моря, отодвинув в сторону кружки и женщин, повскакивали со своих мест, выхватив тесаки да абордажные сабли. У кого-то нашлось и огнестрельное оружие. Испуганная шлюха, взвизгнув, убежала. Ян медленно встал, оставаясь за спиной констебля.

Руд одарил окружающих презрительным взглядом и, злобно рыкнув, тоже вытащил свои пистолеты:

— Что, коты мартовские, — выплюнул он, — Одолели бури и штормы. Выжили после встречи с пиратами. И все это лишь для того, чтобы сдохнуть в борделе? Славная смерть. Геройская, ничего не скажешь...

Моряки насупились и зарычали, явно намереваясь прикончить обидчика.

— Стоять! — зал накрыл звучный гнусавый голос.

Все замерли, не желая спорить с обладателем голоса.

— Друзья мои, — продолжал гнусавый, — возвращайтесь к своим столам. Прошу, не устраивайте четвертование специального констебля в моем борделе.

Моряки ошарашено уставились на Руду, тот лишь улыбнулся и пожал плечами. Озадаченные посетители начали разбредаться по своим местам.

К Руду и Яну ковылял невысокий, полноватый мужчина лет пятидесяти на вид. Он шел, ведя за собой пятерых насупленных бугаев, в услугах которых, казалось, хозяин заведения не особо-то и нуждался — два пистолета и широкая сабля, заткнутые за алый кушак, служили тому весомым аргументом.

— Руд, едрить его, де Йонг! — воскликнул он, остановившись перед гостями и улыбнувшись щербатой улыбкой, — Специальный констебль собственной персоной!

Руд сдержанно кивнул, приветствуя Гнуса. Ян же с интересом разглядывал вновь прибывшего. Округлое лицо с приплюснутым носом и пороссячими глазками украшали пышные черные, как смоль, усы. На макушке сверкала лысина. Из-под наполовину расстёгнутой белоснежной фланелевой рубахи виднелась широкая волосатая грудь. Бард про себя отметил, что этот человек в штанах-шароварах больше походил на пирата, нежели на сухопутного разбойника.

— Что ж вы, ребята, столь важного гуся-то не узнали? — усмехнулся Гнус, обращаясь к посетителям, — Грохни вы его, я б потом забот хапнул. Так? — повернулся он к Руду.

— Да! — громко, чтобы все слышали, ответил тот, — Все в отделении знают, куда я пошел.

Толпа зашуршала, обсуждая услышанное. Ну а Гнус подошел в плотную к констеблю и шепнул:

— Ой не ври... Кто хоть каплю тебя знает, в курсах, что ты думаешь о своих коллегах, — последнее слово он произнес с явной насмешкой.

— А ты меня знаешь? — пристально посмотрел ему в глаза Руд.

Гнус выдержал этот взгляд, и, расхохотавшись, хлопнул констебля по плечу.

— Пойдем ко мне в кабинет. Там и поговорим.

Он подал сигнал телохранителям и, развернувшись, двинулся туда, откуда пришел. Руд, Ян и Мьель отправились следом.

Кабинетом Гнусу служила просторная, богато обставленная комната. Хозяин плюхнулся на роскошную софу. Два телохранителя истуканами замерли за его спиной. Еще трое остались снаружи. Руд и Ян расположились в мягких креслах.

— Гляжу, твоему новому дружку нравится у меня! — заявил Гнус, когда бард разглядывал лакированный стол и массивный шкаф, заставленный книгами, бокалами и бутылками, — Еще бы! — ответил сам себе владелец «Хмельной Цыпы», — недаром я, кто бы что ни говорил, глава всего подпольного мира Эйкдама! То, чем не управляют даже мэры, с радостью повинуется мне!

— Да-да. Я знаю, как ты гордишься этим, — устало поднял руку констебль, — Поэтому и пришел к тебе. У меня дело. И ты мне с ним поможешь.

Гнус скривился:

— Сколько тебе лет, де Йонг? — бросил он, — Тридцать?

— Двадцать семь.

— И к двадцати семи годам ты до сих пор не понял, что когда просишь помощи у серьезных дяденек, нужно как минимум подбирать слова?

— Может и понял, — сощурил взгляд Руд, — Но ты — бандит. А я — специальный констебль...

— Специальный констебль Руд де Йонг, — перебил его Гнус, — Гроза всей местной шелупони и человек с самой распространенной фамилией в Лудестии. Она ведь означает «младший», верно? В старые времена ее брали себе младшие сыновья, когда оставляли отчий дом, поняв, что наследство им не светит. Неужели не мог придумать что-нибудь поизящнее? — кулаки Руда сжались, он скрипнул зубами. Гнус, не то заметив это, не то просто успокоившись, махнул рукой, — Ну да бес с тобой. Ты прав. Я тебе должен услугу, а я — такой прекрасный человек — всегда плачу свои долги. Выкладывай!

Руд разжал кулаки, протяжно выдохнул и внешне спокойно произнес:

— В городе обосновались грубарские наемные убийцы — ассасины. Мне нужна

информация. Когда появились и где обосновались. В общем все, что знаешь.

Гнус удивленно хлопнул глазками:

— Ассасины? Первый раз слышу.

— Врешь! — стукнул по столу Руд и два телохранителя тут же обнажили сабли, — В Эйкдаме, — продолжал констебль, — и мышь без твоего ведома не пробежит! Отвечай! Или что, все твои слова о том, что ты чтишь долги — пустой треп?!

Глава подпольного мира Эйкдама дал знак своим подчиненным спрятать оружие и, покачав головой ответил:

— Ну зачем же так грубо, специальный констебль? Просто подзабыл. А теперь вспомнил. Кое-что знаю.

— Ну? — нетерпеливо выпалил Руд.

— Один из моих хм... дорожных рабочих что-то похожее рассказывал...

— Дорожных рабочих? — не понял Ян.

— Уличных попрошайек, — торопливо пояснил Руд, сверля взглядом Гнуса.

— В общем да. Поселилась у нас парочка. Недели две назад...

— Когда убили мэра! — тут же отметил бард, за что констебль наградил его гневным взглядом.

— Где они? — быстро спросил де Йонг, — Место?

— Заброшенный склад недалеко от порта, — небрежно бросил Гнус, — Тот, что горел пару месяцев назад.

— Твои ребята его спалили за то, что господин ван Гертен чем-то не угодил тебе, — поправил разбойника Руд.

— Пустое, — отмахнулся хозяин «Хмельной Цыпы», — Всего лишь гнусные домыслы.

— Но там же все завалено! — воскликнул констебль, — Даже бездомным негде поселиться!

— Мне ли говорить, — хмыкнул Гнус, — что ассасинам не нужны людские удобства?

Руд задумался на несколько секунд и, поднимаясь с кресла, произнес:

— Благодарю за информацию. Не сказал бы, что мне приятно иметь дело с такими, как ты, но оно того стоило.

— Ты уверен, что ему можно верить? — спросил Ян, когда они чуть ли не бегом неслись по грязным закоулкам портового квартала.

— Верить ему не стоит, — ответил Руд, едва не налетев на тетку, тащившую на заливке воняющий гнилыми овощами мешок. — Но думаю, он не соврал.

— Далеко ли еще до этого склада?

— Несколько минут.

Хоть день и подходил к концу, портовый квартал кишел людьми, словно свежая куча навозными жуками. Каждый что-то тащил, на кого-то кричал, со всех сторон слышалась брань и ругань. Это место походило на отдельный город внутри города, живущий по своему расписанию и по своим собственным законам.

Спустившись по длинной лестнице и в очередной раз едва не поскользнувшись на разлитых помоях, путники прошли мимо громадного склада, невольно мешая работе мужчин, загружающих длинную повозку. Миновав еще несколько домов Руд и Ян оказались на месте.

Не самый большой склад по меркам портового квартала после пожара превратился в

обугленные кирпичные стены с редкими торчащими балками, некогда поддерживающими крышу. Рядом расхаживали оборванцы-прохожие, но внутри не было ни души. Оглядевшись по сторонам, Руд перемахнул через останки разобранного на доски забора и, пригибаясь, двинулся вперед. Ян поспешно последовал за ним.

— Повезло, что весь квартал не сгорел, — покачал головой бард, оглядывая черное море углей и мусора, раскинувшееся вокруг.

— Еще бы он сгорел! — отозвался констебль, — Зачем Гнусу себе в убыток работать? Что ни говори, а его черти свое дело знают. Поди заранее бочки с водой приготовили, чтобы лишнего не сжечь.

— Это ж сколько бочек-то нужно было...

— Много. Но не только в них дело. Насколько мне известно, в ночь, когда склад загорелся, с моря пришел сильный шторм. Уверен, они и это учли.

Руд и Ян, осторожно переступая через хлам, обогнули сгоревшее строение слева и остановились напротив остова ворот.

— Здесь мы не пройдем, — отметил очевидное Ян, глядя на завал из обуглившихся деревяшек и разбитой черепицы, которые когда-то были крышей.

— Пройдем, — решительно заявил констебль.

Он полез наверх, как чистокровный гоблин, способный покорить любую гору. Руд помогал себе руками, отчего его ладони вмиг стали черными. Несколько раз, неудачно зацепившись, он едва не сорвался вниз.

Ян, недолго думая, последовал примеру своего компаньона. Лезть за кем-то оказалось труднее — всякий хлам катился сверху, пыль летела в глаза, ноги оскальзывались. Но бард справился — не зря в детстве лазил по деревьям.

— Все-таки залезли! — восторженно выпалил Ян.

— Т-с-с! — велел ему Руд, жестом показывая пригнуться, — Они и без того уже могут знать о нашем присутствии, — шепотом добавил де Йонг.

Бард и констебль осторожно спустились с другой стороны. Ян задрал голову и увидел темнеющее небо. Переступая через черные балки и внимательно глядя под ноги, они полностью обошли бывшее помещение склада. Никого не обнаружили.

— Черт! — выругался Руд.

Мбель ловко спрыгнул с плеча Яна и по-хозяйски принялся бродить по разрушенному зданию, то и дело поводя носом.

— Мяу! — авторитетно заявил кот.

Руд пристально посмотрел на него, затем перевел взгляд на Яна.

— Говорит, что здесь пахнет восточным базаром. Они были здесь. И довольно долго.

— Ну еще бы! — хмыкнул констебль, — Этот прохвост не обманул! Вот только забыл сказать, что ассасины уже скрутили удочки! Давайте, ребята, осмотрим здесь каждый угол, может найдем хоть какие-нибудь зацепки.

Выпачкавшись в сажу, перевернув каждый уголок, они так ничего и не нашли.

— Черт! — повторился Руд, — Черт! Черт! Я опять опоздал! — констебль с размаху ударил по кривой балке, едва не обрушив остатки здания, — Заканчивай тут рыться, Ян, мы возвращаемся! Мне есть, что сказать этому мерзкому гнусу!

Уже почти стемнело, когда они грязные и злые вновь оказались на пороге «Хмельной Цыпы».

— Быстрее, не отставай! — бросил Руд, открывая дверь.

Их встретило всё тоже буйство веселья и разврата. Не обращая внимания на окружающих, констебль твердым шагом устремился к кабинету хозяина заведения.

— О? Вернулись-таки, — хмыкнул один из трех бугаев, охраняющих вход, — Заходите! Босс ждет.

— Ах, он ждет! — вспыхнул Руд, но увидев хищный блеск в глазах охранников, крепко сжал кулаки и сдержанно кивнул.

Гнус все так же сидел на софе, посасывал трубку и игрался с двумя полуголыми девками. Двое верзил молча стояли за спиной своего главаря.

— Ох, мои дорогие гости вернулись, — улыбнулся редкими гнилыми зубами бандит, — Присаживайтесь, — он указал на пустые кресла и жестом велел шлюхам проваливать.

Руд проводил холодным взглядом хохочущих девиц и повернулся к Гнусу.

— Ты обманул нас, — процедил констебль.

Разбойник тяжело вздохнул и покачал головой:

— Послушай, де Йонг, из-за твоей должности я спускаю тебе с рук то, за что многие бы уже пошли на корм рыбам. Или свиньям. Не важно. Если еще раз обвинишь меня в обмане, клянусь морем, твоя напыщенная шкура попросится с твоим гнилым мяском, усек?

Руд не ответил и молча сел в кресло. Ян последовал его примеру. Гнус взял бутылку вина, зубами откупорил ее и, выплюнув пробку на пол, сделал смачный глоток. Затем широко улыбнулся:

— Ну да ладно. Слушай дальше. Пока вы лазили по сгоревшему складу, мне тут кое-что шепнули на ушко. Про твоих ассасинов...

— Нас не было часа два, — медленно, подчеркивая каждое слово, чтобы не сорваться, произнес констебль, — И именно в этот момент всплыли новые сведения?

— Уверяю тебя, это не более чем случайность, — развел руками Гнус, — Но случайность очень уж удобная для нас обоих.

— Для нас? — переспросил Руд, и разбойник самодовольно ухмыльнулся:

— Умный мальчик. Все понял. Да, для нас. Ведь сейчас я тебе уже ничего не должен. А значит просто так ничего и не скажу. Информацию нужно заработать, господин специальный констебль.

Руд выдохнул, полностью опустошая легкие, закрыл глаза и сделал глубокий вдох. Только после этого констебль разжал кулаки и спокойно спросил:

— Чего ты хочешь?

— Сущую безделицу, — махнул рукой Гнус, — всего лишь свободы для моего товарища Бычьей Ряхи.

— Ты с ума сошел! — воскликнул Руд, вскакивая с места. Лязгнули сабли, но главарь тут же поднял вверх руку, приказывая своим головорезам убрать оружие. Де Йонг не сводил с него глаз, — Я не собираюсь освободить убийцу! У меня и полномочий таких нет — он прирезал не какого-нибудь там бродягу, а влиятельного торговца! Одного из уважаемых людей города!

— Мужики всего лишь не поделили бабу, — скривил рожу разбойник.

— Шлюху. Твою.

— Ну заигрался богатеи, — пожал плечами Гнус, — Лишнего позволил. В себя поверил, раз на Ряху рыпнулся. Ну с кем не бывает? Каждому из нас порой член мозга отшибает. Что поделать? Все ж мы мужики!

— И тем не менее человек убит, — вернувшись в кресло, сухо ответил Руд, — Его жена с детьми покинула город, чтобы избежать позора. Убийца за решеткой. Единственная, кто осталась при своем, так это девица. Продолжает работать и приносить тебе доход.

— Ну не правда, де Йонг, девочка тоже сильно расстроилась. Пришлось дать ей лишней выходной и денег на новые труселя.

— Как бы то ни было, — твердо произнес констебль, — Я не собираюсь в этом участвовать.

— Ну что ты, как баба-то? Будто первый раз? Сколько ты уже покрывал меня?

— Мелкие делишки не в счет. Я не собираюсь помогать убийце.

Руд встал и направился к двери.

— Постой, — поймал его за рукав Ян, — А как же Розамунда? — тихо шепнул он, — Как мы выйдем на след ассасинов?

— Твой дружок прав, — хмыкнул услышавший эти слова Гнус, — Уверяю тебя, де Йонг, во всем Эйкдаме только я могу помочь тебе. Думай. Время у тебя до завтра. Я буду ждать в час ночи недалеко от Южных ворот. Приведешь Ряху, скажу, где твои ассасины.

По пустым ночным улицам они шли молча. Руд стремительно шагал вперед, явно стараясь скорее покинуть этот смердящий квартал. Ян семенил следом, нервно поглаживая подбородок сидящему на его плече Мьелю.

Из-за угла появились три воровские морды и, увидев путников, с радостью двинулись к ним. Но, столкнувшись с пылающим взглядом Руда де Йонга, быстро свернули в темный переулок.

— Ты думаешь, я должен пойти на это?! — констебль резко обернулся и уставился на Яна.

— Я... не знаю, — неуверенно покачал головой бард.

— Думаешь, я должен вытащить из-под плахи убийцу?! Да не просто убийцу, а прожжённого негодяя?! Сколько зла по-твоему он совершил, до того как его поймали?!

Ян отвел взгляд. Констебль покачал головой и, хлопнув товарища по плечу, пошел дальше.

— Нет, Ян, — наконец произнес он, — Мы найдем другой путь. Он точно должен быть! Завтра переверну весь город, но выйду на след этих чертовых ассасинов. К тому же, не факт, что помоги я ему, Гнус скажет мне правду.

— Если бы он тебя обманывал, ты бы к нему не обращался, — тихо ответил бард.

— Да... — сдавленно пробормотал Руд, — Тут ты прав. Эта сволочь держит слово. И за своих ребят стоит горой... Ряху должны казнить через неделю, на празднике Великого Эйкдама. Уверен, если я откажусь, Гнус найдет другой способ его вытащить... Но мои руки хотя бы будут чисты. Хоть в чем-то.

Еще какое-то время они шли молча, прежде чем Ян восторженно загомонил:

— А что если мы освободим этого бандита, получим информацию от Гнуса, а затем снова посадим его за решетку?

Руд озадаченно поглядел на него и обреченно вздохнул:

— Не выйдет. Он назначил встречу за воротами, значит хочет тотчас увезти Ряху из города. Сразу не получится, а потом мы скорей всего не успеем...

— А-а-а, — догадался Ян, — Точно! По закону, если осужденный по какой-то причине не явится на казнь, он считается помилованным Всевышним.

— Глупые законы! — воскликнул Руд, — Со всем с ума посходили со своим Всевышним!

Ян посмотрел на него и улыбнулся:

— В Империи во Всевышнего верят не так сильно, как у нас?

Руд остановился и впился в него изумленным взглядом:

— При чем здесь Империя? — осторожно спросил он.

— Ну ты же оттуда, — пожал плечами Ян.

— С чего ты решил? Я — лудестианец!

— Пусть так. Я никому не скажу. Будем считать, ты, хоть и некоренной, но лудестианец, — бард заговорщически подмигнул.

Руд расхохотался:

— Все-таки интересный ты человек, Ян ван дер Веттелик... Но почему именно Империя? Как ты догадался?

— Я — бард, у меня хороший слух. Я встречал имперцев и могу различить их говор. Хоть все мы обычно говорим на всеобщем, в каждой стране он звучит немного по-своему.

— Но у меня нет акцента! — выпалил Руд.

— Почти, — улыбнулся Ян.

— Право слово, ты единственный, кто догадался о моем происхождении...

— Единственный, кто сказал тебе, что догадался, — поправил его юноша, — Но это ничего не значит. Лудестия — свободная страна. По крайней мере, для людей.

— Ладно, хватит об этом! — отмахнулся Руд и зашагал вперед, — Где ты собираешься ночевать? У тебя ведь дома проблемы?

— Не знаю... — куда-то в сторону ответил Ян.

— Я так и думал, — кивнул констебль, — Значит, поживешь у меня.

— Правда? — не поверил своему счастью бард, — Я не помешаю?

— Нет конечно, я живу один. К тому же, у меня есть удобный диван, так что тебе даже на полу спать не придется.

— Спасибо! Спасибо большое!

Двухэтажный дом из серого камня, где снимал комнаты Руд де Йонг, находился недалеко от самого центра торгового квартала. Поднявшись по лестнице с полированными перилами, товарищи оказались перед массивной дубовой дверью.

Едва переступив порог, Ян окончательно убедился в том, что бедность и экономия специальному констеблю были явно не знакомы.

— Давай уберу твой плащ, — предложил де Йонг, открывая дверь громадного платяного шкафа.

— Смотрю, жалование государственным служащим платят хорошее и в срок, — невольно пробормотал Ян.

— Иногда задерживают, — усмехнулся Руд, — Но когда живешь один без всяких шпиногрызов и сварливой женушки, тратится особо не на что, — Руд убрал плащи и снова повернулся к Яну, — Значит смотри — здесь уборная, здесь гостиная, это мой кабинет, ну а это моя спальня, — он поочередно указал на каждую из четырех дверей, — Тебя поселю в гостиной. Пошли.

Распахнув двойные двери, они вошли внутрь. Руд зажег лампу, освещая просторную комнату, по периметру заставленную стеллажами с книгами. Кроме них Ян увидел большой

шкаф, массивный комод и заваленный газетами столик на изогнутых ножках, стоящий рядом с громоздкий диваном.

— Камин разжигать не будем, итак тепло, — порывшись в шкафу, Руд достал подушку и одеяло, — Располагайся пока, сейчас переоденусь и принесу ужин. Интересно, чем сегодня порадует хозяйка?

Констебль копошился в соседней комнате минут пять, однако, когда он вернулся в пижаме и с подносом в руках, гость, свернувшись калачиком, уже спал. Мьель, расположившись рядом с головой барда, поднял недовольную морду, мяукнул и демонстративно отвернулся.

— Хех. Утомил я вас, — поставив поднос на стол, Руд поправил одеяло Яну, погасил лампу и вышел, закрыв за собой дверь.

— Камень... Камень! Грустно тебе у реки! Камень... Камень! Летят на огонь мотыльки! Ян бежал, словно заяц, удирающий от гончей. Продираясь сквозь высокую траву, он рвался вперед.

Подбежав к обрыву, бард едва кубарем не скатился вниз. Сидевшая на берегу девушка, повернувшись и, обрадованно улыбнувшись, бросилась к нему, повиснув у барда на шее:

— Ян! Наконец-то ты пришел! Я скучала! Почему тебя долго не было?

— У меня были... дела, — смущенно ответил юноша.

— Ах, все равно! Главное, что ты здесь, Ян! Мы снова вместе! Я наконец не одна... — она вцепилась в него, еще сильнее прижимая к груди.

— Ну что ты делаешь, Роза? — покраснел бард, — Не удобно же...

— Не гони меня, Ян, — с жаром зашептала она, — Прошу, позволь мне побыть с тобой! Я так устала от одиночества... Хоть несколько минут побудь рядом!

— Побуду, — нежно ответил юноша, мягко отталкивая ее от себя, — Обещаю. Кстати, у меня для тебя подарок, Роза.

— Подарок? — девушка восторженно распахнула глаза, но тут же отвела взгляд, тихо спросив, — Какой?

— Надеюсь, тебе понравится. Я сочинил ее специально для тебя и еще ни перед кем не исполнял. Присаживайся, — он аккуратно усадил ее на серый булыжник и сел рядом, взяв в руки лютню, — Слушай.

Бард медленно провел по струнам. Закрыв глаза. Сделал глубокий вдох и запел.

— Что за черт! — выругался специальный констебль, уже битый час шарахаясь в море высокой травы, — Что за чертово место?! Видок конечно не плохой, — протянул он, задумчиво разглядывая маячащие далеко на горизонте снежные шапки гор, — Но где дорожка?

Он в очередной раз сплюнул себе под ноги и побрел вперед. Руда сильно удивляло, что он не встретил ни одной живой души. Ни мухи, ни кузнечика — никого. Из звуков же лишь шелест травы, что он задевал.

Констебль шел вперед, сам не понимая куда идет. Пейзаж совершенно не менялся, будто мужчина шагал на одном месте. Его это порядком бесило. Казалось, еще несколько минут и Руд разорвется от гнева, будто упавшая с высоты бочка с водой.

Но, к счастью, этого не произошло. Где-то впереди он услышал тихое подобие голосов. Обрадовавшись, констебль рванул что было мочи. Постепенно голоса становились все более

различимы. Один — мужской, один — женский. При этом мужской отчего-то показался ему очень знакомым.

Сбавив скорость, Руд бесшумной змеей продолжил путь. Подкравшись к оврагу, он спрятался в траве и уставился вниз.

— Ян..? — беззвучно пробормотал де Йонг, — Какого черта?

Констебль замер на месте, пытаясь разобрать слова.

— У меня для тебя подарок, Роза, — услышал он голос Яна.

— Подарок? — удивилась девушка, приобнимавшая барда за пояс, — Какой?

— Надеюсь, тебе понравится. Я сочинил ее специально для тебя и еще ни перед кем не исполнял. Присаживайся, — они уселись на камень, — Слушай.

Бард медленно провел по струнам. Закрыл глаза. Сделал глубокий вдох и запел:

Сияет в небе Луна,

Она как всегда одинока.

Одна в темноте, совсем одна —

Ее постоянна дорога.

Ей хочется взять и свернуть,

И ночью к нам не являться.

Ей хочется отдохнуть...

Петь, гулять и влюбляться!

Но только цепи ее

Сиянием звезд вяжут руки.

А серое дурачье

Не понимает сей скуки...

Мир — для одного,

Мечта — что манит многих.

Но стоит лишь получить свое -

Пополнишь ряды убогих...

Да! Одиночества страшный яд

Впитает унылое тело.

Хочется все вокруг изорвать -

Лишь бы душа не болела!

Мне страшно представить, как же ей?

Той, что живет в этом мире?

Ведь жизнь такая страшней смертей!

Мишеням легче в тире!

Мир — для одного,

Мечта — что манит многих.

Но стоит лишь получить свое -

Пополнишь ряды убогих!

И каждый день буду здесь потому,

Что должен ее спасти!

Не должен! Хочу! Непременно спасу!

Не дам это бремя нести!

Мир — для одного,

Мечта — что манит многих.
Но стоит лишь получить свое -
Пополнишь ряды убогих...

— Не, ну это уже ни в какие ворота не лезет! — Руд пнул ножку дивана, и заспанный Ян подскочил на своей постели.

— А? Что? — испуганно завертел головой бард.

— Ничего. Время пятый час, а ты дрыхнешь! Я уже полгорода успел оббежать!

— Правда? — способность соображать медленно возвращалась к юноше.

— Правда, — мякнул облизывающий лапу кот, — Его не было с самого утра. Где-то шлялся. Но принес неплохую курочку, — только сейчас Ян заметил обглоданные кости на своем одеяле.

— Приведи себя в порядок, и поедим, — велел констебль.

Через пятнадцать минут все трое сидели на диване Яна. На низком столике, где раньше валялись бумаги, стояли тарелки и кружки.

— Курица с картошкой и бокал вина — то, что нужно, чтобы слегка перекусить. Не ворчи, тебя я взял молока, — заверил товарища Руд.

Ян неожиданно почувствовал, как в его животе разверзлась бездна. А вспомнив, что он не ел уже более суток, жадно бросился на еду.

— Полегче, приятель! Эта цыпочка от тебя никуда не убежит, — заметил Руд, тоже впиваясь зубами в куриную ногу.

— Прошу прощения, — смутился юноша.

— Да не стесняйся, кушай, — усмехнулся констебль, — Однако, сильно же тебя разморило... Трудные времена, да..? — он посмотрел в окно и отхлебнул вина, — У меня две новости, — выпалил он и, не дожидаясь ответа, продолжил, — По обыкновению, начну с той, что хуже. У нас нет никаких выходов на ассасинов. Только проклятый Гнус.

— А в чем же хорошая? — оторвался от еды бард.

— Хорошей нет. Есть просто плохая — я вытащу Бычью Ряху из тюрьмы.

Ян выронил вилку и уставился на Руда:

— Как? Ты же против этого? Помогать убийце против твоих принципов!

— Да это так, — кивнул констебль, — но я кое-что понял... — уклончиво произнес он.

— Что же? — впился в него взглядом Ян.

— А всего лишь то, что мертвого торговца мы не вернем. Но помочь одинокой девушке сможем, — он отвел взгляд в сторону и, как-то неловко почесав щеку, сбивчиво добавил, — Представь каково ей? Розамунде ван Мейер? Она чувствует себя никому не нужной в этом мире... Всех боится... Где-то прячется... Не знает, что ее ждет завтра? А что сегодня? — он повернулся к собеседнику и поморщился, — Ужасно, не правда ли? И только мы с тобой можем ей помочь! Да, эта скотина Ряха оказавшись на свободе натворит дел. Но если бояться всех потенциально возможных проблем, то лучше сразу в петлю залезть. Кстати, у меня есть крепкая веревка и неплохой кусок мыла! А-ха-ха! — расхохотался констебль, но Ян, прекрасно видел, что скрывается за этим смехом.

— Я помогу тебе, — твердо произнес бард, — Чего бы мне это не стоило.

Песнь 4. Мир для одного

Спрятавшись за фонтаном, Руд осторожно поднял голову. Мимо прошел заспанный стражник, покачивая перед собой фонарь. Подождав пока цокот мушкетерских сапог стихнет, Руд рванул к памятнику Великого Эйкама.

Прильнув спиной к холодной бронзе, констебль затаил дыхание. Мимо прошел еще один караульный, даже более заспанный, чем предыдущий. По лицу стражника можно было сказать, что он воспринимает свою службу исключительно как расхаживание взад-вперед, совершенно не веря, что «что-нибудь может случиться».

Выждав пару минут, де Йонг побежал дальше. Он давно увидел, что на высоком радиусном крыльце полицейского отделения маячит одинокий часовой. Все это время мушкетер и не думал покидать пост. Пройти не замеченным казалось невозможно. У соседней башни, здания суда, так же дежурил стражник. Оставалось только одно.

— Стой! Стой, кто идет! — мушкетер наставил оружие на приближающуюся фигуру в темном плаще, — Остановись, не то буду стрелять! — велел мужчина. Однако человек, поднимающийся по ступеням, и не думал останавливаться, — Последний раз говорю! Ты... Господин специальный констебль? — выпалил караульный, едва Руд скинул капюшон, — Что вы тут делаете? В столь поздний час?

— Не поверишь — работаю. И тебе советую. Помоги мне в одном деле.

— Я не могу оставить свой пост...

— Замолчи и слушай. Немедленно найди сержанта Гундалара и передай, чтобы принес ко мне в кабинет трактат «О вреде ядов на организм человека».

— Но, господин, я не могу покинуть пост, — повторил караульный.

— Да не бойся. Я постою вместо тебя.

— Но...

— Что, думаешь, я не смогу защитить наш родной штаб? Обижаешь...

— Я не это хотел...

— Ну раз не это, тогда не отказывай мне. Не забывай, солдат, нам еще вместе работать и работать. Мало ли что...

— А... м-м-м... Ладно, — сдался стражник и скрылся за дверью, бормоча что-то про превышение полномочий.

— Вот и умничка, — проводил его взглядом Руд.

Констебль стоял на крыльце не более двух минут. Другие караульные даже не обратили на него внимания за это время. Де Йонг любовался россыпью звезд, оккупировавшей небо. Огромная Луна в их окружении походила на кота, загнанного в угол отчаянными мышами.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Мир для одного... — пробормотал констебль, и, мотнув головой, сплюнул себе под ноги.

Рывком он открыл дверь и оказался внутри. Бросив быстрый взгляд на освещенный редкими лампами коридор, ведущий к его кабинету, констебль, повернул направо, побежав в противоположном направлении.

Услышав впереди шум, де Йонг прижался к стене как раз под одним из многочисленных гербов, украшавших коридор. Никто не появлялся. Шум не прекращался. Руд тихо выругался

и продолжил путь.

Чем ближе он подходил к башне, тем отчётливее слышал голоса. Их было несколько. Все они были знакомы специальному констеблю, ведь он не раз беседовал с мушкетерами, служившими в здании полиции.

Сержант Гундалар со своими подчиненными находился на втором этаже. Руду же нужно было в подвал, и он, не теряя времени, быстро спустился по лестнице, оказавшись перед запертой дверью.

Констебль негромко постучал. По ту сторону послышался шорох и сонное ворчание:

— Кто? — недовольно пробасил заспанный стражник.

— А кто это может быть? — не своим голосом ответил специальный констебль, — Открывай давай, подкрепиться тебе принес, а то у нас там веселье, а ты один скучаешь!

— Опять килдырете что ли? — обиженно пробубнил стражник.

— А чё ж нет-то? Килдырим. Но ты ж знаешь, мы своих не бросаем! Отпирай этот чертов замок, у меня для тебя гостинцы!

— Сейчас-сейчас, — оживился караульный.

Заскрипел навесной замок, заскрежетал засов. Специальный констебль не заставил себя долго ждать, приложив массивной дверью доверчивого стражника. Влетев внутрь, он стукнул барахтающегося беднягу рукоятью пистолета по голове. Караульный приглушенно охнул и обмяк.

— Прости, дружок, — пробормотал Руд, — но придется тебе еще немного поспать.

Прикрыв дверь, он быстро обшарил карманы мушкетера и, взяв связку ключей, побежал вперед.

Из грязных вонючих клеток на него тарацились озлобленные глаза. Преступники шипели и плевались, явно не довольные незваным гостем:

— Констебль? Что тебе надо?!

— Проваливай отсюда!

— Пес уродский!

— Вот я выберусь..!

У Руда не было времени перепираться. Он пробежал до середины коридора, прежде чем остановился перед одной из клеток. В ней сидели трое: два неприметных заморыша, коих водилось сотни в портовом квартале, и громадный кусок мяса. Бычья Ряха не зря носил это прозвище — огромная, совершенно лысая башка на толстой, похожей на тумбочку, шее могла свести с ума любую корову. Разве что рогов ему не хватало. Зато был другой приметный атрибут — глубокий шрам ото лба до уголка рта, проходивший через правый глаз.

— Ха! — выдохнул Ряха, глядя на Руда, — Не думал, что он пришлет тебя.

— А я не думал, что ты вообще умеешь думать, — огрызнулся де Йонг, — Хочешь на свободу — шевелись, — он достал пистолет и навел его на сокамерников Ряхи, — А вы быстро к стенке.

Заключенные заворчали, но послушались. Констебль отпер замок и выпустил приговоренного:

— Надумаешь финтить — пристрелю, — он ткнул дулом пистолета Ряхе между лопаток.

— Не бухти. Все будет четко! — усмехнулся бугай.

Быстрым шагом они добрались до лестницы. Ряха гремел цепями и задерживал

констебля.

— Может снимешь? — кивнул верзила на свои кандалы.

— Еще чего, — буркнул Руд и, подгоняя преступника, в очередной раз ткнул в него дулом.

Оказавшись на первом этаже, они, бряцая на все полицейское отделение, рванули к выходу. Караульных на крыльце не оказалось. Руд и Ряха поспешили вниз по ступеням.

Перебежками они добрались до фонтана.

И тогда раздался первый выстрел.

Повернувшись, констебль увидел четырех стражников, возглавляемых сержантом Гундаларом. Они только выбежали из штаба, но уже открыли огонь.

— Вот дерьмо, — выругался Ряха.

— Заткнись! Шевелись быстрее, пока они не собрали вокруг себя всех караульных в городе.

На выстрелы и крики со всей округи сбегались все новые и новые мушкетеры. Однако, каким-то чудом констебль и убийца смогли покинуть площадь.

— Какого черта мы встали?! — крикнул Ряха, стоило им остановиться в тени огромного вяза.

— Заткнись!

В нескольких метрах послышался шорох. Бугай подпрыгнул, как суслик, ожидая увидеть целый отряд стражников. Однако, к его счастью, он увидел лишь худую фигурку в черном плаще.

— Как видишь, у нас все-таки возникли проблемы, — сразу же сообщил Яну Руд, — Дальше все зависит от тебя. Действуй согласно плану. Возьми, — констебль вложил в руку барда пистолет и тут же вооружился двумя другими, — Он заряжен. Если что, просто спусти курок, — проинструктировал товарища де Йонг.

— Но я... — изумленный Ян хотел возразить, но констебль тут же прервал его потуги:

— Не спорить! Выполнять! — резко бросил он. Затем кивнул и нырнул в темноту.

Через несколько секунд бард услышал выстрелы и крики стражников:

— Вот он! Быстрее за ним!

Ян опустил голову, молясь всем, кто его услышит, чтобы товарищ остался жив.

— Пошли уже! Пока за нами не приперлись! — вернул его в чувства грубый голос.

Вздрагнув, ван дер Веттелик повернулся к Ряхе. Бандит заметно нервничал, озираясь по сторонам, как затравленный зверь.

— Вы правы, нужно спешить, — серьезным голосом произнес бард, — Не то все старания Руда будут напрасны.

Звуки перестрелки постепенно отдалялись. Ян видел, как все больше стражников с соседних улиц спешат на подмогу. Они неслись, словно спасаясь от пожара, и не замечали того, что происходит вокруг. Стараниями специального констебля путь его молодого помощника оказался расчищен настолько, чтобы Ян с бандитом смогли беспрепятственно достичь Восточных ворот.

Бард прильнул к стене старого дома и осторожно выглянул из-за угла. Перед закрытыми воротами стояли трое стражников, тревожно вглядывающихся вдаль. Каждый из них держал наготове мушкет, готовый в любой момент спустить курок. Еще по одному караульному дежурили на башнях, располагающихся по обе стороны от ворот.

— Ну чё встал? Иди уже! — Ряха толкнул Яна, и тот, едва не упав на землю, вывалился

из своего укрытия.

— Кто здесь! — тут же крикнул один из мушкетеров, наставляя на барда оружие.

— Спокойно, Клаус, — услышал Ян позади себя и, повернувшись, увидел улыбающегося во весь рот бандита, вразвалку идущего к воротам, — Это всего лишь я. Ха-ха-ха. Кипишуешь, как всегда, трусливый ты салдафон.

— Ряха... — пробормотал мушкетер, — А кто тогда в центре пальбу устроил?

— Без разницы! Нам скорее нужно убираться отсюда! Ты ж не хочешь, чтоб твои дружки тебя повязали?!

— Типун тебе на язык!

— Тогда быстрее. На стену!

Мушкетер кивнул и махнул рукой, призывая следовать за ним. Сорвавшись на бег, он ринулся к правой башни и быстро поднялся на городскую стену.

— Все уже давно готово, — сообщил другой караульный, спустившийся со смотровой площадки.

Пройдя через арку, пара беглецов, кот и два стражника оказались на стене. К ее зубцам был привязан крепкий канат.

— Цепляйтесь и вниз! Затем метров пятьсот на восток по дороге. Там вас ждут, — сообщил Клаус.

— Молодчина! Все, как всегда, в лучшем виде! — похвалил стражника Ряха. Бугай схватил канат, развернулся, поставил ногу между зубцами стены и, оттолкнувшись, спрыгнул вниз.

— Спасибо, конечно, — подошел к тросу Ян, — но помогать преступникам ради денег — не правильно! Прошу, подумайте о том, чтобы больше так не поступать!

Он вежливо поклонился и спустился со стены с Мьёлем, вцепившемся ему в спину.

Ощувив под ногами твердую землю, Ян лихорадочно завертел головой в поисках Ряхи.

— Вон этот мерзкий тип, — буркнул кот, указывая лапой в темноту.

Бард пошел в обозначенном направлении и вскоре увидел беглого бандита.

— Славно вдохнуть свободы да отлить на свежем воздухе, — сообщил Ряха, подвязывая изодранные в лохмотья штаны.

— Пойдемте. Мне хочется поскорее покончить со всем этим.

— Хм. Мне тоже, — хмыкнул убийца.

Ночь выдалась безоблачной, и странная компания быстро нашла тракт. Пройдя по укатанной земле несколько минут, они увидели четыре темных силуэта — двое конных, лошадь без седока и сгорбленную фигуру.

Неизвестные, пришпорив коней, подались навстречу.

— Пришли-таки, — удовлетворенно отметил один из всадников, — Рад видеть тебя, Ряха. Забирайся скорее на коня. Пора сваливать.

Бандит одобрительно ухнул и полез на подведенную к нему лошадь. С закованными руками и ногами это оказалось не так-то просто.

— Ха! Придется тебе по-бабски ехать! — рассмеялся все тот же всадник, — Или как мешок.

— Заткнись! — беззлобно огрызнулся Раха.

— Пойдите! — наконец-то подал голос Ян, — А как же наш уговор? Мы его привели. Гнус обещал информацию.

— Не бойсь, парень! Наш атаман держит свое слово!

Скрюченная фигура поковыляла к юноше. Вблизи становилось ясно, что сгорбленное нечто, поначалу испугавшее барда, на деле оказалось всего лишь одноногим стариком-попрошайкой, опирающимся на костыль.

— Меня прислали к вам, — доложил он Яну, — Я расскажу все то, что рассказал Господину.

— Прошу вас, говорите.

— Я видел, как грубарцы покидали город. Эти смуглокожие думают, что они совершенно незаметны, и забывают, кто действительно незаметен, — самодовольно хмыкнул дед, — На улицах мы...

— Хорош уже старик, говори рече! — прервал его до этого молчавший всадник.

— В общем, я видел их. И слышал. Все мы частенько «работаем» на разных рынках. И на восточном тоже. Поэтому понимаем некоторые слова. Вот я и смог разобрать в их разговоре: «Отправляемся в...».

— А дальше? — нетерпеливо выпалил Ян, стоило старику замолчать.

— А дальше незнакомое мне слово, — развел руками нищий, — Что-то вроде «мрджан».

— И все?! — разочарованно воскликнул бард, — Мы столько сделали ради какого-то мрджана?

— Не ругайся, сынок, это ж лучше, чем ничего, — дед улыбнулся беззубым ртом.

— Но...

— Т-с-с-с! — прошипел Ряха, — Слушайте!

— Топот копыт, — тут же пробормотал Ян.

— Сваливаем! Быстрее! — выкрикнул один из всадников, и троица конных мгновенно растворилась в темноте.

— А? — замотал головой бард, — Что?

Внезапно он осознал, что и одноногий старик исчез.

— Дедуля спрятался в кустах, сволочи ускакали а ты... эх, — протянул Мьель, запрыгивая барду на плечо.

Ян так и не успел ничего предпринять, и уже через секунду оказался в окружении десятка всадников.

Два мушкетера вели Яна по уже знакомому ему коридору. Местные постояльцы, взбудораженные бессонной ночью, с интересом глядели на эту процессию.

Стражники остановились у самой дальней камеры. За железной решеткой сидел всего один заключенный. В его ухмыляющейся физиономии Ян сразу узнал специального констебля.

— Проходи, располагайся, — радушно пригласил Руд, стоило замку щелкнуть за спиной барда, — Ты, я смотрю, тоже здесь? — он повернулся к маленькой, оставленной у входа клетке, в которой развалился Мьель, — Все в толк не возьму — ты ж кот! А уже второй раз даешь себя поймать.

Мьель демонстративно отвернулся и фыркнул.

— Что говорит? — деловито спросил Руд.

— Говорит, что от людей ничего хорошего ждать не стоит, — тихо ответил бард, — Начнешь убегать — какой-нибудь придурок возьмет и выстрелит в спину.

— Справедливо, — сооротив серьезную мину, кивнул констебль.

Ян вскинул голову и ожёг де Йонга пламенным взглядом.

— Что? — удивился Руд.

— Как ты можешь быть таким спокойным? — не выдержал бард, — Мы — в тюрьме. Более того, мы помогли сбежать убийце! Как ни крути, это — очень мерзкий и гадкий поступок. Я думал, что ради спасения Розамунды ван Мейер и чтобы не дать злодею прибрать к рукам Эйкдам, можно пойти на это... Думал, это будет правильно... но чувствую себя так, словно меня окунули в бочку с грязью.

— Ты прав, — не меня серьёзной мины, кивнул Руд, — Местечко это действительно грязное и вонючее. А все потому, что справлять нужду приходится вон в то ржавое ведро, — он указал в угол, — а выносят его не чаще раза в неделю. И представь, в каждой камере такие удобства...

— Я не об этом! — вспыхнул Ян. Руд поднялся на ноги и, положив руки на плечи барду, посмотрел ему в глаза:

— Я знаю. Просто к слову пришлось. Присядь, — он усадил товарища на расстеленную поверх лежалой соломы полусгнившую рванину и сел рядом, — Я понимаю твои чувства, Ян. Ты абсолютно прав. Запомни, что бывает, когда помогаешь настоящим мерзавцам, пусть даже и из благих намерений. Запомни. И думай в следующий раз, когда будешь предлагать освободить убийцу.

— А следующий раз будет? — обреченно пробормотал ван дер Веттелик, — Ряха на свободе, а мы — нет. И по закону мы, его пособники, займем место на плахе. А он будет освобожден от всех обвинений...

— Ну мы еще посмотрим, кто и какое место займет, — улыбнулся Руд, Лучше расскажи мне, что случилось после того, как мы расстались? Ты получил информацию.

— Нет, — выдохнул Ян и пересказал все в мельчайших деталях.

— Что ж ты врешь? — хмыкнул Руд, — Все-то ты получил. Не особо много, но достаточно.

— Достаточно? — не поверил своим ушам бард.

— Надеюсь. Правда, теперь нам нужен грубарско-всеобщий словарь. В нашем штабе есть один...

— Только как нам его получить? Мы — преступники!

— Ну что ты заладил одно и то же? — устало произнес Руд, — Где твой оптимизм? Верь в лучшее и все наладится!

Ян недоверчиво посмотрел на улыбающуюся рожу своего собеседника и невольно улыбнулся сам. Услышав торопливые шаги, донесшиеся из коридора, он вздрогнул:

— Кто-то идет.

— Я даже знаю, кто, — нахмурился специальный констебль.

— Эй, чё припёрся?! — послышался сердитый голос, и в тот же миг что-то тяжелое ударило о металлические прутья клетки. Человек протяжно взвыл. Шаги приближались.

— Опять заключенных лупишь? — меланхолично произнес Руд, еще до того, как к их камере кто-нибудь подошел.

Через несколько секунд Ян увидел человека, к которому обращался его товарищ. Полноватый мужчина лет сорока пяти в дорогом парике, какие носят представители высшего света Эйкдама, опирался на позолоченную трость с внушительным набалдашником. Мужчина привлекал к себе внимание розовыми щечками, столь славно гармонирующими с ярко-оранжевым камзолом — обязательным для государственных служащих, солдат и ярых

патриотов Лудестии. Пояс розовощекого усача украшали фламберг и пара пистолетов. Походка и стать вновь прибывшего недвусмысленно намекали, что своим оружием он пользоваться умеет.

— Допрыгался наконец-то, де Йонг? — остановился он напротив клетки Руда и Яна. Оба сопровождающих его мушкетера молча замерли позади, — Я знал, что когда-нибудь этот день придет, — хитрые голубые глаза торжественно блеснули.

— Послушай, Юрген. Хотя нет — господин ван Брюхтвет, — разглядывая каменную кладку стен, проговорил Руд, — Для главного констебля ты уж слишком сильно радуешься провалам своих подчиненных.

— Ишь как заговорил, — усмехнулся Юрген, — Все знают, что подчиняешься ты мне лишь формально. Ты сам по себе, мы сами по себе. Это меня никогда не устраивало. Нельзя так много свободы давать одному человеку! Но с тобой покончено. Случившееся откроет глаза Магистрату[1], и нелепая должность специального констебля наконец будет упразднена. Жду не дожусь этого момента! — закончив свою речь, начальник штаба полиции развернулся и двинулся к выходу.

— Э! А что приходил-то? — недоуменно бросил ему в спину Руд.

— Поллюбоваться на то, как ты смотришься в подобающем тебе месте, де Йонг! — через плечо ответил Юрген и скрылся из виду.

— Странный тип, — покачал головой Руд, — Ну да черт с ним. Вздремну-ка я до утра, а то что-то умаялся за день.

Он накинул капюшон плаща, прислонился к стенке и, склонив голову, мигом задремал под удивленные взгляды Яна и Мьёля.

— Даже у меня не получится так быстро заснуть... — проворчал кот.

— И вновь это унылое местечко, — тяжело вздохнул Руд, обводя взглядом залитый солнечным светом зеленый луг, — Да уж... эта романтика явно не по мне.

Ориентироваться в пространстве по-прежнему не представлялось возможным. Поэтому специальному констеблю, как и раньше, оставалось разве что насупиться и шагать вперед.

— А-а-а! Ну что за дурацкий сон! — сокрушался Руд, — Лучше бы с чудищами сражался, ну или по городу бегал... Или, на худой конец, пусть баба бы голая приснилась — хоть какое-то разнообразие. Не то, что эта глушь!

«Мир для одного...»- вспомнилась констеблю строка из песни. Руд раздраженно мотнул головой, но путь продолжил.

— Мир — для одного, Мечта — что манит многих. Но стоит лишь получить свое — Пополнишь ряды убогих... — услышал он приятный мелодичный голосок.

Де Йонг встрепенулся и ускорил шаг. Вскоре он оказался перед обрывом и, заглянув вниз, увидел сидящую на камне девушку, расчесывающую белокурые волосы.

Констебль не спешил выдавать свое присутствие. Он подкрался поближе, чтобы лучше разглядеть ее. Изящная фигура, белоснежная кожа, тонкие черты лица и длинные вьющиеся волосы. Он видел ее и раньше, но...

— Неплохо... — заворожено выдохнул Руд.

— А? Кто здесь? — девушка вздрогнула и завертела головой, — Ян..? Нет... не он.

— Не он, — подтвердил констебль, перестав прятаться. Встав во весь рост, де Йонг уверенным шагом двинулся к ней навстречу.

— Кто вы? — испуганно пролепетала она, — Как здесь оказались?

— Что тебя так удивляет? — пожал плечами Руд, поравнявшись с девушкой, — Думала, только Ян может посещать твой «Мир для одного»?

— Мне не нравится ваш тон, — надула губки девушка, — Негоже незнакомцу обращаться к даме на «ты»!

— Что ж, давай познакомимся, — хмыкнул констебль, — Меня зовут Руд.

Она пристально посмотрела на незваного гостя. Так въедливо, как женщины на базаре изучают каждый фрукт и овощ, чтобы ненароком не принести в дом гнильца. Затем неодобрительно фыркнув, отвернулась.

— Что еще? — удивился Руд.

— Мне не хочется говорить с лжецами! — не поворачивая головы, девушка скрестила на груди руки, — Я чувствую, что вы темните. Вы мне не нравитесь! И это коротенькое имя вам совершенно не подходит!

Констебль изумленно захлопал ресницами. Затем сделал глубокий вдох. Его ноздри расширились. Скрипнули зубы. Сжался кулак... Он резко выдохнул и, успокоившись, произнес:

— Хорошо. Твоя взяла. Если так хочется, можешь звать меня Рутгерс. Но и я не стану звать тебя Розы, Розамунда. И еще, раз уж выпытала мое имечко, упаси тебя Небо, проболтаться! Хотя кому ты здесь проболтаешься! — он добродушно рассмеялся.

Девушка гневно топнула ножкой и окинула его пренебрежительным взглядом. После того, как Руд перестал трястись от смеха, она произнесла:

— И все равно вы мне не нравитесь, Рутгерс!

— Ты мне тоже, — пожал плечами констебль, — На личико — ничего, но внутри вредная, как не объезженная кобыла.

— Ах..! Ах..! Ах, я кобыла?! Ну знаете ли..!

— Вот, — назидательно поднял указательный палец вверх, — О чем я и говорил. Это было не оскорбление, а всего лишь красочное сравнение.

Девушка налилась краской, не хуже спелого помидора. Не обращая на это внимания, Руд прошел мимо и уселся на камень, где раньше сидел Ян.

Розы сжала кулачки и ждала. Не вытерпела:

— Арх!!! — всплеснула руками девушка, и сильно топая подошла к камню с другой стороны. Демонстративно плюхнулась на него.

— Зад не отбила? — равнодушно поинтересовался Руд, разглядывая каменистое дно прозрачного ручья.

— Замолчите! — прошипела она, потирая ушибленное место.

— Ладно, — вяло ответил констебль, — Но прежде, — он резко повернулся, и она от неожиданности повернулась в ответ. Его лицо оказалось достаточно близко, чтобы девушка смутилась и отвела взгляд, — Рад знакомству, Розамунда, — самодовольно закончил фразу специальный констебль.

Ян сидел, свесив голову. В отличие от Руда и Мьёля он так и не смог заснуть. Это гнусное, пропахшее грязью, мочой и дерьмом место давило на молодого барда не хуже осознания собственной никчёмности и беспомощности. Ему хотелось рыдать в голос, но юноша сдерживал слезы, в кои-то веки решив бороться со столь бесполезным занятием. Слова, произнесенные Рудом, помогли ему в этом. Он верил специальному констеблю. Как, в прочем, верил всему услышанному.

Де Йонг зашевелился и открыл глаза. Размяв шею, он встал на ноги и потянулся.

— Как спалось? — вежливо поинтересовался Ян.

— Должен отметить, что довольно неплохо, — усмехнулся Руд, — Мне приснился очень забавный сон.

— Какой?

— А вот этого я тебе не скажу, — хмыкнул констебль, — Мы же не девки-сплетницы, трепаться о снах. К тому же, я жду гостей.

Он подошел к решетке и попытался углядеть, что происходит в коридоре. Затем отошел в противоположную сторону, но постояв немного, вновь прильнул к прутьям.

— Ну где же он... Думаю уже утро. Мог бы и явиться... — бормотал себе под нос специальный констебль.

Его метания продолжались минут десять. До тех пор, пока где-то у лестницы не послышались шаги. Едва услышав их, Руд уселся на свое место и с самым отрешенным видом уставился в потолок.

Наблюдавший за ним Ян улыбнулся и, повернувшись к прутьям, стал ждать, кто же появиться. Новый посетитель оказался улыбчивым пухлым старичком в оранжевом камзоле и парике. На шее у него болталась золотая цепь, толстые пальцы украшали блестящие перстни. Как и сопровождающий его Юрген ван Брюхтвет, незнакомый Яну человек опирался на трость.

— Приветствую, Руд, — весело произнес старичок, стукнув тростью о металлические прутья клетки. Глаза Яна округлились — звон не такой, как у подделки главного констебля.

— Целый набалдашник из золота... — пробормотал бард.

— У вас острый слух, молодой человек, — подмигнул ему старичок.

Тем временем Руд поднялся на ноги:

— Рад видеть вас, господин Флорис, — констебль едва заметно кивнул.

— Это и есть твой хваленный помощник — младший ван дер Веттелик? — Флорис указал на Яна, — Перспективный малый. Меньшего я и не ожидал от тебя.

— Господин Флорис? — Ян вопросительно взглянул на Руда.

— Он самый, — ответил за де Йонга старик, — Флорис Одвасбер — бывший первый помощник мэра Эйкдама и ныне временно исполняющий обязанности первого помощника временно исполняющего обязанности мэра Эйкдама. Ох... что за сложная должность — язык сломаешь, — он рассмеялся.

— Что прикажете сделать с ними? — подал голос Юрген ван Брюхтвет, — Пытать до казни? В назидание другим?

— Откуда такое рвение, малыш Юрген? — помощник мэра легонько тюкнул главного констебля по лбу рукоятью трости, — Или кровожадность? Зачем сразу мучить-то? Просто отпустить.

— Простите, Господин..?

— Да-да, — закивал Флорис, — Ты не ослышался — отпустить, умыть, накормить и извиниться.

— Но они же помогли сбежать преступнику?! — повысил голос главный констебль.

— Они выполняли секретное задание, согласованное лично со мной, — Юрген, онемев, уставился на старика, а Ян на Руда. Де Йонг неловко развел руками, — А что касается прест...

Он не успел договорить. В коридоре вновь послышался топот и вскоре к ним подбежал

запыхавшейся мушкетер с оспинами на лице и одной лычкой на оранжевом камзоле.

— Господин Одвасбер, господин ван Брюхтвет, — отчеканил он, отдавая честь, — Срочное донесение!

— Докладывайте, сержант, — кивнул Юрген.

— Только что сообщили, что беглый преступник по кличке Бычья Ряха и двое его подельников были убиты нашими мушкетерами на северо-восточном тракте.

— Убиты? — поразился главный констебль, — Как? Их догнали?

— Никак нет! Отряд действовал из засады, — сообщил сержант, а после, повернувшись к Руду, добавил, — Все как вы и планировали, господин специальный констебль.

— Еще бы, — хмыкнул де Йонг, — Спасибо, Берт.

— Сержант Гундалар, что здесь происходит? — всплеснул руками главный констебль.

— Позвольте мне объяснить, Юрген, — Флорис положил руку на плечо начальнику полиции, — Сержант Гундалар был посвящен в наш план. А еще некоторые из офицеров гарнизона. Их люди, скинув с себя приметные камзолы, заранее перекрыли все дороги, на которые можно было выйти из Восточных ворот. Получились очень продуктивные учения. Кроме того, задержана целая смена продажных мушкетёров, как вы уже наверно знаете. Ну и конечно же, господин де Йонг получил крайне важную секретную информацию. Ведь получил же? — старик пристально посмотрел на Руда.

— Совершенно верно.

— Прекрасно, — кивнул Флорис, — Тогда обсудим детали в более удобной обстановке. Например, в кабинете главного констебля.

— Да что вы..! — возмутился Юрген, но старик, с силой ударив тростью о пол, заставил того замолчать.

— Послушайте, — ровным голосом произнес первый помощник мэра, — Вы, несомненно, не последний человек в Эйкдаме. Но уверяю вас, я куда более не последний. В связи с чем повторю еще раз. Сообщить всем в штабе, что Руд де Йонг вместе со своим напарником успешно завершили секретное задание и доблестно послужили своему городу. И когда наши временные обязательства, наконец, сменятся постоянными, я подниму в Магистрате вопрос о наградах для этих людей. Также будет обсуждаться еще один вопрос — об утверждении должности «младшего специального констебля» для сержанта Гундалара. Да-да, не смотрите на меня так, Берт, вы заслужили. А если вы имеете что-то против... — старик подошел вплотную к начальнику полиции и прошептал, — Помните, как несколько месяцев назад с десятков молодых людей из богатых семей погибли необычной смертью? Вроде никаких повреждений нет, но вот они лежат мертвые с улыбкой на устах? Может быть горожанам стоит знать, что это произошло из-за того, что полиция прокараулила целый воз ядовитых восточных трав?

— Но мы же потом поймали виновников?! — возмутился Юрген.

— Но погибшие-то были, — подмигнул ему Флорис, — А кто за них в ответе, если не начальник полиции? Понимаете о чем я?

— Да, — сдавленно кивнул главный констебль.

Спустя время, которое понадобилось бывшим заключенным, чтобы привести себя в порядок, Флорис и веселая тройца разместились в удобных креслах, попивая чай со свежей выпечкой. Мьель, примурлыкивая, лакал молоко с фарфорового блюдца.

— Да уж... Кабинет главного констебля раза в четыре больше твоего, Руд, —

насмешливо улыбнулся первый помощник мэра, — И все такое лакированное, резное... Почти как у меня.

— Пожалуй, я не буду комментировать это ваше замечание, — хмыкнул констебль.

— И правильно! Не стоит грубить тому, кто тебя прикрывает.

Постучав, в кабинет вошел молодой солдат и, поспешно протянув де Йонгу потрепанную книжицу, удалился восвояси. Руд жадно окунулся в содержание пожелтевших страниц.

— Ну-с? Нашел что-нибудь? — от нетерпения старичок заерзал в кресле.

— Одну минутку. Подождите, — бормотал Руд, перелистывая страницы, — Ага! Вот! Зачитываю! «Мрджан — существительное мужского рода. Переводится как коралл, коралловый».

— Ясно, — кивнул Флорис, — Честно сказать, я не удивлен.

— Да, — согласился Руд, хлопывая книгу.

— Что? Что ясно? — завертел головой Ян, — Чему не удивлены?

— Гербом и символом Льорисау является коралл, — задумчиво произнес констебль, — Доедай скорее, Ян, нужно собраться и найти корабль.

— Не нужно искать корабль, — остановил его старичок, — Порт Льорисау сейчас закрыт. Я слышал, Орден Щитов устроил там охоту на морского змея. Отправитесь по суше. Я дам карету и кучера.

Через десять минут Руд, Ян и Мьёл торопливо шагали по коридору штаба. Навстречу им шел, похожий на выжатый лимон, Юрген:

— Ты обманул меня, де Йонг... — прошипел он.

— Таков мой мир, — не останавливаясь, ответил специальный констебль.

[1] Орган управления городом во главе которого стоит мэр, его помощники и заместители.

Песнь 5. Коралловый город

Ян твердо знал куда идти. Продираясь сквозь высокую траву, он чувствовал, что вот-вот услышит ее голос. Услышит, как она поет его балладу.

Услышал. Но не совсем то, что ждал — какой-то неизвестный мотив, лишенный всяких слов. Довольно приятный мотив.

— Что поешь? — поинтересовался бард, спускаясь к ручью.

Девушка спокойно отложила гребешок в сторону и, поднявшись с камня, тепло посмотрела на своего гостя.

— Ничего. Просто мелодия в голову пришла, — она улыбнулась Яну и, бросившись ему на шею, поцеловала в щеку.

— Красивая мелодия, — покраснел бард. — Не думала начать писать баллады?

— Ну что ты! — она смутилась и, легонько толкнув его ладонью в грудь, взяла за руку. — Куда мне до тебя, — Роза провела Яна к ручью и усадила на камень. — Что у тебя нового? — не отпуская его руки, девушка расположилась рядом.

— Мы вышли на след преступников. Возможно, скоро арестуем их и найдем Розамунду ван Мейер.

— Далась тебе эта девка! — вскрикнула Роза. — Только о ней и твердишь!

— Просто мы только этим и занимаемся, — потупил взор бард. — Больше рассказывать не о чем...

Девушка тяжело вздохнула и сменила гнев на милость:

— Ну? Она хоть красивая? Эта Розамунда.

— Я не знаю, — пожал плечами бард. — Я ее никогда не видел. Да и какое это имеет значение, если человек в беде? — он с недоумением посмотрел на Розу.

— Ты прав, — улыбнулась она и тут же добавила: — Но, думаю, мне бы эта фифа точно не понравилась.

Ян ответил не сразу. Девушка уже начала волноваться, не обидела ли она своего гостя, когда он прервал молчание:

— Не говори так, Роза. Мы решили, что я не буду рассказывать тебе о том, чего ты не помнишь... но не говори так.

— Мы что, были с ней близки? До того, как я... Оказалась здесь, — она обвела взглядом бескрайний горизонт.

Ян молча кивнул.

— Вот как... Ну что ж, тогда, надеюсь, вы ее спасете, — улыбнулась девушка, — ты и твой друг... Извини, забыла имя...

— Руд, — подсказал Ян.

— Да Руд, — закивала девушка и осторожно поинтересовалась. — А он хороший человек? Как думаешь, мне бы понравился?

— Конечно! — воодушевленно воскликнул бард. — Хоть порой он и ведет себя резко, на самом деле Руд — очень добрый и честный человек. Всегда готов помочь любому. И принять любого... даже сына недруга, — Ян отвел взгляд.

Роза повернулась к нему и нежно прижала юношу к себе:

— Вижу, ты высоко ценишь его. Наверное, есть за что. Но я рада, что в мой мир приходишь именно ты, а не кто-то другой.

Мимо открытого окна кареты со свистом пронесся всадник. Ян вздрогнул и распахнул глаза. Руд сидел напротив, читая истрепанную книгу. Мьёль, свернувшись калачиком, мирно дремал, изредка поводя ушами.

Увидев, что товарищ проснулся, де Йонг захлопнул книгу.

— Есть будешь? — поинтересовался он.

— Не откажусь.

Руд достал кусок хлеба и немного вяленого мяса. Разделив все пополам, он протянул Яну его порцию.

Некоторое время они ели в тишине. Однако долго молчать бард не мог:

— Я немного огорчён, — признался он.

— Чем же? — удивился де Йонг.

— Почему ты не сказал мне, что все спланировал заранее? Что Ряха далеко не уйдет?! Ты же видел, как мне было тяжело...

— Ну, во-первых, потому и не сказал, — прожевав кусок мяса ответил Руд. — Ты должен понимать, что твои решения — не яблочки сладкие. От них, знаешь ли, на сердце могут кошки скрести. Ты сам предлагал мне освободить убийцу. И сам все понял. Так что урок засчитан.

— Ну а во-вторых? — буркнул Ян.

— Все просто. Я не доверяю...

— Мне?! — от возмущения бард подпрыгнул на месте.

— Твоим актерским талантам, — спокойно закончил фразу Руд. — Уверен, знай ты все заранее, где-нибудь да оплошал.

Ян покраснел.

— Наверное, — признал он.

— Так что вопрос закрыт. Ты большой молодец. Слышал господина Флориса: может тебе даже медальку дадут.

— Было бы неплохо. Но сначала нам нужно закончить дело.

Руд одобрительно кивнул.

— Очень разумно, — он откусил ещё один только что приготовленный бутерброд и задумался. — Итак, что мы имеем? После двух недель поиска ассасины убили Розамунду Смит, вероятно, как и ты, спутав ее с Розамундой ван Мейер. Затем тут же покинули город и отправились в Льорисау, чей мэр по удивительному стечению обстоятельств временно исполняет обязанности Консула Лудестии и увлекается грубарскими наемниками. Пусть даже и конницей.

— Так что же, теперь он наш главный подозреваемый? Значит Сальваторе ди Нери ни при чем? — с надеждой в голосе предположил бард.

— Не спеши сбрасывать его со счетов. Уж очень большую выгоду он извлек после смерти Арона и «Розамунды ван Мейер».

— Что-то не сходится, Руд, — покачал головой бард.

— Что у тебя там не сходится? — недовольно буркнул констебль.

— Если господин ди Нери стоит во главе тех, кто обвиняет Розамунду в убийстве отца, то зачем убивать и ее?

Руд выпучил глаза и открыл рот от удивления.

— Н-да... ты не перестаешь меня поражать, Ян ван дер Веттелик. Все же ясно как белый день: для всех Розамунда беглая убийца. А для того, кто нанял ассасинов — мертвая наследница своего отца. Пусть власть в Лудестии не передается по наследству, но деньги, имущество и торговые компании вполне. Меньше конкурентов — свежее воздух.

Ян задумчиво кивнул и, посмотрев в окно кареты, произнес:

— Почему нельзя просто жить в мире согласии.

Руд громко расхохотался, чем разбудил недовольного кота.

Деревушка Стеселби стояла на тракте, чем, собственно, и жила. Несколько хозяйств поставляли продукты для трактира, продавали всякую мелочь заезжим купцам и путникам. Кроме еды и питья у местных можно было приобрести безделицы из дерева, да и вообще любую понравившуюся вещь, стоило лишь сойтись в цене.

Трактир «Южный тракт», как и полагается, возвышался среди прочих строений. Двухэтажное деревянное здание редко пустовало, вмещая всех желающих в свои крохотные комнатки, обустроенные на втором этаже.

Ну а на первом, согласно заведенной архитектурной традиции, располагался просторный зал, обставленный посеревшей от времени мебелью.

— Нам точно стоило останавливаться здесь? — проворчал Ян, поглядывая на захмелевших соседей.

— О? — Руд поставил кружку на стол и удивленно спросил. — С каких пор ты воротишь нос от трактиров? Это ж твое, так сказать, профессиональное поле.

— А с тех пор, как мы гонимся за...

— Тише-тише, — заткнул его констебль и огляделся по сторонам. Никому до них не было дела. — Не жалеешь себя, так пожалей кучера. К тому же путешествовать ночью по тракту дело опасное.

— Ты прав. Но я уверен, напади на нас разбойники, ты бы с ними разобрался.

— Ну да, — хмыкнул де Йонг. — У меня, между прочим, всего четыре пистолета и одна жизнь. Да и не в разбойниках дело. Говорят, в этих лесах недавно видели оборотня.

— Оборотень?! Кто сказал оборотень?!

Руд повернулся на голос и увидел щуплого крестьянина, сидевшего за соседним столом в компании односельчан. Мужчина был уже порядком пьян. Пошатываясь, он встал из-за стола и громко, на весь трактир произнес:

— А хотите, гости дорогие, расскажу вам об оборотне? — его товарищи одобрительно загудели, подбадривая оратора, люди же за другим столом неодобрительно замолчали. — Так вот, на прошлой неделе в паре миль ТАКОЕ произошло...

— Прошу вас, замолчите! — седобородый купец с вышитым на камзоле кораллом поднялся из-за дальнего стола и чуть тише добавил. — Прошу не поминайте нечисть на ночь глядя.

— Да не бойтесь, господин! К нам не суются, — продолжал крестьянин. — Разве что пару месяцев назад... но щитоносцы со всем уже разобрались! И того, что на прошлой неделе буянил, тоже прикончили и...

— Хватит! — прикрикнул огромный трактирщик, выходя из-за стойки. — Не перечь гостям, иначе пойдешь отсюда! Чего ты развел тут? Сегодня, хвала Всевышнему не полнолуние!

— Все-все. Я понял, — покладисто закивал крестьянин и уселся на место.

Его товарищи тут же начали подкалывать горе-оратора, пытаясь вновь того раззадорить. Но мужчина не стал идти против трактирщика. Не стоит злить единственного, кто поставляет хмельные напитки в деревню.

— Теперь тебя ясно? — Руд внимательно посмотрел на Яна. Тот кивнул.

Они вернулись к ужину. Ян долил Мьёлю воды и скормил коту рыбку. Руд, обглодав куриный окорок, потягивал вино.

— Куда после Льорисау планируешь ехать? — донесся до барда обрывок разговора двух купцов, сидящих за столиком у окна.

— На север. Должен успеть.

— Успеть? К чему?

— Ты что не слышал? Симон недавно вернулся из Норхертрока. Говорит, конунг Агмунд собирается в поход.

— И что? Норхертрокцы каждый год ходят в поход. Приплывут в порт, потребуют выкуп и уплывут. Обычное дело.

— Ты правда не понимаешь? Этот Агмунд, как бешенный пес, в том году он разграбил и сжег два города в Эмруде! А вдруг в этот раз повториться? Эмруд далеко, а Лудестия под боком. Я конечно не планирую торговлю из-за этого сворачивать, думаю, сейчас еще успею. Но в ближайшие месяцы в северные кантоны ни ногой!

— Ты это слышал? — взволнованно выпалил Ян.

— Не забивай сейчас голову. По приезду надо будет переговорить с господином Флорисом.

Руд откинулся на спинку деревянной лавки и закинул руки за голову, обводя взглядом зал, и громко, чтобы все слышали, протянул:

— Эх, скукотища! Можете тебе сыграть что-нибудь, Ян? Ты же бард!

Народ мигом оживился:

— Бард?

— Здесь есть бард?

— Спой нам бард!

— Спой!

— Давай, не стесняйся!

— Понравится, кину монету!

Ян с недоумением уставился на своего товарища.

— Не благодари, — ухмыльнулся Руд. — С нашей беготней ты совсем забудешь, как по струнам бить.

К ним подошел трактирщик и, склонившись над столиком, вежливо произнес:

— Я видел вашу лютню, господин, но не хотел тревожить. Но если у вас есть желание, мы с радостью послушаем ваши баллады.

Ян, как загнанный зверь, озирался по сторонам. Толпа гудела, в ожидании неминуемого представления. Выйти сухим из воды не представлялось никакой возможности.

Юноша встал и неуверенно проследовал за трактирщиком. Расторопные завсегдатаи уже приготовили для барда высокий стул, поставив его возле стойки. Ян взгромоздился на насест и представился:

— Здравствуйте, уважаемые... слушатели. Меня зовут... Ян... ван дер Веттелик...

— Чего ты там мямлишь? — рассмеялся кто-то.

— Пой давай!

— Тихо! — рявкнул хозяин постоянного двора, со всей силы ударив по стойке. — Имейте уважение! Выслушайте господина барда!

— Спасибо, — зарделся Ян и вновь обратился к зрителям. — За последнее время... хм... со мной много чего приключилось.... У меня родилась вот такая баллада. Прошу, послушайте ее.

Он сделал глубокий вдох и очень тихо запел:

Зачем светит Солнце?

Зачем грустит Луна?

Зачем щебечут птицы?

Зачем родился я?

Зачем приходит Осень?

А вслед за ней Зима?

Ответов на вопросы

Зачем не знаю я?

Зачем...

Зачем мы в этот мир пришли?

Зачем...

Зачем такими стали мы?

Зачем...

Зачем идем мы на войну?

Зачем...

Не видим света мы в плену?

Зачем...

Зачем мы были рождены?

Зачем...

Зачем в друг друга влюблены?

Зачем...

Зачем любимых предаем?

Зачем...

Зачем в Лудестии живем?

Зачем ты одинока?

Зачем ты без меня?

Зачем твоей дорогой

Хочу прокрасться я?

Зачем ты в своем мире

Навеки заперта?

Зачем они убили

Тебя, а не меня?

Зачем...

Зачем мы в этот мир пришли?

Зачем...

Зачем такими стали мы?

Зачем...

Зачем идем мы на войну?

Зачем...

Чтоб после умереть в бреду...

Зачем...

Зачем же были рождены?

Зачем...

Зачем дурные видим сны?

Зачем...

Зачем друг друга предаем?

Зачем...

Зачем на Свете мы живем?

Ян выдохнул и обвел присутствующих радостным взглядом. Люди, зевая, пытались переварить услышанное. Кто-то начал вертеть головой, кто-то кривить лицо, а кто-то и вовсе делал вид, что вытрясает воду из ушей.

— Что сейчас было?! — взлетела первая ласточка.

— Что за глупости?!

— Неужто тебе, парень, жизнь со всем не мила?!

— Помереть, что ль надумал? — прозвучало это отнюдь не как угроза, а скорее, как сочувствие немощному.

— Чего унылость тут развел?!

— Да у него просто бабы нормальной не было! — предположил неизвестный знаток жизни.

— Б-б-у-у-у-х-х-х!!! — оглушающий выстрел мгновенно утихомирил весь зал. Испуганные, начинающие трезветь посетители робко обернулись на звук и увидели откинувшегося на спинку лавки черноволосого мужчину.

— Успокойтесь, умники, — процедил Руд, поигрывая пистолетом. — Если вы не доросли до серьезных произведений — сами виноваты. Хотя и бард наш тоже молодец... мечет бисер перед... Ну да ладно. Эй, Ян! Спой им про магистра и крестьянку! Порадуй народ!

Бард растерянно уставился на констебля. Тот глотнул вина и махнул рукой:

— Давай! Прекращай ломаться, как девица на выданье!

— Ну... — протянул Ян и сотни глаз тут же повернулись в его сторону. — Я спою вам балладу, очень известную в моем родном городе... Но, должен признаться, ее написал не я, а мой учитель Мастер Эдвин.

— Давай уже!

— Не тяни!

Ян поерзал на стуле, несколько раз обвел взглядом зал, судорожно провел рукой по струнам и лишь после этого запел:

Однажды крестьянка в поле гуляла,

Серпом махала, рожь собирала...

— Восхитительно!!! — разразился овациями зал, едва бард вывел последнюю строчку.

— Молодец!!!

— А как спел-то!!!

— Бедняга магистр...

— Да, все беды от баб!!!

— А-ха-ха-ха!!!

Люди веселились, радостно обсуждая услышанное. Ян удивленно глядел на них, впервые услышав столько лестных слов после своего выступления. Однако...

— Молодец, парень! Хорошо поешь! Только писать самому тебе не стоит!

Последний комментатор спустил барда с небес на землю. Юноша перестал улыбаться и поник головой. В этот момент меховое тельце запрыгнуло ему на колени, а на плечо легла тяжелая ладонь.

— Не обращай внимания на дураков, — вальяжно мяукнул кот.

— Полностью согласен с мохнатым, — кивнул Руд, услышавший лишь надменное «Мяу». — Вставай. Пойдем наверх, завтра выезжаем с рассветом.

— Все в порядке, проезжаете, — велел мушкетер, осмотрев карету.

Вот уже битый час, Ян не отлипал от окон экипажа.

— Что в этом может быть интересного? — мурчал Мьель. — То же самое, что и ваш Эйкдам. Только на гербе вместо каменного мужика — коралл. Совсем у вас, людишек, фантазии нет.

— Не знаю, чего там возмущается наш мурлыкающий друг, — заявил Руд, отвернувшись от окна, — но если тем, что ты прилип к окошку, как девица, высматривающая жениха, то я с ним согласен.

— Ты, между прочим, тоже смотришь... — обиженно возразил Ян.

— Я в отличие от тебя не глазею на окрестности города, выглядящего точь-в-точь, как десятки других в Лудестии. Я пытаюсь понять с чего же начать поиски.

— И с чего же? — оживился Ян.

— С завтрашнего утра. Пройдусь по улочкам. Может монеты в моем кошельке помогут разговорить местных попрошак. Кроме того нужно решить, как нам попасть к мэру...

— Господин Флорис же дал тебе рекомендательное письмо...

— И что? Хоть Кларенс Хюльд и не очень-то чествует старое эйкдамское руководство, но речь идет об убийстве Консула. У него нет прав отказать нам в приеме. Правда мне не хочется выкладывать ему все сразу...

Карета остановилась на окраине торгового квартала возле трактира «Хмель и ночлег». Заранее было решено снять комнату подальше от центра. И дело не только в том, что такое решение позволяло сэкономить приличную сумму. Именно здесь получить хоть какие-нибудь полезные сведения куда проще, чем среди чопорных богатеев, ужинающих в окружении многочисленной охраны.

Отправив карету обратно в Эйкдам, Руд, Ян и Мьель вошли в просторный зал, по обыкновению ломящийся от галдящего народа. Ван дер Веттелик сразу заметил возле стойки местного барда и с облегчением выдохнул. Констебль не оставил это без внимания:

— Эх ты! Так уж и быть, не стану предлагать тебе сегодня выступить. Но ты должен больше стараться и чаще выходить на публику, раз считаешь песнопения своим призванием.

Кот солидарно мяукнул.

Де Йонг окинул взглядом бурлящий зал. Его привлекла разношерстная компания, гудевшая за столиком в центре зала. Уверенным шагом он двинулся к ним.

— Мужики! — начал констебль, подойдя к отдыхающим. — Ставлю каждому из вас кружку пива, если пустите нас в свой тесный круг.

— Чего ж не впустить-то? — усмехнулся бородатый мужчина в темном жилете. — Присаживайтесь. Правда, в зале свободных мест полно.

— Ну вы ж понимаете, путешественникам интереснее с местными, — улыбнулся Руд, располагаясь за столом. — С ним, — он кивнул на Яна, — я и так в любое время могу поговорить.

Присутствующие расхохотались. Де Йонг сделал заказ подоспевшей официантке и, потянувшись, произнес:

— Хорошо вот так отдохнуть после целого дня тряски в карете.

— Конечно! — согласился все тот же человек в жилете. — Нет ничего лучше кружечки пивка в конце рабочего дня.

— Точно! — поддержал его щупленький лысый мужичок, в пропахшей рыбой одеждой.

— Истину глаголешь! — отозвался светловолосый человек в потасканном временем темно-зеленом камзоле.

— Смотрю, у вас тут дружная компания, — продолжал Руд, — чем занимаетесь?

Оказалось, что бородач в жилете — хозяин пекарни, тот, что в камзоле — нотариус (как про себя предположил Ян — не особо успешный), лысый, чего и следовало ожидать, — рыбак. Помимо них за столиком сидели мелкий торговец с быстрыми глазками и мушкетер, празднующий законный выходной.

— Ну а вы? Странствующие барды? — поинтересовался пекарь, когда им наконец-то принесли пиво.

— Нет, мы студенты, — расхохотался Руд. — Просто мой друг временами лютней балуется.

— Студенты? — хмыкнул нотариус. — С пистолетами и мечом?

— На дорогах опасно. Нужно быть готовым постоять за себя, — пожал плечами констебль.

— И на кого же учитесь?

— На юристов.

— Хм, конкуренты значит, — улыбнулся человек в камзоле. — Ну удачи вам, студенты.

— Чего ты хвост распустил? — удивился рыбак, обращаясь к товарищу. — Сам-то до тридцати лет в студентах ходил!

Все кроме Яна и Мьеля вновь залились громким хохотом.

— Эх... сто лет в Льорисау не был, — произнес Руд, запив смех пивом. — Чего у вас тут нового?

— На той неделе ведьму сожги, — тут же доложил мушкетер. — Представляешь, сводила мужиков с ума, и те, позабыв про честь, таскали к ней из дому все свои ценности.

— Говорю же тебе, просто у нее фигура хорошая да личико смазливое, — перебил его пекарь. — И в отличие от наших баб, все спускает на новые вещи и эти... как их там? Ну пахнут еще когда обмажешься?

— Духи? — предположил констебль.

— Они самые.

— Да ведьма она была, сколько раз повторять можно?! — стоял на своем мушкетер. —

Мне Ринус рассказывал. Говорит, как взглядом с ней встретился, так и все... Словно воли лишили!

— Да твоего Ринуса, — не сдавался пекарь, — любая бабенка пальчиком поманит, так он уже без штанов! Эта была просто симпатичной шлюхой. А вы все ведьма-ведьма!

— Ай! Ну тебя, — махнул рукой солдат и залпом осушил кружку.

Остальные чокнулись и выпили. Руд заказал еще пива на всех.

— Слушайте, а мэр у вас по-прежнему все тот же? — осторожно начал де Йонг, когда официантка поднесла свежую порцию пенного напитка.

— А-то как же, — хмыкнул пекарь. — Уже лет десять нами правит, — и снова над столиком разразился пьяный смех.

— Подзадержался малость... Хотя кто, если не он? — хмыкнул нотариус.

— Все-то ты обхаешь, — улыбнулся рыбак. — Без господина Хюльда нам бы туго пришлось. Надеюсь, теперь он снова Консулом станет.

— Да, город при господине Хюльде заметно прибавил, — авторитетным тоном заметил пекарь, — предыдущие мэры уж точно с ним в один ряд не стояли.

— Как же это хорошо, когда все любят своего правителя... — мечтательно протянул де Йонг. — Вы правильно делаете, что не обращаете внимания на тот бред, который трепят про господина Хюльда в других городах.

— А что про него трепят? — тут же нахмурился мушкетер.

Руд поглядел по сторонам и, пригнувшись к своим собеседникам, заговорщически прошептал:

— Мол, это он послал убийц к мэру Эйкдама.

— Бред! — воскликнул нотариус. — Дней пять назад я помогал торговцам из Эйкдама, так они рассказали, что их мэра убила его собственная дочь за то, что тот хотел выдать ее замуж за норхертрокца.

— Да-да! Я тоже об этом слышал, — подтвердил купец.

— Так что не верьте, студенты, всему тому, что слышите, — настоятельно поднял палец вверх нотариус.

Они пропустили еще по несколько кружек, обсуждая последние, мало полезные для констебля и барда слухи Льорисау. В конце концов мужики один за другим разошлись по домам.

В дверь громко постучали, Руд продрал глаза и, чертыхаясь, побрел открывать.

— Кто там? — сквозь сон пробормотал Ян.

— Да бес его знает, — зло бросил констебль и, подойдя к двери, крикнул. — Какого лешего в такую рань?!!

— Прощу прощения, — услышал он мелодичный мужской голос. — У меня срочное дело к господину ван дер Веттелику. Жду его внизу за столиком у окна. Пожалуйста, передайте, чтобы не забыл взять с собой лютню.

За дверью послышались удаляющиеся шаги, которые вскоре стихли.

Руд недоумевающе посмотрел на Яна и пошел умываться.

Спустя пятнадцать минут троица спустилась вниз. Зал трактира был практически пуст, если не считать парочки завтракающих торговцев. За столиком в дальнем углу скучал черноволосый человек в шикарном изумрудно-зеленом камзоле, какие носят последние модники Эмруда.

Напротив незнакомца стояла только одна тарелка и стакан молока.

— Честно сказать, я ожидал одного господина ван дер Веттелика, — он смущенно погладил аккуратную бородку.

— У меня нет секретов от моих друзей, — улыбнулся Ян.

— Что ж, так тому и быть. Присаживайтесь.

Руд и Ян уселись напротив молодого мужчины. Мьель вальяжно разлегся рядом с бардом. Незнакомец подозвал официантку и сделал заказ на констебля с котом.

— Позвольте представиться — Джанкарло Росси — менестрель, — спустя примерно минуту давящего молчания произнес он.

— Ян ван дер Веттелик — студент и немножко бард, — пробормотал Ян.

— Руд де Йонг. Я...

— Не продолжайте, — выставил вперед руку Джанкарло, — вашего имени мне более чем достаточно.

— Эй! — вспыхнул констебль. — Если я тебе мешаю — так и скажи!

— Мешаете, — кивнул менестрель, — но не в этом дело. Я не хочу слушать ваши выдумки, но еще более не хочу заставлять вас говорить правду. Раз вы сами пока не готовы ее высказать, господин специальный... О! наш заказ принесли. Давайте позавтракаем что ли.

Руд внимательно посмотрел на собеседника после чего, холодно кивнув, приступил к трапезе.

— У вас прекрасная лютня, Ян, — чуть погодя произнес Джанкарло. — Я тоже хотел бы иметь инструмент работы Лоренцо ди Ватте.

— Ну что вы! — аж поперхнулся бард. — Откуда бы у меня взялась такая редкость!

Менестрель хмыкнул и покачал головой.

— Что ж. Значит ошибся. С кем не бывает, — пожал плечами он. — Однако инструмент у вас и в правду хороший. Я испытал истинное наслаждение, наблюдая за тем, как вы с ним обращаетесь.

— Когда? — удивился Ян.

— Позапрошлым вечером, когда вы блистали в трактире Стеселби. Прекрасное выступление. И честно скажу, ваша баллада мне понравилась куда больше, чем песнь Мастера Эдвина.

— К сожалению, мало кто вас в этом поддержит, — насутился бард.

— Ах! — махнул рукой эмрудец. — Не обращайтесь внимания на невежд. Просто в следующий раз тщательней выбирайте публику.

Ян робко улыбнулся.

— Вы говорили, у вас ко мне дело? Какое?

— Очень деликатное, — тихо произнес менестрель. — Понимаете... Мне так неловко об этом говорить... Ведь это позорит меня, как представителя нашего цеха... Ах! Скажу как есть — моя лютня пришла в негодность. Не доглядел, и мальчишка-носильщик рухнул с моими вещами, в щепки раздавив деку. Я сразу же заказал себе новую — послал весточку на родину в Эмруд. Не обижайтесь, но я доверяю только нашим мастерам... В общем, какое-то время я сидел без дела, ожидая посылку. И когда она уже должна была прийти, мне поступил прекрасный заказ. Без всяких задних мыслей я согласился, но...

— Но пролетел, — хмыкнул Руд.

— Можно и так сказать, — сокрушенно покачал головой Джанкарло. — Моя лютня задерживается, а сегодня важное выступление...

— И чего же вы от меня хотите? — испугался Ян. — Неужели, чтобы я выступил вместо вас?

— Ну что вы! — всплеснул руками менестрель. — Я могу выступить, если вы одолжите мне свой инструмент...

— Пошел бы, да и купил себе новую лютню, — буркнул Руд.

— Ах... людям вашего склада, господин де Йонг, не понять что такое инструмент для барда...

— Мяу! — согласился с ним опившийся молока кот.

— Ну-с, что скажете, господин Ян? — карие глаза эмрудца в тот момент очень напоминали щенячьи.

— Я согласен, — не раздумывая, ответил бард. — Только, пожалуйста, не сломайте и мою лютню.

— Обещаю! Я буду беречь ее, как трепетное сердце юной девы!

— Я бы не верил подобным обещаниям, Ян, — заметил Руд. — Такие нежные типы пожирают сердца девушек, закусывая их девственностью...

— И в обмен на вашу любезность, — не замечая колкостей констебля, продолжал менестрель, — я приглашаю вас сегодня на мое выступление. Оно состоится в особняке ван Хорнов. Господин Хайро ван Хорн — молодой наследник, празднует свои двадцатые именины. И мне выпала честь развлекать его гостей.

— Но как же меня пропустят на такое важное мероприятие? — покраснев, пролепетал Ян.

— Будьте уверены, пропустят, — заверил менестрель. — Детали я беру на себя. Однако, — он одарил Руда выразительным взглядом, — в моих силах провести лишь одного гостя.

— Не больно-то и хотелось мне глядеть на малолетних толстосумов! — фыркнул де Йонг

— Ну вот и славно, — поднялся из-за стола Джанкарло, надев на голову зеленый бархатный берет с пышным пером. — В три часа я пришлю за вами карету, господин ван дер Веттелик. А теперь позвольте вашу лютню. Я хотел бы немного привыкнуть к инструменту.

Бард послушно протянул ему лютню. Росси откланялся и покинул трактир.

— Я тоже пойду, Ян, — проворчал констебль. — У меня есть дела в городе. А ты повеселись как следует среди высшего общества!

— Может ты уже перестанешь мельтешить перед глазами? — не выдержал Мьель, поднимая голову с лап.

Ян остановился напротив своей кровати. Посмотрел на кота. Постоял секунду и вновь начал шагать из стороны в сторону.

— Прости! Я не могу успокоиться. Меня первый раз пригласили в дом важных особ.

— С чего ты решил, что они такие важные? — кот перевернулся на спину и потянулся. — Может простые торговцы.

— Простые торговцы в особняках не живут! — резонно выпалил Ян и, остановившись, принялся отряхивать свой малиновый камзол.

— Ты еще час назад всю пыль из него выбил! Прекрати уже! — взмолился кот.

— Ты прав. Нужно держать себя в руках, — бард уселся рядом с Мьелем и положил руки на колени. — Поговорим о чем-нибудь другом.

— Говори.

— Хм... хм... хм.... О! Как ты научился разговаривать?

— Ты уже спрашивал, — покачал головой кот.

— Ах да-да... — закивал Ян, — ты всегда умел... А есть еще такие, как ты?

— И это спрашивал. С чего ты решил, что раз я не ответил тебе раньше, отвечу сейчас?

— Ну... мы уже многое пережили вместе. Мы — одна команда. Мы — друзья! — улыбнулся Ян.

— Лучше сотня врагов, чем такие друзья, как вы, — недовольно буркнул кот.

— Обидно, знаешь ли... — покачал головой бард. — Я что, тебе не нравлюсь?

— Я вообще ваш род не жалую, — фыркнул кот, — Хотя ты ещё ничего.

— А Руд? — оживился Ян.

— Тьфу, — кот изрыгнул комок шерсти, — Самовлюбленный заносчивый тип.

— Не говорит так. Он — хороший.

— Если ты так хочешь думать — думай. Не стану навязывать свое мнение. Скажу одно — ты слепо веришь людям, не видя того, что скрывается за масками.

— А что за масками? — медленно произнес бард.

В дверь постучали, и Мьелю не пришлось отвечать на этот вопрос:

— Господин ван дер Веттелик, за вами прибыла карета, — услышал Ян голос одной из официанток трактира.

Ян тут же вскочил с места и кинулся к двери. Затем обернулся к коту:

— А как же ты? Меня пригласили одного...

Мьель фыркнул и запрыгнул на плечо барду.

Карета проехала по центральной площади и, обогнув огромный каменный коралл, свернула на широкую улицу. Через пару минут экипаж заехал в распахнутые ворота и остановился у широкого крыльца огромного особняка.

— Приехали, господин, — сообщил кучер, открывая дверь.

Ян вышел из кареты. Кот как ни в чем не бывало запрыгнул ему на плечо.

— Как красиво, — восторженно выдохнул бард. — Никогда не стоял так близко с богатыми домами.

Сыну обычного (пусть и достаточно известного) юриста было с чего слюни пускать. Дворец, что вдвое больше любого из домов ремесленников, располагался на участке, по размерам вполне способном конкурировать с рыночной площадью. Цветущие клумбы и ухоженные деревья уверенно заявляли о том, что на содержание особняка уходит суммы куда большие, чем может заработать простой горожанин.

— Рот закрой, муха залетит, — буркнул кот. — Пошли уже внутрь!

Неуверенно поднявшись по мраморным ступеням, Ян заметил лакея в парадной ливрее, который вытянувшись в струнку стоял у дверей.

— Рады приветствовать вас в доме господина ван Хорна, — отвесил тот низкий поклон. — Могу я узнать ваше имя?

— Ян, — неуверенно произнес бард, — Ян ван дер Веттелик.

— Прощу вас, господин ван дер Веттелик, — лакей указал на распахнутые двери.

Ян вошел внутрь и замер, как вкопанный. Он переводил взгляд с дорогих ковровых

дорожек на расписные картины и огромные фарфоровые вазы, с них на каменные статуи и колоссальных размеров люстру. Разглядывал резные перила лестницы, ведущей на второй этаж, и ее мраморные ступени. Дивился огромным панорамным окнам, и кованым гардинам, к которым крепились бархатные портьеры.

— О, Господин ван дер Веттелик, — услышал бард знакомый голос, вернувший его в реальность. — Рад вас видеть.

— Добрый вечер, господин Джанкарло, — поклонился юноша. — Прошу, зовите меня просто Ян, — добавил он, слегка покраснев.

— Без всяких «господ»? — уточнил Росси. Ян смущенно кивнул. — Что ж, раз уж мы с вами коллеги по цеху, так тому и быть. Можете тоже звать меня просто Джанкарло.

— Спасибо, — улыбнулся ван дер Веттелик.

— Это мне нужно вас благодарить. Еще раз спасибо за лютню. Прекрасный инструмент.

— Да. Мне пришлось несколько месяцев голодать, чтобы скопить на него.

— Все мы идем на жертвы ради любимого дела, — кивнул менестрель, — однако чего ж мы стоим в холле? Пойдемте. Скоро начнется торжество.

Пройдя сквозь распахнутые двери вместе с другими гостями, барды оказались в просторной зале. Яну показалась, что он занимает едва ли не половину первого этажа. По периметру буквой П стояли длинный столы, уже накрытые к празднеству. Зала постепенно заполнялась приглашенной публикой, от пестроты нарядов которой у Яна сначала зарябило в глазах. Совсем рядом мужчина в жабо и модных нынче **кюлотах** отодвинул стул для дамы с высокой прической, выбеленным лицом и кроваво-красными губами под цвет пышного алого платья.

— Ох... Прости, Всевышний... — еле слышно пробормотал бард, увидев это.

— Привыкайте, Ян, — усмехнулся Джанкарло. — Будете выступать перед высшим обществом и не такое увидите. Все хотят подчеркнуть свою индивидуальность, но некоторые сделать это могут, разве что пугающим нарядом... в такие моменты, я думаю, что в каком-нибудь воинственном государстве, типа Ильзанса, где все четко регламентировано, живется пожалуй лучше, чем в странах свободных нравов. Но конечно, подобные мысли относятся лишь к вопросу моды, — твердо добавил он. — Война и кандалы происхождения — прошлый век. Будущее за свободными республиками! Такими как Лудестия и Эмруд.

— Вы говорите очень опасные вещи, Джанкарло, — покачал головой Ян.

— Почему же?

— Потому что истинно свободные республики — это Страны Свободного Мира. А причислять Эмруд и Лудестию к ним нельзя.

— Вы правы. Пока на Большом Континенте есть Империя мы вынуждены плясать под ее дудку. Пусть мы давно и переросли другие страны Молодых Земель. Пусть мы уже почти достигли Стран Свободного Мира... Мы ничего не можем сделать. Ведь отсюда до **Камиланда** всего лишь несколько дней пути. Стоит Консулам пойти против интересов Империи, как имперские легионы тут же будут здесь. Империи не нужны соседи-вольнодумцы.

— Прошу вас, Джанкарло, не будем об этом, — поморщился Ян.

— Вы правы-правы, — закивал эмрудец, — К тому же, праздник начинается.

Менестрель взглядом указал на высокого человека в парадной ливрее с роскошными черными усами. Мужчина громко произнес:

— Уважаемые дамы и господа, приглашаю всех пройти к столу!

Гости, из тех, что беседовали с другими, смокли и стали неторопливо рассаживаться по своим местам. Джанкарло жестом пригласил Яна следовать за собой.

Барды разместились почти с самого края и принялись ждать.

— Господин Рафаэл ван Хорн! — объявил усатый дворецкий.

Как и полагалось, место хозяина дома было во главе стола. По левую руку от него сидела хозяйка, по правую — молодой худощавый мужчина с вытянутым лицом и жидкими усиками. «Должно быть именинник»- про себя отметил Ян.

Едва старший ван Хорн поднялся на ноги, зал охватила выжидающая тишина. Хозяин особняка обвел всех улыбающимся взглядом и громко произнес, поднимая хрустальный кубок:

— Дорогие друзья, рад видеть всех вас за моим столом! Благодарю за то, что откликнулись на мое приглашение и прибыли на именины моего сына! Прошу, ешьте и пейте! Пойте и веселитесь! Не отказывайте себе ни в чем! Сегодня мой дом — ваш дом!

Гости радостно загомонили и, осушив бокалы, приступили к закускам.

— Ешьте, Ян, — шепнул Джанкарло. — Наслаждайтесь прелестью нашей профессии!

Последовав его совету, бард отведал салат из кальмаров, попробовал необычный даже для Лудестии красный сыр и недоверчиво уставился на мидии.

— Глазам не верю! Неужели это и правда настоящий, живой кот? — Ян повернулся на восторженный голос и встретился глазами с соседкой. Справа сидела девушка в персиковом платье со сложной причёской, напоминающей отъевшихся жирных угрей, развалившихся на макушке барышни и свесивших свои тельца по бокам.

— Да, — честно ответил бард, на вилке протягивая Мьёлю кусок красной рыбы.

— Это так необычно и смело! — восхищенно пролепетала незнакомка.

— Хм? От чего же? — не понял Ян.

— Ну как? Многие дамы носят живых горностаев... а вы мужчина и с... котом!

Ян внимательно посмотрел по сторонам. И правда, некоторые из «меховых накидок», что он сразу приметил в женских костюмах, оказались живыми и скакали по плечам и головам своих хозяек. Юноша удивленно распахнул глаза. Менестрель, наблюдавший за ним, шепнул:

— Животные ловят блох в этих сложных прическах. Ничего необычного. Привыкайте.

— А можно погладить вашего кота? — не унималась девушка.

— Не сто...

— Ш-ш-ш, — она не дослушала барда, за что едва не поплатилась.

— Какой он у вас злой! — надув губки, обиженно пробормотала барышня. — Совсем людей не любит!

— Вы даже не представляете насколько, — сокрушенно покачал головой Ян.

Тем временем в центре стола началось оживление, привлекающее к себе взгляды тех, кто сидел на периферии. Барды заметили, что сосед старшего ван Хорна — худощавый юноша — поднимается на ноги. Стоило ему лишь расправить плечи, как присутствующие мгновенно смолкли, словно вновь слово взял хозяин дома. Молодой человек, одетый в ярко-оранжевый камзол, расшитый золотыми нитками, обвел зал взглядом и произнес, поднимая бокал:

— Дорогие друзья! Хочу поднять этот кубок за моего дорого друга Хайро! — он положил руку на плечо своему соседу справа — светловолосому юноше в ярко-красном камзоле. — Хайро, — посмотрел оратор сверху вниз на юношу, — поздравляю тебя с

двадцатилетием! Теперь ты полноправный наследник дела своих предков. Но помни, что такое истинное богатство. Помни, кому ты обязан жизнью и всем что у тебя есть, — легким кивком он указал на старшего ван Хорна. — Выпьем за Хайро!

Публика зашумела и вмиг осушила бокалы. Ян тут же повернулся к Джанкарло.

— Кто этот человек? Он сидел справа от хозяина дома, и я думал, что это и есть именинник...

— Это, мой друг, кое-кто поважнее именинника, — снисходительно улыбнулся менестрель. — Перед вами господин Патрик Хюльд — единственный сын мэра Льорисау.

Бесшумные лакеи подали горячее. Никогда раньше Ян не ел подобного. Хоть Эйкдам и портовый город, но многие морские деликатесы были не по карману даже семье успешного юриста. К тому же, повара ван Хорнов использовали экзотические приправы, превращающие даже обычную белую рыбу в изысканное блюдо.

Спустя несколько тостов, хозяин дома жестом подозвал к себе дворецкого. Выслушав господина, мужчина закивал, а после вышел в центр зала и громко объявил:

— Уважаемые гости! Сегодня для вас выступит известный менестрель, покоровший своими балладами сердца людей на всем континенте! Специально для вас господин ван Хорн пригласил к себе в дом господина Джанкарло Росси!

Публика разразилась овациями. Ян только и успевал переводить взгляды с одного восторженного лица на другое:

— Господин Росси здесь?!

— Неужели?!

— Тот самый Джанкарло Росси?!

— О, Всевышний, сам Росси!

Примечательно, что большую часть обрадованных гостей составляли молодые дамы.

— Ну что ж, мой друг, — улыбнулся менестрель. — Настал мой час!

Он встал из-за стола, и восхищенный гул только усилился. Поприветствовав всех собравшихся, Джанкарло уверенно прошел к импровизированной сцене. Остановившись возле приготовленного для него кресла, менестрель снял берет и отвесил низкий поклон, подметая пыльным пером головного убора пол от пыли. Затем, выпрямившись, хорошо поставленным голосом произнёс:

— Мое почтение хозяевам дома и их гостям! Прежде, чем я начну, хочу поблагодарить господина Рафаэла ван Хорна за оказанную мне честь выступить перед столь distinguished людьми! Так же желаю здоровья и процветания имениннику и его семье! А теперь прошу наполнить бокалы!

Менестрель грациозно расположился в кресле, игриво подмигнул одной из своих восторженных поклонниц и, проведя пальцами по струнам, сделал глубокий вдох. В абсолютной тишине Джанкарло запел:

Сын пастуха славным малым был -

Коров и лошадок очень любил.

Он им каждый день шёрстку чесал,

И никогда их не обижал.

В деревне народ смеялся над ним

Плевал в его сторону, иногда бил.

Но юноша им не отвечал.

Он и не злился, и не кричал.
Всегда же с улыбкой встречал дерьмо,
Что постоянно летело в него.
Ну а затем, убрав с лица грязь,
К зверюшкам он шел, задорно смеясь.
И вот уж в один чудесный день
Ее он увидел светлую тень.
Прекрасная дева мальчика защитила
А он подумал — «Вдруг полюбила!»
Набравшись отваги, он к ней подошел.
Заговорил — уже хорошо!
Она посмотрела ему в глаза
И засмеялась — вот же коза!
Разбитое сердце лишь время лечит,
Пока же ты ждешь — муки душу калечат!
Сын пастуха вдруг деревню покинул.
Многие думали — парень сгинул!
В те времена чудища бесновались,
Чтоб защититься — Охоты сзывались.
И все вокруг предавали огню -
Зло поражали они на корню.
Вот раз на деревню «волки» напали.
При полной луне всех пожирали.
Сотни охотников прибыли вмиг,
Перерубили чудищей злых!
Но лишь волков было им мало -
Людей нужно всех подарить металлу.
Чтобы сразу остановить,
Холодным железом всех порубить.
И со всех ног крестьяне бегут,
Громко кричат, плачут, орут.
Один из охотников не удержим -
Десятки жизней прерваны им!
Вот деву прекрасную он нагоняет,
В лицо убийце дева взирает.
Его почти сразу узнало она,
И закричала: «Я в вас влюблена!»
Он посмотрел в ее глаза
И засмеялся: «Ну ты коза!
Поздно метаться, прелесть моя,
Кровью своей порадуй меня!»
Блеснул хладный меч в ясной ночи.
Тут кто-то умрет, ты кричи-не кричи!
Сын пастуха как-то деву убил,
Теперь же охотник жертву убил.

Мораль этой песни очень проста -
Не смейся над чувствами ты никогда!
И вот напоследок такой поворот:
Коль рядом Охота — то всех заберет!

Менестрель выдохнул и окинул взглядом присутствующих. Звенящую тишину нарушили всхлипывания, донёсшиеся с разных концов зала. Джанкарло самодовольно хмыкнул и мысленно сосчитал до десяти.

— Блестяще, маэстро!

— Вы гений!

— Не то, что всякие рифмоплеты, что только про измены петь могут!

— Это великолепно! Какой колорит! Какие тонкие темы!

И прочие возгласы в том же духе. Несколько возбужденных дамочек даже выкрикнули:

— Я ваша на веки, Господин Росси.

— Джанкарло, вы — бесподобный мужчина!

Эмрудский певец широко улыбнулся и поднял руку, призывая публику к тишине:

— Покорнейше благодарю, мои дорогие! Однако у нас все-таки праздник, посему не стану более терзать вас печальными песнями. Давайте лучше споем о счастливой любви!

Публика вновь оживилась, дамы заерзали на своих местах, приготовившись слушать. Но стоило Джанкарло набрать полные легкие воздуха и ударить по струнам — всякий шум стих.

В один городок, коих тысячи в мире,

Корабль пригнали ветра.

Младой капитан в красивом мундире

Пожаловал с флотом сюда.

Ему улыбались десятки прохожих,

И девы дарили цветы.

А он гордо шел, на них не похожий,

Ведь в мыслях его только ты...

Вернулся домой, после долгой разлуки,

В груди светлый образ храня.

Вернулся моряк, пережив сердца муки.

Вернулся он, верность блюдя.

Лихой капитан уплывал простым юнгой -

Сын старого рыбака.

Ведомый мечтой о любви и уюте,

Поклялся вернуться сюда.

Мечом, пистолетом и крепким килем

Он славу свою добывал.

Но голову-то она не вскружила -

К мечте своей резво бежал.

И помнил, как, приклонив колено,

Той девушке он обещал,

Что станет она, как королева,

Лишь он сойдет на причал.

Что сменит она рванину на платья
И голод забудет, как сон.
Жизнь проведет в любимых объятьях,
Сердца запоют в унисон.
Он слал беспрестанно ей письма и деньги -
Любимую поддержать.
Она же терпела, держала их в тени,
И шла работать опять.
И вот подошел моряк к тому месту,
Где дом ее раньше был,
Где мальчик оставил свою невесту,
Когда по морю уплыл.
А там вместо старой хибарки серой,
Стоит огромный дворец.
Выходит во двор она — королева!
И шепчет: «Пора под венец!»
Закончилось все это свадьбой и песней.
И я, кстати, тоже там был!
И вот что скажу — хотите быть вместе?
Так вместе трудитесь...
Изо всех сил!

Бурные овации сотрясли зал, едва певец выдохнул последний звук своей баллады. Женщины вновь рыдали, но очевидно на сей раз от радости.

Ян осушил свой бокал с компотом и с изумлением уставился на менестреля, пытаясь понять, в чем же между ними двумя разница.

— Он не боится публики, — лениво мяукнул кот, словно прочитав мысли барда. — А это уже две трети успеха. Как в драке — испугаешь противника самоуверенностью — считай победил.

— Публика — противник? — пробормотал юноша.

— Может и так. По мне так вы все друг другу противники...

— Но только в этом ли успех?..

— Не только, — кот самым наглым образом стащил со стола кальмара, заставив Яна озираться по сторонам и смущенно краснеть. Хотя никому до него не было никакого дела, все глядели на сцену. — Твой учитель говорил, что ты не подстраиваешься под толпу. Мне нравятся твои баллады. Они очень неплохи. Но этому скоту, — он обвел мордой присутствующих, — подавай что полегче. Кстати, — он назидательно поднял лапу. — Эти мрази — вроде как ваш высший свет. Я уверен, многие из них пальцем о палец в жизни не ударили, но песенки о том, как с самых низов подняться на вершину для них очень интересны. Ведь каждый из этих толстосумов так или иначе считает себя таким же капитаном, как в песнях твоего дружка. Пусть не они сами, но кто-то из их предков вполне мог проделать такой путь.

Ян хотел что-то ответить но...

— Да можете вы уже унять своего кота?! Сколько можно мяукать! Мешает наслаждаться музыкой! — негодовала та девушка, которой Мьель ранее едва не расцарапал

руку.

Барду оставалось разве что извиниться и вновь сосредоточить свое внимание на выступлении эмрудца.

Джанкарло исполнил еще несколько баллад, кардинально отличавшихся от первых двух. Каждая его последующая песня была похабнее предыдущей. Однако слушатели встречали их с еще большим энтузиазмом. А история о том, как жена нотариуса изменила ему с могучим кузнецом, выдавая того за избитого калеку, по доброте душевной подобранного на улице, и вовсе стала главным шедевром вечера.

— Животные, — покачал головой кот, глядя на гогочущий высший свет.

Публика не хотела отпускать уставшего менестреля, так что пришлось вмешаться хозяину дома. Лишь после его слов, гости несколько притихли и оживились лишь когда на то место, где несколько минут назад стоял Джанкарло, выкатили клавесин — инструмент за последние пять лет ставший неотъемлемой частью лудестианских праздников.

За инструмент уселся пожилой мужчина, рядом с ним встал юноша с габоем и музыканты начали концерт. Люди заулыбались и медленно потекли со своих мест к центру зала.

— Фух, утомился я, — плюхнулся Джанкарло на свой стул и, налив полный бокал вина, выпил его залпом.

— Ваше выступление было прекрасным, — выразил восхищение Ян.

— Ах, ничего особенного, — устало махнул менестрель рукой и тихо добавил. — Сначала самую крошечную малость поёшь для себя, а затем кидаешь в разинутые пасти то, что они хотят поймать. Главное получать от этого удовольствие, а то твое творчество превратится в рутину и перестанет быть творчеством.

— Что я тебе и говорил! — мяукнул кот.

— Но все равно, я восхищен вашим талантом! — Ян перевел взгляд на гостей. Кое-кто, разбившись на пары, танцевал необычный танец, состоящий из простых движений. Танцоры держась за руки, делали шаг вперед и прижимались друг к другу, а затем снова отступали. После чего мужчины, занимающие внешний круг танцующих, по часовой стрелке переходили к следующей партнерше. Цикл начинался сначала.

— Фляйе — странный танец, — проследив за взглядом своего собеседника, произнес Джанкарло. — В Лудестии вообще как-то странно танцуют на подобных мероприятиях. Не так как, например, на балах, опять же, Ильзанса. Там все строго регламентировано, всему отведено своё время и место. И никто вот так не будет над душой стоять, — он указал на ту часть гостей, что стояла рядом с танцорами, смеялась и потягивала вино. Но к танцу присоединяться не спешила.

— Но ведь и в Эмруде нет никакого регламента.

Повернувшись на голос, прозвучавший у них за спиной, барды увидели подошедшего к ним Патрика Хюльда. Сын мэра Льорисау уселся рядом с Яном на то место, где ранее сидела поклонница Росси.

— У вас прекрасный слух, господин Хюльд, — улыбнулся Джанкарло. — В таком шуме слышать наш разговор...

— Прошу, зовите меня просто Патрик, — вернул ему улыбку младший Хюльд, — «Господин Хюльд» — это мой отец. Я еще не дорос до такого обращения.

— Как пожелаете, Господин Патрик, — кивнул Росси.

— Не представите меня вашему другу? — молодой человек кивнул на сидящего между

собеседниками Яна.

— Охотно, Господин Патрик, — кивнул менестрель, — это мой спаситель и коллега по цеху господин Ян ван дер Веттелик. Ян, перед вами сын мэра Льорисау и мой старинный друг- Господин Патрик Хюльд

— Очень приятно, — скромно ответил бард.

— Спаситель? — переспросил Патрик, после того, как пожал Яну руку.

— Да. Без его помощи не было бы моего сегодняшнего выступления, — серьезно кивнул Росси и рассказал печальную историю своей лютни.

— Ах вот как. От лица всех присутствующих выражаю вам благодарность, Ян! — молодой человек дружески положил руку на плечо барду.

— Ну что вы, Господин Хю... — начал было бард, но его собеседник покачал головой, — Патрик, — исправился Ян. — Любой на моем месте поступил бы так же

— Вы не были должны, — не согласился Хюльд. — Но сделали! В знак моей признательности приглашаю вас в эту субботу в дом моего отца.

— В дом вашего отца? — недоуменно повторил бард.

— Да. Отец возвращается из грубарской фактории. В честь этого будет небольшой прием.

— Но вы уверены, что я могу присутствовать, — отвёл взгляд бард.

— Конечно же. Господин Росси уже приглашен, но без вашей лютни все равно не сможет выступить, — Ян посмотрел на Джанкарло, тот молча кивнул. — Кроме того, я был бы рад ознакомиться и с вашим творчеством тоже.

— Но... — замялся бард. — Все равно как-то неловко...

— Не беспокойтесь. Мы ценим талантливых людей и не обидим наградой.

— Нет, — покачал головой Ян, — Я не об этом. Просто... Просто понимаете, я путешествую не один...

— Прекрасно понимаю, — кивнул Патрик, перебивая его: — Мы с радостью примем и вашу спутницу.

— Спутника, — тихо поправил его бард.

— Ах, даже так, — задумчиво произнес младший Хюльд. — Но это не имеет значения — только нужно будет представить его... например, как телохранителя. Понимаете, люди в возрасте несколько консервативны в своих воззрениях на подобные отношения. Так будет проще.

Но Ян не понимал, а просто кивнул. Джанкарло едва слышно хихикнул.

— И по поводу вашего питомца не беспокойтесь, — продолжал Патрик. — Спишем его на модный аксессуар.

Патрик и Джанкарло беседовали еще какое-то время, обсуждая новые тенденции в искусстве. Патрик Хюльд оказался подкованным не только в музыке, но и в живописи, и в скульптуре, а также в архитектуре, и даже в набирающем популярность театре. Яну быстро понравился этот молодой человек: открытый, словно городские ворота средь бела дня, он притягивал к себе людей, казалось искренне интересуюсь каждым. К их столику постоянно кто-то подходил, а потом и вовсе толпа захмелевших юношей утащила сына мэра в центр зала, где Патрик, не раздумывая, присоединился к танцам.

Проводив его взглядом, Ян попрощался с Джанкарло и тихо покинул праздник.

По прихоти собственной скромности Ян отказался от любезного предложения Росси

проводить его, так что путь в трактир занял добрых два часа. Бард плутал по улочкам, стесняясь спросить дорогу у прохожих. Первое время Мьель громко смеялся над ним, но затем, устав от затянувшейся прогулки, сжалился и привел барда домой.

— Хорошо иметь такой нюх, как у тебя, — восхищался Ян, поднимаясь по лестнице трактира.

— Хорошо, — согласился мохнатый, — но здравый смысл, как у меня, иметь еще лучше, — он самодовольно хмыкнул.

Ян открыл дверь и вошел в комнату. Но одной из двух кроватей лежал Руд, при свечах читая книгу с потертым корешком.

— С возвращением, — буркнул он, отрываясь от чтения. — Как погулял среди заносчивых снобов и самовлюбленных петухов?

— Спасибо, очень даже хорошо, — ответил юноша, снимая плащ. — Получил бесценный опыт. Мне понравилось! Особенно выступление Джанкарло. Ну и еда.

— А я весь день мотался по улицам этого чертового города! — не дожидаясь, когда его спросят, сообщил констебль. — Все без толку! На вопрос о гарзитах любая собака в городе гордо отвечает, что это личная армия мэра. Гордость Льорисау, чтоб их! Если спрошу о мэре — все его хвалят. Ни одного гневного слова! Ни одной зацепки! Ничего об ассасинах!

— Совсем ничего? — загадочно улыбнулся бард.

— Совсем, — сокрушенно покачал головой Руд. — Из полезной информации разве то, что мэра нет в городе, и вернется он только в субботу. Думаю прибиться к встречающим в порту.

— У меня есть предложение получше, — продолжал улыбаться Ян.

— Какое же, хотел бы я знать?

— Посмотрим на Господина Хюльда в его собственном доме, на празднике в честь возвращения в Льорисау.

— Кто ж нас туда пустит! — воскликнул Руд.

— Его сын — Патрик Хюльд, пригласил нас с тобой, — торжественно произнёс Ян.

Де Йонг уставился на друга тупым взглядом, пытаясь переварить услышанное. Затем громко рассмеялся:

— Ах ты, пройдоха, обскакал меня! Что ж сразу не сказал-то?

— Ну я... — смутился бард.

— Хотел насладиться моментом. Понимаю. Вроде как месть за то, что я не рассказал тебе о своем плане с Ряхой, — продолжал смеяться Руд. — Что ж, хвалю! Молодец!

— Но тебя представят как моего телохранителя...

— Да хоть как попугая, если я попаду в этот дом!

— Мяу!

— Что он говорит?

— Говорит, что на попугая ты больше походишь...

Руд метнул в кота сапог, но Мьель ловко отскочил в сторону.

— Мяу!

— Ему это не понравилось, — перевел бард.

— Его проблемы, — парировал констебль.

Примечание

Примечание

Кюлоты — Короткие, застегивающиеся под коленом штаны. Пришли в моду из Ильзанса, где их могли носить только потомственные аристократы. В Лудестии нет сословного деления, но из-за высокой цены кюлоты могут позволить себе только представители высшего света.

Камиланд — Столица Империи

Великая Охота — Подробнее о событиях времен Великой Охоты можно прочитать в романе «Великая Охота».

Песнь 6. Орден Щитов

Как и несколькими днями ранее Ян нервно расхаживал по комнате взад-вперед, периодически останавливаясь, чтобы отряхнуть камзол от невидимых пылинок.

Услышав в коридоре шаги, он подбежал к двери и отпер замок. В комнату вошел Руд.

— Кларенс Хюльд в городе, — с порога сообщил констебль. — Ну и толкучка была в порту, едва протиснулся.

— Ты долго, — с укором произнес бард. — За нами скоро должна прибыть карета.

— Ну уж извини, — буркнул де Йонг, — такого столпотворения на улицах я давно не видал.

Через несколько минут за дверью вновь раздались шаги. Голос официантки сообщил гостям, что за ними подъехала карета, так что вскоре Ян и Руд, разместившись на удобных сидениях экипажа, отправились на званый ужин.

Улицы Льорисау наводнили радостные зеваки. То тут, то там слышались торжественные крики, восхваляющие мэра. Многие уже славили Хюльда как Консула Лудестии, хоть выборы еще и не прошли.

— Как столь уважаемый человек может быть злодеем? — глядя на праздничную толпу через оконное стекло, спросил бард.

— О чем ты? — удивился Руд.

— Народ не может так сильно любить злодея. А они просто души не чают в своем мэре.

— Ты заблуждаешься, Ян, — покачал головой Руд. — Скажу тебе по своему опыту, преступник- это не обязательно покрытый шрамами головорез с гнилыми зубами, завтракающий младенцами и пьющий кровь девственниц.

Вот, например, была в моей практике одна история: некий человек — народный любимец, никогда не отказывающий в помощи и вхожий в Магистрат, оказался жестоким маньяком. Его подвал был завален изувеченными трупами никому не нужных бедняков. Кстати, на него меня навел Гнус — законченный негодяй, использующий людей для собственных целей, но озадаченный тем, что с улиц стали пропадать нищие. Вот тебе и сила стереотипов. Главный констебль наотрез отказывался давать мне разрешение на обыск дома этой сволочи. Пришлось действовать самому...

— Мяу!

— Ну что ему еще? — Руд кинул взгляд на сиденье, где лежал кот.

— Говорит, что люди — ничтожества, — пожал плечами бард.

— И он прав, — кивнул констебль. — Но лишь наполовину. А может наполовину ошибается. Тут уж как посмотреть, — констебль поднял на руки недоумевающего Мьёля и поднес его голову к своей. — Послушай, кошара, мы — люди не так прекрасны, как хотелось бы. Но мы такие, какие мы есть. Взгляни на них, — он ткнул кота мордой в окно. — Что ты видишь? Толпу? И опять разгадаешь лишь ползагадки. Да это толпа. Но она состоит из множества личностей. У каждого из них в голове сейчас свои переживания: «Что приготовить на ужин?», «Что одеть на праздник?», «Где взять деньги, чтобы накормить детей?»...

— Мяу!!!

— Думаешь, это мелочно? Но это и есть наша жизнь. Однако среди них есть и те, кто

сейчас думают о более глубоких вещах: «Любит ли она меня?», «Выздоровеет ли мама?», «Хороший ли я отец?». И конечно, среди них есть те, чьи головы занимают совсем уж серьезные вещи: «Смогу ли я оставить после себя след в этом мире?», «Может ли сын рыбака изменить мир?», «Правильно ли я делаю, что за гроши рисую картины, вместо того, чтобы батрачить на верфи?». Это, по-твоему, тоже мелочно? В мире безумно много людей, и каждый из нас неповторим! Ян расстраивается, что ты постоянно называешь нас ничтожествами! Гребешь всех одной гребенкой! Ты рассуждаешь, как глупый ребенок, неспособный понять взрослых! Так что запомни уже, кот, — Руд выпрями спину, и взор его сверкнул решимостью стотысячной армии. В этот момент осанка и мощь в голосе констебля вызывали трепет. Молодой бард не мог отвести от него глаз, благоговей, как если бы столкнулся с самим Императором. — Мы — не ничтожества. Мы — личности!

Де Йонг отпустил Мьёля. Кот, спрыгнув на сидение, фыркнул и свернулся калачиком.

— Не ожидал услышать от тебя такой пламенной речи... — пробормотал Ян.

— Прости, — улыбнулся констебль. — Что-то увлекся. Слышь, кошка, не обижайся только. Не хочу завтра утром, обувая сапоги, угодить ногой в нечто мягкое и вонючее.

— Мяу!

— Говорит, что подумает, — пояснил бард.

Дом Кларенса Хюльда, к удивлению Яна, оказался скромнее дома ван Хорнов. Пусть не намного, но размерами особняк уступал. Он казался чуть более скромным и окутанным домашним уютом.

Гостей к слову, то же было гораздо меньше, чем на именинах Хайро ван Хорна. Всего двадцать человек. Одни прогуливались в саду перед домом, другие беседовали в гостиной, третьи уже разместились за столом в парадной зале. Там же находился и Джанкарло Росси.

— Приветствую вас, друзья, — подойдя к Яну и Руду, менестрель поклонился.

— Волки лесные тебе друзья, — проворчал констебль.

— Вы все так же холодны, Господин де Йонг, — покачал головой менестрель. — А между прочим мы с Яном очень хорошо поладили. Правда же, Ян?

— Да, — кивнул бард и на возмущенный взгляд Руда лишь пожал плечами.

— Смотрю, здешний мэр тот еще скромник, — констебль повернулся к Росси. — Я ожидал чего-то более внушительного. И от дома, и от приема.

— Просто господин Хюльд знает, на что стоит тратить деньги, — улыбнулся менестрель.

— Ага, — буркнул де Йонг, — на гарзитскую конницу и свои фабрики.

— Мудрые люди вкладывают в свое дело, а не в роскошь, — парировал Джанкарло.

— Даже притом, что мои ожидания не оправдались, эти хоромы не назовешь лачужкой отшельника.

Перепалку прервал звон колокольчика — в зал вошел дворецкий, созывая всех к столу. Гости начали рассаживаться по местам. Вскоре в зал вошли четверо. Господин Хюльд разительно отличался от своего щеголя-сына, шедшего рядом. Мэр Льорисау в простеньком камзоле и с торчащими светлыми волосами больше походил на бравого капитана, нежели на отъезжего чиновника. За мужем, гордо подняв голову, не теряя очаровательной улыбки, следовала хозяйка дома. А ее дочь, юная Дафна Хюльд, наоборот, робко ступала, потупив взор.

— Слышал, Госпожа Дафна лишь недавно начала выходить в свет, — шепнул

менестрель.

Патрик вместе с матерью и сестрой заняли свои места. Мэр Льорисау, подойдя к своему стулу, остался стоять и, подняв бокал, окинул всех присутствующих взглядом:

— Друзья! — громко начал он. — Благодарю, что почтили меня и мою семью своим присутствием. Мы рады принимать вас в нашем доме. Поднимаю этот кубок за вас!

Гости живо откликнулись на этот призыв. Пир начался. Приглашенные ели, пили и поздравляли мэра с удачным возвращением в родной город. Кларенс Хюльд доброжелательно отвечал каждому, сердечно принимая поздравления.

Руд де Йонг, не отрываясь от тарелки и бокала, украдкой поглядывал на гостей и хозяев, стараясь уловить каждое произнесённое в зале слово. Ни ускользала от его слуха и трескотня Джанкарло Росси, еле слышно рассказывающего Яну про всех присутствующих.

Констебль удрученно выдохнул. Ничего интересного. Торговцы да разные клерки со своими женами. Все хорошо знают мэра. Разговоры лишь о торговле, политике да недавнем путешествии Кларенса. Ничего ценного.

Внезапно Руд ощутил на спине пронизывающий взгляд. Резко обернувшись, он увидел лишь пустой коридор.

— Показалось? — пробормотал себе под нос констебль.

— Что-то случилось, Руд? — обеспокоено спросил Ян, поворачиваясь к товарищу.

— А? Нет. Слушай, плесни-ка мне компота из своего кувшина. Хватит пока вина.

— Хм? Ты точно не заболел?

— Прекращай. Не смешно.

Кларенс Хюльд вновь встал и постучал вилкой по бокалу, призывая всех к тишине:

— Друзья мои, прошу тишины. Хочу сообщить вам, что мой сын Патрик к моему приезду приготовил особый подарок. Пригласил в наш дом известного барда Джанкарло Росси, а так же его товарища, хм...

— Яна ван дер Веттелика, — подсказал Патрик.

— Яна ван дер Веттелика, — продолжил Кларенс. — Я знаю, что некоторые из вас присутствовали на именинах Хайро ван Хорна и слышали там песни господина Росси, но это не лишает вас удовольствия вновь насладиться выступлением талантливого барда!

Гости обрадованно загомонили. Некоторые из них начали удивленно перешептываться:

— Ян ван дер Веттелик?

— Никогда о нем не слышал!

— Если он прибыл вместе с Джанкарло Росси, должно быть он хорош!

— Точно!

Кларенс Хюльд повернулся к бардам и, слегка поклонившись, произнес:

— Прошу вас, Господа, — жестом он указал в центр зала, где уже были приготовлены кресла.

— Хм... — протянул Джанкарло. — Похоже, от нас ждут дуэта. Вы запомнили какие-нибудь из моих песен?

— Все, — кивнул бард.

— Неплохо. Я тоже прекрасно помню вашу «Зачем?». Их и исполним.

Под рукоплескания гостей и хозяев праздника, Ян и Джанкарло, низко поклонившись, заняли свои места на сцене. Росси обворожительно улыбнулся и несколько раз задумчиво провел пальцами по струнам. Ван дер Веттелик ерзал на кресле, нетерпеливо ожидая команды от своего коллеги. Наконец менестрель вскинул голову и громко произнес:

— Друзья мои, для нас большая честь выступить перед вами! И это не пустые слова. Я давно ни с кем не пел дуэтом, но ради Вас готов на всё.

— О! Они и правда споют вместе! — раздался восторженный возглас.

— Какая редкость!

— А может и вы присоединитесь к своим товарищам? — обратился к Руду старик со всклокоченной бородой, сидевший рядом.

— Нет, — усмехнулся де Йонг. — Не хочу лишать их славы.

— Прошу внимания! — повысил голос Джанкарло, и зал мигом стих. — Сейчас мы исполним «Балладу о пастушьем сыне»!

Ян не соврал. Он действительно запомнил все песни Росси и умело подпевал эмрудскому менестрелю. Публика слушала, затаив дыхание, восторженно встречая каждую песню. После пятой баллады Ян окончательно расслабился и получил небывалое удовольствие от выступления.

— А теперь, — торжественно произнес Джанкарло, после еще нескольких песен. — Я передаю лютню ее владельцу — господину Яну ван дер Веттелику. Финальным аккордом нашего музыкального вечера станет его баллада «Зачем?». Это одно из самых глубоких произведений, что я слышал за последнее время. Оно достойно того, чтобы прозвучать в стенах этого гостеприимного дома. Дорогие друзья, слушайте внимательно, ведь только такие высокообразованные люди, как вы, могут по достоинству оценить сей шедевр. Прошу, Ян, начинайте.

Не ожидавший такого конферанса бард во все глаза смотрел на своего товарища. Джанкарло широко улыбался, своим видом показывая, что верит в Яна и готов оказать всевозможную поддержку. Где-то за столиком раздался сдавленный смешок констебля и задорное, похожее на хохот, мяуканье.

— Ну же, Ян, начинайте, — подбодрил юношу менестрель.

Бард осторожно поднял голову. Десятки внимательных глаз буквально буравили в нем дыры, ожидая чего-то доселе невиданного. Юноша ступешался, но спустя несколько мгновений глубоко вдохнул, пытаясь унять волнение, погладил родные струны и запел.

Джанкарло сразу же присоединился к нему, однако Яну уже было все равно. Он целиком и полностью отдался своей песне. В тот момент для молодого барда ничего больше не существовало. Лишь его голос, лютня и баллада.

Зачем светит Солнце?

Зачем грустит Луна?..

Выдохнув последний слог, Ян встрепенулся и огляделся по сторонам. Пять пар ладоней аплодировали юноше. Джанкарло при этом широко улыбался, Руд одобрительно кивал, Патрик Хюльд качал головой, его сестра Дафна тихо всхлипывала, а лицо последнего — мэра Льорисау выражало глубокую задумчивость.

Гости с недоумением вертели головами, но стоило им заметить, что старший Хюльд аплодирует неизвестному барду, выступившему со странной песней, они тут же захлопали и загалдели.

— Поверьте мне, это — успех, — шепнул Джанкарло Яну.

— Блестящее выступление, — прогремел мэр, поднимаясь на ноги. — Честно сказать,

Господин Росси, ваш молодой коллега, на мой взгляд, сегодня вас превзошел. Но не расстраивайтесь, это всего лишь мнение одного человека. Прошу вас, господа барды, возвращайтесь к столу и отдохните.

Банкет продолжился. Как и несколькими днями ранее, певцов сменили музыканты и начались танцы.

— Молодцы. Оба, — буркнул Руд, жуя омара.

— Вы и меня хвалите? — удивился Джанкарло.

— Еще бы. Благодаря твоей славе и Ян засветился. Поразил мэра, а значит и его лизоблюдов. Маленький, но твердый шаг к мечте.

— К какой мечте? — не понял Росси.

— Стать выдающимся бардом, — хмыкнул де Йонг, и Ян смущенно отвернулся.

— Глупости. Он уже — выдающийся бард, — фыркнул менестрель.

— Только люди об этом не знают, — пожал плечами констебль.

— Что вы!.. — возмутился эмрудец, но не успел договорить. Неожиданно наступившая тишина сбила его с толку.

Все трое завертели головами и увидели стоящего на ногах мэра. Именно он жестом прервал музыкантов и всех гостей.

— Друзья! — все так же громко начал он. — Благодарю вас еще раз за то, что почтили наш дом своим присутствием. А сейчас моя дочь Дафна хочет кое-что сделать, не так ли, милая? — Кларенс Хюльд ободряюще улыбнулся.

Юная леди кивнула и смущенно поднялась со стула. Под удивленные взгляды гостей она направилась к концу стола, где пировали покорившие всех барды. Краснея, девушка остановилась напротив Яна. Затем что-то быстро вложила ему в ладонь и чуть более поспешно, чем это прилично, вернулась на своё место.

Ян изумленно глядел на необычный подарок. На его ладони лежала крупная брошь из нежно-розового коралла.

— О... — протянул Руд.

— Поднимите ее! — быстро проговорил Джанкарло. — Покажите гостям!

Ничего не понимающий бард последовал совету старшего товарища. Зал мгновенно разразился одобрителем гулом.

— Поздравляю героя сегодняшнего вечера! — произнес мэр, поднимая бокал. — Выпьем за Яна ван дер Веттелика.

Присутствующие, как по команде, осушили бокалы. Закусив омаром, менестрель придвинулся к Яну:

— Вижу, вы не совсем понимаете, что происходит? — хитро прищурился он.

— Честно сказать — да, — краснея, кивнул Ян.

— Не сочту за труд объяснить. Пред вами всего лишь измененная под гнетом времени давняя традиция. Все знают, что в эпоху турниров прекрасные дамы, часто молодые и незамужние, дарили рыцарям свои вещицы. Будь то платок, кусочек ткани, какое-нибудь украшение. Сейчас в Лудестии турниров нет. Как, в прочем, нет и сословий, участвующих в них. Но как менестрель вы должны понимать всю красоту и романтичность тех давних традиций. Не удивительно, что кто-то хочет их сохранить, пусть и таким образом.

— Или кто-то хочет показать, что он полноправный хозяин этих земель, — буркнул Руд. — Считай — феодал.

— Вечно вы все опошлите, господин де Йонг, — покачал головой Росси и повернулся к

барду. — Приколите брошь, Ян, иначе это будет выглядеть оскорблением для хозяев дома.

Юноша востепенел и принялся возиться с украшением, чуть не проколов себе палец. Когда он закончил, с удивлением обнаружил, что к их столику подошел Патрик Хюльд.

— Поздравляю с прекрасным выступлением, господа, — произнес молодой человек, усаживаясь рядом.

— Благодарим, господин Патрик, — за всех ответил менестрель.

— Моему отцу очень понравились ваши баллады. Особенно последняя. В знак почтения он приглашает вас оставаться гостями нашего дома столько, сколько пожелаете. Вы же остановились в каком-нибудь трактире? Поверьте, у нас вам будет несколько удобнее, — Патрик Хюльд был настолько искренен, что Ян хотел согласиться не раздумывая, но не успел.

— Раз ему так понравились их песни, — бросил де Йонг. — Чего ж сам не подошел?

Патрик недоуменно посмотрел на неизвестного ему человека, после чего, видно сообразив, широко улыбнулся:

— А вы, должно быть, спутник господина ван дер Веттелика? Тот, кого мы выдали за телохранителя?

Руд стушевался, а сидевший рядом Джанкарло тихо захихикал.

— Руд де Йонг, — наконец-то представился констебль, поборов секундное смущение

— Очень приятно, — доброжелательно протянул ему худую ручку сын мэра, — Патрик Хюльд, — они обменялись рукопожатиями, и молодой человек продолжил: — Отвечу на ваш вопрос, господин де Йонг. К сожалению, даже сейчас мой отец очень занят и не может наслаждаться праздником. Взгляните сами.

Повернувшись к столу мэра, все трое увидели, что старший Хюльд действительно в самый разгар праздника что-то объясняет мужчине в длинном парике и пенсне. Кларенс показывал пальцем в толстую книгу с желтыми страницами и бурно жестикулировал, очевидно, отчитывая помощника.

— А теперь позвольте вернуться к моему предложению, — Патрик вновь любезно улыбнулся и обвел троицу добродушным взглядом.

— Это большая честь, господин Патрик, — тут же ответил Джанкарло. — Но я с сожалением вынужден отказаться. Дело в том, что я поселился в доме одной молодой вдовы и не могу обмануть её чувства гостеприимной хозяйки...

— Конечно, господин Росси. Я вас понимаю, как и всякий мужчина, — еле заметно улыбнулся молодой Хюльд.

— Герой, черт его дери, — проворчал Руд в сторону.

— А что насчет вас, господа? — произнес Патрик, обращаясь к констеблю и барду.

Де Йонг впился взглядом в младшего Хюльда. Затем натянуто улыбнулся:

— Мы с Яном почтим за честь принять ваше приглашение.

Руд сидел, забравшись с ногами на широкий подоконник, и смотрел в ночь. Летний ветер из открытого окна перебирал темные волосы констебля так же неторопливо, как и листья на деревьях перед особняком мэра Льорисау. Де Йонг устало выдохнул и посмотрел на Яна, чешущего брюхо Мьёлю, развалившемся на огромной кровати:

— Ну и как тебе господин Хюльд? — нарушил тишину Руд. — Я имею ввиду, конечно же, старшего, а не этого шуплого модника.

— Очень приятный человек, как мне показалось, — отозвался бард.

— Да, — согласился де Йонг, — сильный и уверенный в себе. Не то, что наш покойный Арон ван Мейер. Тот больше походил на хитрого ростовщика, а этот — на воина.

— Джанкарло рассказывал, что господин Хюльд в молодости был мушкетером. Если бы его старший брат не умер от болезни, он бы не унаследовал компанию отца.

— Очень на то похоже, — кивнул Руд и тихо добавил. — Порой те, из кого не воспитывают будущего наследника, затмевают собой предков... Ну да ладно. Нам повезло, что удалось остаться здесь на ночь. Надеюсь, за завтраком получится задать мэру парочку вопросов...

— Уже решил, как будем действовать дальше?

— Есть кой-какие наметки. Но все утром, — он спрыгнул с подоконника и направился к двери. — Ложись спать. Пусть тебе приснится очаровательная дочурка нашего гостеприимного хозяина.

— Почему это? — удивился Ян.

— А почему бы нет? — пожал плечами констебль. — Девица видная, к тому же благодаря твоим задушевым песенкам запала на тебя. Чего тянуть-то? Действуй, рыцарь!

— Глупости, — отмахнулся бард.

— Будешь так рассуждать — умрешь, не познав счастья взаимной любви, — со знанием дела произнес Руд. — Впрочем возможно для тебя- барда, это будет только во благо. Правда, баллады твои так и останутся унылыми и нагоняющими тоску... — он подмигнул другу и отправился в свою комнату.

— Ян! — Розы по обыкновению кинулась на шею долгожданному гостю. — Наконец-то ты пришел! — девушка сжала его в объятьях, словно боясь, что он сейчас сбежит. — Ну рассказывай, как прошел день? Как встреча с мэром?

— Мэр оказался очень приятным человеком, — красный от смущения бард с трудом высвободился из цепких объятий и, осторожно держа Розы за руку, уселся на камень. — Его и правда все любят и уважают. Представляешь, целый город высыпал на улицу, чтобы встретить господина Хюльда после долгого отсутствия!

— Наверное, он действительно хороший! А как твоё выступление? Понравилось гостям? Если нет, то они глупые и бездушные идиоты!

— Мы выступали дуэтом с Джанкарло! Он восхитителен! Каждый пропетый им слог люди ловят, словно благодать Всевышнего!

— Ну а ты? Ты-то спел? — не унималась девушка.

— Да. Мы исполнили вместе одну из моих баллад.

— Ну?...

— Мэру, его сыну и дочери, вроде очень понравилось. А потом и остальные начали хлопать, — смущенно пролепетал бард.

— Дочери?! — нахмурилась Розы. — Какая она? Красивая?

— Да. Правда еще совсем ребенок — шестнадцать лет. Но она подарила мне брошь, — улыбнулся Ян. — Как рыцарю на турнире. Вот же наивная девочка. Какой же я рыцарь...

— Она сделала тебе подарок?! — Розы прошиб пот. — И ты принял?!

— Ну да... Иначе это выглядело бы оскорблением... А что не так? Я сделал что-то не

правильно? — испугался бард.

— Нет... — девушка взяла себя в руки. — Все правильно... По-другому нельзя...

— Что случилось, Роза? Тебе грустно?

— Да, Ян, — могильным голосом произнесла она, — мне кажется, я краду твою жизнь...

— О чем ты говоришь? — бард вскочил с места и присел перед ней на одно колено, пытаясь заглянуть в полные слез глаза.

— Ведь там... Там настоящий мир. Ты встречаешь там настоящих людей. И девушек... Живых... Ты не должен приходить сюда, но я...

— Тише, — твердо произнес он, прижимая ее голову к своей груди. — Я рад быть здесь. Рад, что твой мир открыт для меня. И ни за что тебя не оставлю здесь одну. Обещаю.

— Открывай, Ян! Скорее!

— МЯУ!!! МЯУ!!!

Бард проснулся от ударов, сотрясающих дверь, и неистовых хлопков когтистой лапой по лицу. Наспех накинув камзол, он бросился к двери.

— Что-то случилось! — сообщил Руд, едва щелкнул засов. — Твой кошак разбудил меня и выпрыгнул в окно!

— Быстрее за мной, чего встали! — рявкнул Мьель, белой молнией вылетая в коридор. Руд и Ян ринулись следом.

Света свечей хватало, чтобы бегуны не переломали ноги в кромешной тьме и не перевернули горшки с декоративными деревьями. В два счета они оказались в самом конце коридора у темной двустворчатой двери.

— Открывай! — велел кот, навалившись своей мохнатой тушей.

Ян дернул ручку. Заперто. Недолго думая, Руд выхватил пистолет и выстрелил в замок.

Под грохот выстрела сквозь клубы дыма друзья ворвались в комнату, оказавшейся спальней мэра. Облаченный в облегающую черную одежду человек, сжимая пальцами побелевшее горло жертвы, вдавил Кларенса Хюльда в жесткий матрац кровати. Мэр Льорисау отчаянно сопротивлялся, сдерживая клинок убийцы, находящийся в другой руке. Еще один ассасин стоял чуть поодаль, пошатываясь, словно только что словил хороший удар по голове.

Увидев ворвавшихся людей, душивший мэра отпрыгнул к окну и схватил за шкуру своего напарника. Констебль мгновенно выхватил два заряженных пистолета и спустил курки. Не попал. Ассасины, как кошки, выпрыгнули в открытое окно под грохот выстрелов.

— С вами все в порядке? — Ян подбежал к Кларенсу.

— А? Да, — кивнул мэр, — пустяки, — улыбнувшись, он показал кровоточащее предплечье.

— Я помогу, — выдохнул бард.

— Нет времени, Ян! — прервал его Руд. — Быстрее за ними!

Выкрикнув это, он перевалился через подоконник. Повиснув на руках, специальный констебль раскачался и прыгнул вниз.

— Твою мать! — выругался Руд, после прыжка со второго этажа. — Черт!

Несмотря на боль, он смог подняться на ноги и пустился в погоню.

— Быстрее, Ян! Чего мешкаешь! — возмутился Мьель, давно уже взобравшийся на подоконник.

Бард робко перевел взгляд с открытого окна на раненного мэра. Кларенс Хюльд сухо усмехнулся:

— Идите, Ян ван дер Веттелик. Со мной действительно все в порядке.

Ян уверенно кивнул и бросился к окну. Переступив через алую лужицу, он на мгновение остановился, еще раз взглянул на мэра и, набравшись решимости, забрался на подоконник.

Он спустился так же как и Руд. Жесткое приземление обжигающей болью отдавало в пятки. Стиснув зубы, Ян побежал вперед и вскоре нагнал констебля.

— Шустрые гады! — сообщил де Йонг. — Как кузнечики, скачут по крышам! Прицелиться не успеваю!

Руд и Ян бежали по широкой улице, ведущей к городской площади. Свернув на перекрестке, они уткнулись в двоих мушкетеров.

— Стоять! Не с места! — велел один из караульных, тыкая в неизвестных оружием.

— Спокойно, уважаемый, — быстро отозвался де Йонг. — Мы — гости вашего мэра. На него напали, и сейчас мы гонимся за преступниками. Если поднимите головы, то сами их увидите, — изумленные мушкетёры задрали шлемы и, увидев прыгающих по крышам людей, изумились еще больше. — Нам не мешает ваша помощь, уважаемый мушкетер.

— На господина Хюльда действительно напали? — опешив, пролепетал стражник.

— Да. На наших глазах.

— Тогда мы с радостью поможем вам! — воодушевился мужчина.

— Вот и славно. Соберите всех своих и оцепите квартал. Мы же продолжим преследовать преступников.

— Есть! — отсалютовал мушкетер и поспешил выполнять приказ.

Яну казалось, что ассайны, согласно рассказам Руда превосходящие по силе и выносливости обычных людей, должны были уже давно оторваться и скрыться. Но этого не происходило. Складывалось ощущение, что убийцы бегут через силу. Будто они ранены.

Раздались выстрелы. Мушкетеры, успешно заняв позиции, перешли в наступление.

Находясь под огнем мушкетов, убийцы были вынуждены спрыгнуть с крыш на землю. Руд спустил курок последнего заряженного пистолета и... промахнулся. Хотя теперь поймать ассасинов стало куда более реальным, они по-прежнему оставались неуязвимы для констебля и барда.

Внезапно Руд ощутил на себе тот же пронзительный взгляд, что и в доме мэра во время ужина. Одновременно с этим темноту разорвала ярко-красная вспышка. Она слетела с крыши ближайшего дома и устремилась к ассасинам. Тут же последовала еще одна. Раздался сдавленный крик. Две стрелы, пронзив ноги убийц, пригвоздили их к земле.

Ян и Руд настороженно остановились. Подняв голову, констебль увидел фигуру в плаще и капюшоне на крыше трехэтажного дома. Незнакомец держал в руке лук.

Де Йонг перевел взгляд на ассасинов и обомлел. Убийцы вцепились друг другу в горло.

— Что происходит? — испугано пролепетал Ян, чувствуя неведомую, разъедающую округу силу.

— Не может быть... — прошептал де Йонг.

В этот же миг, ассасины, рванув что есть силы, вырвали кадыки друг друга. Два безжизненных тела упали на землю.

Озираясь по сторонам в поисках причины, констебль заметил еще одну фигуру на

крыше противоположного дома. Высокий мужчина с длинной черной бородой в развевающейся на ветру мантии вскинул руки, и Руд почувствовал как теряет контроль над своим телом.

— А-ааа! Что это?! — завопил Ян, когда его пальцы сжали горло констебля, а руки Руда начали сдавливать шею барда.

Вспыхнула еще одна красная молния, но человек в мантии успел увернуться от выпущенной в него стрелы. Руд и Ян обмякли, словно безвольные куклы.

Лучник снова выстрелил, но так же как и прошлый раз — безуспешно.

Ян лежал на спине, не в силах подняться на ноги. Он смотрел на горгулью, подпирающую крышу обычного двухэтажного дома. «Странная она какая-то»- подумал юноша.

Едва барду пришла в голову эта мысль, как горгулья задрожала и... ожила. Каменные оковы сброшенные чудовищем, полетели вниз.

Осознание неминуемой гибели лавиной накрыло барда. В ужасе он зажмурился, готовый принять неизбежное, но...

Вихрь неизвестной силы заставил барда открыть глаза. Он увидел стоящего над ним и Рудом мужчину, сжимавшего в руках странные изогнутые ножи. Повернув голову, бард заметил груды камней, валяющуюся вокруг.

— Вы спасли нас?.. — сам не веря своим словам пролепетал Ян.

Но незнакомец не ответил. Одним движением спрятав оружие в ножны, он выхватил из налучья лук, наложил стрелу, прицелился и...

— Ушел колдун, — раздраженно сплюнул незнакомец в капюшоне и, посмотрев на лежащего у его ног Яна, протянул тому руку. — Вставай, певец. Будешь валяться, простудишься и потеряешь голос.

— Куда мы так несемся? — обескураженно спросил Ян, когда они с Рудом и Мьёлем спешили за неизвестным лучником.

— В дом мэра, конечно же, — не поворачиваясь, ответил Де Йонг.

— Кто вы? Почему нас спасли?

— Гроссмейстер Ордена Щитов — Брэндон, — бросил на бегу мужчина, скидывая капюшон. — Спасать людей от колдунов — моя работа.

Яну показалось, что Гроссмейстеру было лет двадцать пять — молодое лицо покрывала черная щетина, но глаза тускло сияли вековой мудростью.

— Гроссмейстер? — не поверил своим ушам Руд.

— Он самый, — кивнул Брэндон.

— Тогда все ясно, — серьезно кивнул де Йонг. — Вы были в доме Хюльда. Почему же не посетили его званый ужин?

— Ха! — гроссмейстер усмехнулся. — Устал я от этих церемонных посиделок. Мне нужно было поговорить с Хюльдом о делах, однако вести беседы с его лизоблюдами не было ровным счетом никакого желания.

— Ты его знаешь? — шепнул Ян.

— Кое-что, — не теряя серьезности, ответил констебль. — Потом расскажу.

— Ну а вы, господа, — продолжал гроссмейстер. — Ведь не только ради песен

оказались в доме Хюльда?

— Что вы имеете в виду? — сыграл недоумение Руд.

— Не придуривайтесь. Да, ван дер Веттелик — прекрасный бард. Но не настолько известный, чтобы путешествовать с телохранителем. Кто вы? Представьтесь?

— Руд де Йонг, — ответил констебль.

— И? Дальше?

Руд помолчал некоторое время и в итоге сдался:

— Специальный констебль Эйкдама.

— Вот это уже похоже на правду, — улыбнулся гроссмейстер. — Значит эйкдамского мэра то же ассасины?.. — догадался он.

— Да.

— Что ж... — задумчиво протянул Брэндон. — Вам удалось спасти Хюльда, однако с мертвых ассасинов полезных сведений не получишь...

— Но теперь у нас есть еще одна зацепка — колдун. Вы охотились на него?

— Отчасти. Я остановился недалеко от дома Хюльда и посреди ночи почувствовал всплеск Жажды. Когда я примчался на место — увидел лишь валяющегося без сознания мэра и его переполошенных домочадцев.

— С господином Хюльдом все в порядке? — тут же встрепенулся Ян.

— С чего бы? — удивился гроссмейстер. — Ассасины смазывают свои клинки смертельными ядами.

— Он умрет? — прошептал бард.

— Мог бы. Но успокойтесь. Я уже отдал распоряжение его слугам собрать необходимые травы и послал за целителями Ордена. Вы, наверное, слышали, что мы охотились на морского змея вблизи Льорисау. Мои рыцари еще рядом.

— Мэр выживет. Это хорошо, — нетерпеливо выпалил Руд. — Но скажите, что это был за колдун? Вы ведь знаете?

— Не знаю. Просто могущественный колдун, который оказался в спальне Хюльда, как я полагаю, раньше ассасинов.

— Он был в доме мэра? — оторопел констебль.

— Без всяких сомнений. На полу у окна — пятно именно его крови.

— Вы в этом уверены? Как можно утверждать такое?

— Поверьте мне — можно.

— И что же тогда получается? — снова влез в разговор Ян. — Господин Хюльд сражался сразу с двумя ассасинами и колдуном?

— Ха! Конечно нет, — покачал головой гроссмейстер. — Это колдун сражался с ассасинами.

— Хоть он и проиграл, — предположил Руд. — Но смог их задержать и ослабить. А от шума схватки проснулся мэр.

— Именно, — кивнул Брэндон, — Колдун отступил, чтобы собраться с силами и закончить начатое позже.

— Но зачем ему это? — недоумевал бард. — Думаете, ассасины сделали ему что-то плохое?

— Личная месть? — раздумывая над словами друга, протянул де Йонг. — Сомневаюсь... Может не поделили заказ? Такое встречается.

— Встречается, — подтвердил гроссмейстер, — Правда обычно колдуны не настолько

щепетильны. Он мог спокойно постоять в сторонке, наблюдая, как другие выполняют его работу. Но версия вполне себе состоятельная. Пусть будет официальной, — хмыкнул Брэндон.

— А не официальная? — тут же спросил Руд. — Вы считаете, что...

— Т-с-с-с, — прижал палец к губам гроссмейстер, — Думайте головой, специальный констебль. Это слишком сильное заявление, чтобы озвучивать его вслух без должных доказательств.

— О чем вы говорите? — перевел взгляд с одного на другого Ян.

— Ни о чем, — резко отвернулся гроссмейстер. — Разговоры в сторону. Мы почти пришли.

Ян, Мьель и Руд сидели в просторной столовой. Перед гостями на широком столе стояли чашки с горячим чаем и огромная тарелка всевозможных сладостей. Но к угощению никто не притрагивался.

Дафна Хюльд, всхлипывая, сидела рядом на софе. Ее старший брат ходил из стороны в сторону, не в силах оставаться на месте. Помимо двух перепуганных горничных в комнате находился ещё и Джанкарло Росси, напевающий себе под нос заунывный мотив.

— Может ты наконец-то замолчишь? — не выдержал констебль, обращаясь к менестрелю. — Чего вообще приперся?

— Вы задаете странные вопросы, Господин де Йонг, — покачал головой эмрудец. — Весть о ночном нападении на господина Хюльда мигом облетела весь город. Я не мог не оказать хоть какую-нибудь поддержку.

— Будто от твоих завываний кому-то станет легче, — проворчал Руд.

Дафна всхлипнула, смахнула шелковым платочком слезы и вымученно улыбнулась:

— Господа, прошу вас не ссорьтесь. Мы очень благодарны вам за то, что в эту минуту вы рядом. И... — она потупила взор, а после посмотрела на Яна. — От всего сердца благодарю, что спасли моего отца.

Ян неловко кивнул и, стараясь скрыть волнение, отхлебнул горячего чаю, едва не ошпарив горло.

— Присоединяюсь к словам сестры, — Патрик Хюльд остановился на полпути от окна до стены. — Благодарю вас, Ян, и вас, господин Руд, — глаза наследника дома были красны, но слез никто разглядеть не мог. — С отцом все будет хорошо.

— Непременно, господин Патрик, — вновь подал голос Джанкарло. — Нам повезло, что не только Господин де Йонг и Ян оказались рядом, но и Господин Гроссмейстер. С его помощью Господин Хюльд мигом встанет на ноги.

— Мяу! — буркнул кот, растягиваясь на столе.

Присутствующие удивленно посмотрели на него, как будто только сейчас заметили и растроганно улыбнулись. Дафна Хюльд взяла животное на руки:

— Ты тоже помогал, верно? — девушка, положив кота на колени, нежно гладила его. Мьель под удивлённый взгляд Яна и Руда даже и не думал сопротивляться. Вместо этого зверь потянулся и заурчал.

В коридоре послышался топот, в столовую ввалился запыхавшийся камердинер:

— Господин пришел в себя! — с порога выпалил он.

Все повыскакивали со своих мест, а камердинер отдышавшись продолжил:

— Господин Хюльд желает говорить с глазу на глаз со своими спасителями.

Дети мэра и Джанкарло переглянулись между собой, после чего Патрик повернулся к Яну:

— Прошу вас, идите. Отец ждет.

Ян кивнул и вместе с Мьёлем и констеблем последовал за камердинером. Быстро поднявшись на второй этаж, они прошли до конца коридора. У спальни мэра стояла горничная и двое рослых мужчин. В глаза бросились кроваво-красные плащи незнакомцев, на которых белыми нитками была вышита эмблема — насаженная на копье голова оборотня — символ Ордена Щитов.

Подойдя к распахнутым дверям комнаты, друзья увидели госпожу Хюльд, стоящую на коленях возле кровати мужа. Гроссмейстер Ордена стоял у изголовья.

Заметив вновь прибывших, женщина, поднявшись на ноги, поцеловала супруга в щеку и направилась к выходу.

— Спасибо вам, — прошептала она, проходя мимо Руда и Яна, после чего закрыла за собой дверь.

Молодые люди подошли к кровати. Кларенс Хюльд внимательно посмотрел на них и благодарно кивнул:

— Вы спасли мне жизнь. Я этого не забуду. Еще немного и ассасины бы прикончили меня.

— Не стоит благодарностей, Господин Хюльд, — покачал головой Руд. — Однако я рад видеть вас живым и относительно здоровым.

— Вы не похожи на простого охранника, — сощурился мэр, — пусть и хорошего, но мало известного барда. Кто вы?

— Позвольте представиться, — поклонился его собеседник, — Руд де Йонг — специальный констебль города и кантона Эйкдам.

На несколько секунд мэр погрузился в глубокую задумчивость. Присутствующие терпеливо ждали. Наконец, глава Льорисау тихо произнес:

— Рад знакомству. Полагаю ваше присутствие здесь не случайно. Могу я узнать цель визита?

— Гарзитские наемники, — бесцеремонно выпалил Руд.

— Вас интересуют мои конники?

— Нет. Ассасины.

— Как я и думал, — хмыкнул мэр. — Не расскажите поподробнее?

— Разве что в двух словах. Почти три недели назад мэр Эйкдама и действующий Консул Лудестии был убит весьма необычным образом. Тем самым, что пользуются ассасины. Их поиски привели нас сюда. А дальше вы знаете.

— Вы подозревали меня... — проговорил Хюльд.

— Да. Но как видно зря. Не думаю, что ассасины напали на вас по вашему приказу.

Мэр устало усмехнулся. Затем вновь посерьезнел:

— А что за колдун? О нем вам что-нибудь известно?

— Сегодня мы с ним столкнулись первый раз, — покачал головой Руд. — И если честно, хотели бы услышать подробности от вас. Что здесь случилось?

— Боюсь, мои сведения вас мало порадуют. Я проснулся от шума и увидел странную картину — двое ассасинов душили друг друга, а колдун просто стоял у окна, подняв руки.

Потом ассасины, словно сбросив с себя оковы, кинулись на него. Тот, что бежал первым резко упал и схватился за голову. Второй успел ранить колдуна. Он откинул врага и выбросился в окно. Все происходило так быстро, что я не успел ничего предпринять. После этого ассасины напали на меня...

— Они смогли сбросить с себя заклинание колдуна? — пораженно выпалил Ян. — Но он их убил за несколько секунд на наших глазах...

— Пожалуй, мне стоит кое-что прояснить, — подал голос Брэндон. — Вот как я вижу это происшествие: ассасины с детства тренируются и имеют некую силу. Находясь в полном физическом и умственном равновесии, они смогли справиться с атакой. Однако затем, после неудачи с господином Хюльдом, напряженной погони и моих стрел, они потеряли это самое равновесие. И на сей раз не смогли противостоять. Кроме того, колдун был в ярости от раны, что, несомненно, усилило его Жажду... — Гроссмейстер замолчали и посмотрел на мэра. — То, что этот гад сбежал — целиком и полностью моя вина. Я преследовал его по запаху крови, но когда почти догнал, заметил что эти господа, — Брэндон кивнул в сторону Яна и Руда, — вместе с ассасинами приближаются к нему. Я хотел отгородить их, поэтому остановил ассасинов. Кто ж знал, что колдун вернется, чтобы закончить начатое.

— Что вы такое говорите, господин гроссмейстер, — поразился мэр. — Вы ни в чем не виноваты. Если бы не вы, я бы мог умереть от яда... Спасибо вам.

— Пустяки, — махнул рукой Брэндон, — Ордену приятно иметь с вами дело. Вы понимаете, что есть некоторые сферы, в которые лучше не лезть самому, а доверить профессионалам. И мы ценим этом, — он по-мальчишески подмигнул. — А теперь нам пора в родные пенаты. Вам же следует отдохнуть и побыть с семьей.

Гроссмейстер подошел к Яну и Руду и чуть ли не силой оттеснил их к двери.

— Возвращайтесь в Эйкдам, — велел Брэндон, уже идя по коридору. — Здесь вам больше искать нечего.

— Но... — попытался возразить Руд. Гроссмейстер жестом остановил его:

— Я не особо люблю политику, хоть и постоянно в ней барахтаюсь. Поэтому кое-что понимаю. Теперь, когда ваше инкогнито вы сами и раскрыли, многие будут знать, что мэра спас специальный констебль Эйкдама. Это сейчас выглядит как славный поступок, способный пойти на пользу обоим городам. Потом, учитывая нынешнюю обстановку, найдутся те, кто увидит в вашем пребывании в Льорисау попытку повлиять на господина Хюльда. Начнутся всякие суды-пересуды и прочая грязь. Вам это нужно? Нет. Ассасины мертвы. В Льорисау вас ничего не держит.

— А как же колдун?! — возмутился Ян.

Брэндон внимательно посмотрел на него и, выйдя на широкое крыльцо, устало вздохнул:

— Его здесь больше нет. Но не расстраивайтесь. Мы не лезем в политические дебри, что нас не касаются. Но когда речь идет о нелюдах, ведьмах, колдунах и прочей живности, Орден не станет стоять в стороне. Я лично начну поиски этой твари, а как появится какая-нибудь мало-мальски полезная информация, мигом с вами свяжусь. И мне будет проще найти вас, если буду знать, где вы находитесь.

Он поклонился и бодрым шагом зашагал к воротам. Ян и Руд переглянулись.

— Гроссмейстер прав, — кивнул констебль. — Отправляемся домой.

Они спустились по лестнице и почти дошли до ограды, когда услышали знакомый

голос:

— Ян! Пойдите!

Обернувшись, друзья увидели спешащего к ним Джанкарло.

— Ян, вы уезжаете? Могу я поговорить с вами наедине? — он недвусмысленно посмотрел на Руда.

Де Йонг раздраженно фыркнул, но отошёл сторону. Джанкарло взял своего коллегу под руку и повел по узенькой аллее в глубь парка.

— Ну во-первых, — начал менестрель, — хочу поздравить вас с чудесным спасением господина Хюльда. Вы отличились, и это, поверьте мне, для людей нашего цеха очень хорошо.

— Ну что вы такое говорите... — зардевшись, отвел взгляд Ян.

— Скромность украшает, прежде всего девушек, мой друг. Для барда же она должна быть в меру. Запомните это.

— Я понял, — робко поклонился Ян.

— Продолжим, — кивнул Джанкарло. — Я хочу ещё раз вас поблагодарить за то, что выручили меня. Наша встреча будто была уготовлена высшими силами. Не увидь я ваше выступление в той захолустной деревушке, пришлось бы отказать господам ван Хорнам и Хюльдам. В благодарность, вот — возьмите, — он протянул Яну клочок бумаги. — Человек, живущий по этому адресу, доставит вас в Эйкдам быстро и без лишней тряски. Денег ему платить не нужно, я обо всем договорился.

— О! Спасибо большое! — по-детски обрадовался юноша.

— Ах, не стоит, — картинно махнул рукой Росси и вмиг посерьезнел лицом. — И наконец, главное: у вас прекрасная лютня, Ян. Я тоже хотел бы иметь инструмент работы Лоренцо ди Ватте.

Ван дер Веттелик изумленно посмотрел на своего собеседника:

— Вы это уже говорили, Джанкарло. У меня не...

— Знаю, — перебил его менестрель. — В мире почти не осталось инструментов этого величайшего мастера. Однако впредь услышав эту фразу, вам следует отвечать: «Инструменты мастеров несравнимы ни с чем. Но жизнь в них вдыхает лишь душа владельца. Без своего менестреля даже самая изысканная лютня — лишь кусок дерева», — тихо произнес он.

— Красивые слова... — пробормотал Ян.

— Эти слова — пропуск в Поющее братство. Просто запомните их. И никогда не забывайте.

— Поющее братство? О чем вы?

— Понимаете, Ян, людям нашего ремесла нужны не только голос да пальцы. Меткий глаз и острый слух тоже жизненно необходимы. Они помогают собрать материал для баллад. А также то, о чем не стоит петь ни в тавернах, ни во дворцах. То, что под завесой тайны мы продаем на ушко власть имущим. И благодаря братству его члены могут чувствовать себя чуть в большей безопасности. Мы всегда готовы помочь своим братьям. Особенно, если речь идет о быстрой и безопасной передаче информации.

— И что, все барды в мире объединены между собой?

— Не все. Но многие. Наиболее достойные. А теперь прошу простить меня. Мне нужно еще раз переговорить с Патриком Хюльдом относительно дальнейших выступлений.

— Как же вы будете выступать без лютни? — искренне удивился Ян.

Джанкарло внимательно посмотрел на него и добродушно улыбнулся:

— Вы что, действительно думаете, что менестрель может остаться без лютни, — он заговорщически подмигнул и, развернувшись на каблуках, направился к крыльцу.

Песнь 7. Материнское сердце

Двухэтажный особняк Флориса Одвасбера располагался в самом центре Эйкдама. Руд настоял на том, чтобы сразу по приезде в город направиться к заместителю мэра. Поэтому сейчас все четверо (считая кота), сидели за чаем в просторной гостиной, обставленной дорогой мебелью.

— Ну-с, как ваша поездка? Что-нибудь выяснили? — сразу же начал господин Одвасбер.

Констебль вкратце рассказал о ночном нападении на Кларенса Хюльда. Флорис некоторое время сидел молча, выстукивая пальцами по столу какой-то марш.

— Хм... — наконец-то протянул заместитель мэра. — Значит теперь здесь замешаны еще и колдуны, и Орден Щитов? Не нравится мне это...

— Мне тоже, — согласился Руд. — Однако я считаю, что на гроссмейстера Брэндона можно положиться.

— Так-то оно так... но не хотелось бы, чтобы город был должен Ордену...

— Иных вариантов, к сожалению, сейчас нет, — мягко произнести эту фразу у констебля не вышло. Заместитель мэра кивнул:

— Хорошо. Надеюсь, мы сможем довести дело до конца и найти истинного убийцу Арона. Что-нибудь еще? По глазам вижу, ты рассказал не все, что хотел.

Де Йонг потупил взор и через несколько секунд произнес:

— Вы как всегда проницательны, Господин Флорис. Да, есть еще одна тревожная новость.

— Внимательно слушаю.

— Новость с Севера — конунг Агмунд готовит поход.

Флорис тяжело вздохнул и уставился на языки пламени, облизывающие поленья в камине. Он сидел так не меньше минуты. Казалось, старый чиновник ушел глубоко в себя и позабыл дорогу обратно.

— Это обычное явление, — медленно проговорил он, — северяне каждый год совершают набеги. Вот только Агмунд... он безумец. Давно у норхертрокцев не было такого сильного вождя.

— Вполне возможно, что он пойдет на Эйкдам, — тихо произнес констебль.

— Ты приуменьшаешь, Руд, — покачал головой Флорис. — Он **непременно** придет сюда. А когда узнает, что мы не можем дать ему то, что пообещал Арон, обрушит всю мощь своего флота на наш порт.

— Нужно укреплять оборону!

— Бесполезно. Нашим мушкетерам ни за что не справиться с его берсерками.

— И что же тогда делать? — как цыпленок, пискнул Ян.

— Вы должны усерднее искать Розамунду ван Мейер, — твердо ответил господин Одвасбер.

— Что? — не поверил своим ушам бард, вскакивая с места. — Вы хотите отдать ее на откуп?

— И не только ее, — буркнул Флорис. — А все, что захочет получить Агмунд.

— Да как вы!.. — сжал кулаки Ян, но констебль схватил его за запястье и рывком

усадил обратно на стул.

— Успокойся, Ян, — не глядя на своего товарища бросил Руд. Впившись в Флориса взглядом, он сдержанно произнес:

— Боюсь, это не поможет. Если верить рассказам, Агмунд нападает не только ради наживы.

— Да знаю я! — махнул рукой старик. — Говорю же, он ненормальный! Но попытаться нужно.

— Это не поможет, — повторил Руд.

— Поэтому придется подстраховаться, — вновь тяжело вздохнул Флорис. — Выбрать, что называется, из двух зол... Как же мне не хочется обращаться к этому человеку... Но благодаря вам, он должен нам помочь.

— Вы говорите о... — констебль не успел договорить.

— Правильно, — перебил его Флорис, — о Кларенсе Хюльде. Раз это не он подослал убийц к Арону, я, так уж и быть, переступлю через себя и отправлю ему письмо. Льорисау сейчас сильнейший кантон в Лудестии. Но есть и те, кто в этом сомневаются. Однако если грубарская конница сразится с северянами в Эйкдаме, Хюльд докажет всем, что он единственный достоин стать следующим Консулом.

— Хоть это и ударит по престижу Эйкдама, — произнес Руд, — но, по крайней мере, спасет город. Правда, конница в порту — не самая лучшая идея.

— Какая есть, — проворчал господин Одвасбер. — Грубарские всадники и без лошадей вполне себе умелые воины.

— Только с ополовиненной силой, — продолжал стоять на своем констебль.

— Не спорь со мной, Руд! — вспыхнул Флорис. — У нас все равно нет других вариантов! Остается надеяться, что Хюльд внемлет нашим словам и поможет.

— Могу я задать вопрос? — осторожно начал Ян и, получив в ответ утвердительный кивок, продолжил: — Неужели в Эйкдаме нельзя собрать достаточно средств, чтобы самим нанять войско для охраны города.

Пожилой чиновник досадливо покачал головой:

— Славная мысль, юноша. Но воплотить ее в жизнь, увы, невозможно. Мир слухами полнится. И те наемники, на которых мы сможем наскрести, не пойдут воевать против норхертрокцев. А на действительно мощную армию, у нас просто-напросто не хватит денег. Не в той ситуации, когда город лишен сильного правителя, который мог бы вразумить всех наших крупных торговцев.

— Какая им разница? Торговцам-то? Северяне просто разрушат их мануфактуры и склады. Все разграбят, — не унимался Ян.

— И, тем не менее, что-то застраховать, а что-то вывезти им будет дешевле, нежели платить налог на содержание крупного наемного войска, — пояснил Руд.

— Да, — сокрушенно кивнул Флорис, — город можно защитить от разбойников или даже вражеского войска, но северян не зря приравнивают к стихийному бедствию. Никто не в состоянии противостоят им.

— Но это не повод сдаваться уже сейчас, — заметил констебль.

— Конечно нет, — усмехнулся Одвасбер. — Поэтому отправляйтесь домой. Отдохните после поездки, а я подумаю над письмом для Хюльда.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Продираться сквозь суетливую толпу и лавировать между повозками не имело никакого смысла, поэтому бард и констебль решили обогнуть центр Эйкдама по узким переулкам. Путь почти вдвое длиннее, но по времени гораздо быстрее.

— Они даже не представляют, что скоро город может быть уничтожен, — проворчал Ян, после того как столкнулся с двумя торговцами, которые так же, как бард и констебль, решили обойти центр стороной.

— А что, было бы лучше, если бы все, словно перепуганные мыши, начали в панике носиться туда-сюда? — ответил де Йонг. — Всему свое время, Ян. И панике, и спокойной жизни. Не забивай голову северянами. Нам есть, чем заняться.

— Ага, — съязвил бард, — нужно найти Розамунду. Чтобы Господин Флорис преподнес ее этим заморским чудищам! Представляешь, Руд? Этот старик думает отдать бедную девушку безумному конунгу! После всех страданий, что она пережила!

— Мяу! — добавил кот так резко, что проходящий мимо старик с вязанкой хвороста на спине подпрыгнул и, пробормотав молитву, тут же ускорил шаг.

— Он тоже против? — догадался Руд, взглянув на Мьеля.

— Знал бы ты еще какими словами... — раздраженно кивнул юноша.

— Вам обоим стоит остыть, — хмыкнул констебль. — Все, что мы можем сейчас сделать — это найти заказчика убийства Арона ван Мейера и спасти его дочь. Отдавать ее северянам, на мой взгляд, бессмысленно и жестоко. Но об этом, как и о том, что делать в случае нападения норхертрокцев, пока говорить слишком рано. Нужно сосредоточиться на ближайших целях, а не расплытаться на все подряд. О! Зайдем сюда! — он указал на ближайшую бакалейную лавку.

Посетив еще несколько лавок, друзья, обеспечив себя ужином, продолжили путь к дому констебля и уже через двадцать минут поднимались по лестнице на второй этаж. Руд подошел к двери и вмиг насторожился.

— Что-то случилось? — удивлённо поинтересовался Ян, наблюдая как Руд, будто охотничья собака, вертит головой из стороны в сторону.

— Замок открыт, — сухо ответил он, поставив покупки на пол и нажимая на ручку двери.

С легким скрипом дверь отворилась, и констебль, сжимая в руке пистолет, осторожно заглянул внутрь. Никого не оказалось. Бесшумно, словно рысь, он подкрался к следующей двери и заглянул в зал. По-прежнему никого. Как впрочем, и в остальных комнатах.

— Вроде все на месте, — пробормотал констебль, возвращаясь в зал. — Но что-то не так...

— Мяу! — закричал кот и запрыгнул на стол.

Руд и Ян резко повернулись к нему. Мьель надменно прикоснулся мягкой лапой к запечатанному конверту.

— Мяу! — продолжал кот.

— Говорит — запах чужой. Кто-то недавно был здесь, — пояснил бард.

Констебль подскочил к столу и выхватил из-под кошачьей лапы конверт:

«Ты кинул меня, де Йонг! Сильно кинул! Я такое не забываю! Из-за тебя и твоей смазливой подружки, ван дер Веттелика, я потерял троих хороших ребяташек. Время платить. Мамаша твоей цыпочки у нас. Я в курсах, что вас, чертей, нет в Эйкдаме. И даже знаю, куда вы направили ваши гнусные тушки. Но я умею ждать, а вы обязательно вернетесь. Мне об этом сообщат. И если когда вы вернетесь, вы не метнетесь ко мне, я отдам бабу

своим молодцам. Они уже устали от безродных шлюх и будут рады потыкать в свежее мясо из высшего света. А после пушу ее на корм рыбам. Или свиньям. Еще не решил.

Без уважения, Гнус!»

— Вот же чертов подонок, — прошипел де Йонг, и, отведя взгляд, протянул Яну письмо.

Мьель запрыгнул на плечо барду, присоединившись к чтению. Руд молча смотрел, как с каждым впитанным словом меняется лицо его друга. Руки Яна задрожали, из глаз полились слезы.

— Мама... — тихо прошептал юноша, бросив лист бумаги на пол, развернулся и зашагал к двери.

— Куда ты? — обеспокоенно спросил де Йонг. Догнав барда, он положил ладонь тому на плечо, пытаясь остановить.

— Разве неясно?! — вспыхнул Ян, сбрасывая руку констебля.

— Это ловушка! Нужно продумать все наши действия!

— Некогда! — выкрикнул бард и выбежал из комнаты.

— Черт! — выругался де Йонг, рванув следом.

Ян бежал, не разбирая дороги, расталкивая прохожих и пугая запряженных лошадей. Дважды он упал, едва не вымазался в помоях и чуть не попал под телегу. Но юноше было все равно. Он ни на секунду не сбавлял шага, спеша в портовый квартал.

— Ян, он прав, — произнес, кот. Чтобы не упасть Мьель впился когтями в плечо барда. — Нельзя вот так взять и вломиться в этот свинарник.

Бард словно не слышал его слов.

— Мама... Мама... — повторял юноша. — Прости меня... Все из-за меня... Мама! В что бы то ни стало, я спасу тебя!

Запнувшись о ступеньку, он кубарем покатился с лестницы, ведущей в самый опасный квартал Эйкдама. Не обращая внимания на грязь и ссадины, Ян тут же вскочил на ноги и продолжил бежать.

Свалившийся со своего насеста во время этого падения, Мьель не отставал от барда. Кот молчал и бежал рядом.

— Постой, Ян! — кричал сзади констебль, но бард и не думал оборачиваться.

— Стой! Кому говорю! — длинным прыжком преодолев несколько ступеней, Руд настиг друга и схватил его двумя руками за камзол.

— Пусти! — вскричал бард.

— Пушу, — ответил Руд. — Но сначала выслушай меня.

— Нет времени! — продолжал вырываться Ян.

— Тогда слушай меня на ходу. Я не собираюсь смотреть, как ты губишь себя. Поэтому не лезь вперед меня. Я спасу твою мать. Обещаю, а ты не путайся под ногами.

Руд рванул вперед, обгоняя Яна и Мьеля.

Жители портового квартала уступали дорогу двум несущимся на них мужчинам. Воры и разбойники, не говоря уже о простых гражданах, предпочитали не докучать людям с такими решительными лицами. Несмотря на размазанные слезы и красные глаза, даже Ян выглядел внушительно.

Спустя несколько минут показалась вывеска «Хмельной Цыпы». Руд хотел остановиться перед входом, но, посмотрев через плечо на разъяренного Яна, отбросил эту мысль и со всей силы ударил дверь ногой.

— Заперто, — отметил очевидное констебль, после того, как дверь вздрогнула, но не

поддалась. — Очень странно, особенно если вспомнить, что подобные заведения работают постоянно...

Ян, пролетев мимо де Йонга, принялся барабанить кулаками в закрытую дверь.

По ту сторону послышались шаги. На мгновение в окне мелькнул силуэт, и через секунду скрипнул засов.

Руд осторожно надавил на дверь, и та отворилась. Констебль, держа наготове пистолет, заглянул внутрь.

Посетителей в зале не было, но это вовсе не означало, что столики пустовали. Большинство мест было занято не самыми приятными лицами. Подручные Гнуса распивали пиво, с интересом посматривая на долгожданных гостей. То тут, то там валялось оружие, да в таком количестве, будто кто-то собрал в одном месте весь городской арсенал.

— Входи, де Йонг. Чего в дверях мнешься? — услышал Руд знакомый голос.

Переступив порог, он ещё раз обвел взглядом весь зал и лишь тогда увидел главу подпольного мира Эйкадама. Гнус сидел, развалившись на деревянной скамейке. Его личные телохранители стояли чуть позади.

— Где моя мама?! — оттолкнув констебля, ворвался в помещение Ян.

— И ты здесь, деточка? — усмехнулся бандит. — Не бойсь, ведут уже твою мамку!

И правда, через пару мгновений в комнату вошли два верзилы, держа на веревке, словно на поводке, мать Яна. Глаза женщины были красны от слез, руки связаны, во рту торчал кляп. Увидев сына, она рванула вперед, но конвоир резко дернул веревку, и женщина упала на пол.

— Мама! — подался к ней Ян, но Гнус поднял руку и несколько пистолетов уставились на барда и констебля.

— Что все это значит, Гнус? — оглядываясь по сторонам, сухо произнес де Йонг. — Так ты теперь ведешь дела?

— Ха-ха-ха! — рассмеялся главный головорез Эйкадама. — У тебя хватает наглости бросаться такими словами?!

— Что не так? — наигранно удивился Руд. — Если ты о нашей последней сделке, то с меня взятки гладки. Мы условились, что я вытащу твоего дружка и доставлю его в обозначенное место? Так все и было. Мой товарищ, — он кивнул на Яна, — передал Ряху твоим людям в целостности и сохранности. Мы выполнили свою часть. Ты выполнил свою. Что бы ни было дальше уже не имеет никакого отношения к нашим договоренностям.

— Да как ты смеешь, щенок?! — вспыхнул Гнус, но тут же взял себя в руки. — Ты обманул меня. Натравил на моих ребят гарнизон, и их убили.

— Я поступил лишь так, как поступаешь ты, — твердо произнес констебль.

— Хм... — протянул Гнус, — кишка у тебя явно не тонка, де Йонг, раз говоришь мне в лицо такое. Да вот мозгов маловато. Чего ты хочешь добиться? Мучительной смерти? Зачем кочевряжишься?

— Я хочу, чтобы ты отпустил мать моего друга, а после дал нам спокойно уйти.

— Ха-ха-ха-ха!!! — громогласный гогот бандитов разнесся по залу. Они ржали, пока Гнус, просмеявшись, не крикнул во весь голос:

— ТИХО! — он вновь повернулся к де Йонгу. — Ты хочешь невозможного. Вы убили троих. Теперь моя очередь. С тобой было приятно иметь дело. До тех пор, пока ты не вообразил, что ты что-то значишь в этом городе. Давайте, ребятки, — велел он своим людям, — переломайте им все кости.

Головорезы, злобно ухмыляясь, стали медленно подниматься со своих мест. Руд твердо шагнул вперед:

— Не так быстро, Гнус. Не забывай, у меня четыре заряженных пистолета. Пуля быстрее человека.

— Хех. Всех не перестреляешь, де Йонг. К тому же, вы сами давно на мушке.

— Пусть так, — согласился констебль. — Но ты уверен, что я не пристрелю тебя? Уверен, что сможешь избежать всех четырех пуль?

— Храбришься? — осклабился гнилой улыбкой Гнус. — Молодец. Но все попусту. Брось пистолет, де Йонг. И тогда, быть может, кто-нибудь из вас сможет пережить сегодняшний день.

— Нет.

— Брось! — сухо велел бандит.

— Нет! — стоял на своем констебль.

— БРОСЬ!!!

Раздался звон битого стекла. Дверь слетела с петель. В комнату оранжевой лавиной хлынули мушкетеры Эйкдамского гарнизона. Послышались выстрелы, стоны, крики. Помещение быстро заволочло пороховым дымом.

Воспользовавшись неразберихой, Руд бросился вперед и разрядил два пистолета в амбалов, охранявших заложницу.

— Скорее идемте отсюда, — велел он ей, откинув пистолеты в сторону и разрезая мечом пути.

— Спасибо... — освободившимися руками, вынув кляп, пролепетала женщина.

— Мама! Мама, с тобой все в порядке?! — испуганно взглянул ей в глаза бард.

Госпожа ван дер Веттелик всхлипнула и бросилась ему на шею.

— Ян! — Руд схватил обоих за руки. — Нужно срочно выбираться!

Между тем выстрелы и лязг железа не прекращались. Всюду слышались глухие звуки падающих тел.

— Что? Что происходит? — изумленно повторял Гнус, пытаясь сквозь дым разглядеть хоть что-нибудь.

Ответом ему послужил металлический голос, раскатом грома накрывший поле боя:

— Отставить!!!

Повинуясь команде, выстрелы стихли. Дым постепенно начал рассеиваться.

В образовавшейся тишине цокот каблуков о деревянный пол ударом молотка отдавался в головах выживших. Все, как замороженные, глядели на фигуру в черном плаще-полусолнце и широкополой шляпе с пышным пером. Ян мгновенно узнал в этом человеке временно исполняющего обязанности мэра Эйкдама Сальваторе ди Нери.

— Ты?! Что ты здесь устроил?! — выкрикнул держащий в руках окровавленную саблю Гнус.

— Брось оружие, — вместо ответа велел ди Нери, — и сдавайся. Арон ван Мейер слишком долго закрывал глаза на твои преступления. Пришла пора с этим покончить. Ты арестован.

— Ты не посмеешь, ди Нери, — прорычал Гнус.

— Посмею. А если ты не сдашься — будешь казнен на месте, — он повернулся к мушкетерам. — Арестовать всю его шайку. Быстро!

Гнус сначала озирался, будто затравленный зверь, затем мерзко хмыкнул и дал знак

своим сложить оружие. Когда к нему подошли стражники, он злобно взглянул на величественную фигуру в черном плаще и досадливо сплюнул.

Глядя на ди Нери, Ян испытывал смешанные чувства. С одной стороны ему хотелось сжать кулаки и наброситься на этого человека в отместку за те страдания, что испытала Розамунда ван Мейер и за то, что случилось с Розамундой Смит. Но с другой стороны сейчас бард был благодарен ему, ведь его мать спасена, а Гнус отправиться в тюрьму.

— Джоанна! Джоанна! — знакомый голос вернул Яна из пучины размышлений.

Повернувшись, юноша увидел проталкивающегося между мушкетерами отца. Его руки тряслись, голос срывался на крик, а глаза были красными от слез. Наконец Йозеф прорвался и увидел супругу, бросившись к ней, он сдавил ее в объятьях.

— Хвала Всевышнему, с тобой все в порядке! — он без устали осыпал усталое лицо поцелуями. — Когда я пришел в себя, сразу побежал к господину ди Нери. Слава Всевышнему, мы успели! — тараторил Йозеф ван дер Веттелик. — Не переживай, с Петрой и Рупертом все хорошо!

— Ну хватит, дорогой, — устало улыбнулась женщина.

Йозеф снова крепко обнял жену и тут заметил Яна. Лицо старого юриста мгновенно посмурнело:

— Это твоя вина! Из-за твоей глупости... Из-за твоего упрямства мать чуть было... — старший ван дер Веттелик побагровел.

— Ну хватит, Йозеф, — тихо прервала Джоанна, — Ян ни в чем не виноват...

— Виноват! Еще как! Он!..

— Простите... — еле слышно прошептал бард.

— Что?! Я не расслышал?! Повтори! — велел его отец.

— Простите, — уже громче повторил Ян.

— Я не слышу!

Уверенные шаги за спиной заставили юриста замолчать. Он увидел того, кто шел к ним и поклонился в пояс:

— Благодарю вас от всего сердца, Господин ди Нери! — не поднимая головы, выпалил он. — Я — Йозеф ван дер Веттелик — до конца своих дней буду помнить вашу доброту!

— Полно вам, Уважаемый Йозеф, — ответил временно исполняющий обязанности мэра Эйкдама. — Поднимите голову. Это я должен вас благодарить. За то, что сообщили мне о своем горе и позволили помочь. Но главное, я хочу попросить прощение. Ведь из-за того, что я вовремя не урезонил этого пса, он напал на ваш дом.

— Что вы такое говорите? — изумился Йозеф. — Вы...

— Я виноват, — перебил его Сальваторе. — Вы пострадали из-за меня. И теперь вам следует отдохнуть. Ступайте домой. Мушкетеры проводят вас. А я распоряжусь, чтобы лучший лекарь города, господин ван Бомель, осмотрел всех членов вашей семьи и оказал помощь.

— Спасибо, Господин ди Нери! Спасибо! — как попрошайка, получивший золотой, кланялся старший ван дер Веттелик.

— Ступайте, — с нажимом произнес временный мэр и подал знак ближайшему мушкетеру.

Проводив чету ван дер Веттеликов взглядом, Сальваторе ди Нери повернулся к Руду и Яну:

— Это правда, что Гнусу позволяли слишком многое, — твердо произнес он,

холодными глазами буравя своих собеседников. — Как и то, что по меньшей мере половина Магистрата будет добиваться его освобождения. Но все это не снимает с вас вины. Из-за вашей самодеятельности пострадали невинные люди.

— Ишь как заговорил, — бросил Руд с вызовом глядя на собеседника. — Делаешь вид, что весь такой правильный и честный? Что спас нас и бедную женщину, как истинный рыцарь? Неужели забыл, почему мы вообще занялись своей «самодеятельностью»?

— Потому что господин Одвасбер мутит воду у меня за спиной, — не замечая колкостей, ответил ди Нери.

— А не догадываешься ли, зачем он это делает? — продолжал гнуть свою линию констебль.

— Ему просто не нравится, что пост Арона ван Мейера занял я, а не он. И, к сожалению, сейчас я не могу указать господину Одвасберу, где его место.

— Мне кажется, кое-кто забывает, что у нас есть еще один краеугольный камень. А именно — Розамунда ван Мейер, на которую этот кое-кто хочет повесить всех собак в округе.

Яну, внимательно следившему за обоими собеседниками, на миг показалось, что у Господина ди Нери дернулся глаз.

— Послушайте, Уважаемый Господин Специальный Констебль, — сухо произнес временный мэр, — во-первых, попрошу вас соблюдать элементарную вежливость. Мы с вами не друзья и даже не хорошие знакомые, чтобы придерживаться вашей манеры общения. А во-вторых, хочу прояснить ситуацию относительно Розамунды ван Мейер — я только хочу поймать и допросить главную подозреваемую. Что вы с Господином Одвасбером по этому поводу думаете, не имеет ничего общего с реальным положением вещей. Ваше независимое расследование лишь вредит городу.

— Слышал, Ян, — хмыкнул Руд, — мы оказывается теперь городские вредители! Считай, крысы!

— Вы перевираете мои слова, — покачал головой Сальваторе ди Нери. — А вместо того, что бы перейти к конструктивному диалогу и начать сотрудничество — ёрничаете.

— Мы непременно перейдем к диалогу, уважаемый мэр, — последнее слово Руд будто проблеял. — Но только после того, как закончим наше, как вы выразились, «независимое расследование». А сейчас, если вам больше нечего нам сказать, мы пойдем.

— Что ж, идите. Не смею задерживать.

— Пошли, Ян, — констебль схватил барда за руку и поволок за собой. Проходя мимо ди Нери, бард остановился на полмгновенья и, глядя тому прямо в глаза, кротко кивнул и одними губами прошептал:

— Спасибо.

Среди десятков суетливых прохожих, спешащих по своим честным и не очень честным делам, медленно, как сломанная телега, запряженная раненной лошастью, брели два человека и один кот. Они шли молча, не обращая внимания на шум и гам портового квартала:

— Эй! Слышали, Гнуса повязали?! — то тут, то там повторяли люди.

— Да ладно?!

— Не может быть!

— Как же теперь «Хмельная Цыпа»?

— Где теперь отдохнуть?!

— Да черт с ним с борделем! Их много! Что теперь с нами со всеми будет?

— Ага...

Мьель поводил головой из стороны в сторону, прислушиваясь к этим причитаниям.

Затем кот посмотрел на Руда и Яна и важно фыркнул.

— Что ему еще? — уныло отозвался констебль.

— Как обычно смеётся над людьми, — тихо ответил бард.

— Мяу!

— А теперь пытается нас приободрить.

— И вовсе не пытаюсь, — услышал Ян в ответ. — Просто если сейчас начнете раскисать, то все ваши старания пойдут прахом. Над чем я с радостью посмеюсь. Ведь окажусь прав — люди ни на что не способны.

Ян промолчал. Руд, слышавший лишь «Мяу! Мяу!! Мяу!!!» с укором посмотрел на кота и хлопнул барда по плечу:

— Послушай, Ян. Все это случилось по моей вине... Я понимаю твою чувства произойди подобное с моей матушкой... Прости меня, Ян. Не следовало. Если ты откажешься помогать мне, я все пойму.

Бард резко остановился и впился гневным взглядом в товарища:

— Что ты такое говоришь, Руд! Разве я могу так поступить?! Тогда получится, что моя семья зря пострадала! Прошлого уже не изменить. А бросить все, значит посмеяться над их страданиями! Поэтому нам ничего не остается, кроме как довести дело до конца. Мы можем спасти человеческую жизнь, наказать преступников и может даже помочь своему городу избрать достойного мэра.

Руд неловко улыбнулся, отвел глаза в сторону и... расхохотался:

— Ты без сомнения прав, Ян ван дер Веттелик! Я тобой горжусь.

— И тем не менее, — тихо добавил бард, — чувствую я себя не очень хорошо...

— Так может... — осторожно начал констебль, — стоит навестить родных?

— Нет! Совесть мне не позволит сейчас показаться им на глаза...

— Тогда остается один способ, — заговорщически подмигнул Руд, — правда тебе придется отказаться от одного своего глупого убеждения.

— О чем ты говоришь? — не понял Ян.

— В таких случаях лучшее лекарство — кружка хорошего пива и женская грудь! Но тебе для начала хватит только пива, — подмигнул де Йонг.

— О нет... — протянул юноша, — Исключено.

— Ну что ты, как баба! Соглашайся! Посещение трактира пойдет тебе на пользу!

— А вот тут ты прав, — вернул ему улыбку Ян. — Но только не какой-нибудь безыизвестный трактир, а «Имперский галеон». Ты выпьешь, а я поговорю со своим учителем.

— Хех. Заманчиво!

Они ускорили шаг и вскоре покинули портовый квартал. Обогнув центр города по Кожевенной улице, свернули в несколько переулков и через полчаса оказались перед заветной вывеской.

В трактире ничего не изменилось. Рабочий день уже заканчивался, и зал постепенно набивался местными завсегдатаями. Увидев вновь прибывших трактирщик Отто широко улыбнулся и замахал рукой:

— О, Ян! Заходи, располагайся! Давно тебя не видел! — Руд, Ян и Мьель подошли к стойке. — Честно сказать, переживал за тебя! — продолжал трактирщик. — Ведь ты ушел с

Рози, а потом она... — мужчина тяжело вздохнул. — Правда слухи донесли, что с тобой все в порядке, — Отто пристально взглянул на де Йонга, затем хмыкнул и добавил. — Ну да ладно, что заказывать будите?

— Кружку вашего лучшего пива и чего-нибудь поесть. Желательно мяса.

— А тебе, Ян? Опять молока? Есть будешь?

— Буду, — кивнул бард и тут же спросил. — А Мастер Эдвин еще не пришел?

— Пришел. Уже и спеть успел. По нужде отлучился.

Отто ушел на кухню. Руд осмотрелся и, заметив в углу пустующий столик, предложил Яну пересесть туда.

— Значит, в этом месте пророс твой певческий талант? — потягивая принесенное официанткой пиво, спросил констебль. — Да уж... почва довольно благоприятная. Правда, я удивлен, что «обучаясь» здесь, ты можешь писать такие заумные стишки...

— Руд... — с упреком одернул Ян. Де Йонг улыбнулся в ответ:

— Прости, не удержался. Ну-с, о чем хочешь поговорить с учителем?

— Хм-м-м, — замялся бард.

— Ладно-ладно! — поднял руки констебль. — Понимаю, это личное. Еще более личное, чем ночная жизнь старых супругов.

— МЯУ!

— Он не одобряет твои шутки про отношения учителя и ученика, — пояснил Ян.

Констебль рассмеялся, невольно привлекая к себе внимание окружающих. Затем увидел идущую к ним пышногрудую официантку:

— О! Наконец-то еду несут! А то я голоден, как волк!

Перед ними поставили жареную свинину, тушеные овощи и свежие, еще теплые булочки. Руд тут же принялся за еду. Ян, налив молоко в пустое блюдце, любезно предложенное Отто, последовал примеру друга.

Бард уже успел разобраться с ужином, когда зал разразился бурными криками. Повернув голову, он умиленно улыбнулся, поняв причину всеобщего восторга.

Эдвин, помахав требующей песен публике, поковылял к стойке. Отто склонился над старым бардом и что-то прошептал тому на ухо. Искренняя радость осветила морщинистое лицо. Эдвин вновь замахал руками, призывая публику к тишине:

— Друзья! — громко произнес он. — Прошу вас успокоиться. Я обязательно еще раз спою для вас этим вечером, но сперва я хотел бы поговорить со своим учеником. Прошу отнестись с пониманием к моему желанию.

— Да какой разговор! — услышал он в ответ.

— Потом с тебя еще одна песня!

— Нет — две!

Руд, не переставая жевать мясо, глядел на происходящее:

— Похоже твоего учителя здесь любят. Кое-кому еще очень далеко до такой популярности, — усмехнулся он.

— Очень смешно, — беззлобно отозвался Ян, поднимаясь с места. — Я пойду. Ненадолго.

— Иди, — кивнул Руд. — Мы с котом и без тебя повеселимся.

Эдвин уже давно смотрел на Яна. Когда юноша подошел к нему вплотную, старый бард по-отечески обнял ученика:

— Чертовски рад тебя видеть, Ян. Пойдем, поговорим в кабинете Отто, — Эдвин

махнул рукой, увлекая за собой юношу.

Выйдя из зала, они прошли мимо лестницы и оказались перед деревянной дверью. Старый бард жестом предложил ученику войти первым.

Ян часто бывал в этой комнате. За долгие годы она ни капли не изменилась — все тот же огромный стол, заваленный бумагами, стеллаж с книгами, где помимо сборников рецептов можно было найти и парочку справочников по истории оружия и кораблестроения, потертое кресло да старая кушетка, на которую и уселся бард.

— Ну-с, рассказывай, — произнес Эдвин, усаживаясь в кресло.

— Что бы вы хотели услышать? — осторожно поинтересовался бард.

— Все, — улыбнулся учитель.

Ван дер Веттелик на мгновение задумался, улыбнулся в ответ и выдал:

— У вас прекрасная лютня, Мастер. Я тоже хотел бы иметь инструмент работы Лоренцо ди Ватте.

Старый бард оторопело уставился на Яна, открыв рот. В его глазах блеснули озорные искорки, и он расхохотался.

— И до тебя добрались, значит, — выдавил он сквозь смех. — Однако не забывай, Ян, инструменты мастеров несравнимы ни с чем. Но жизнь в них вдыхает лишь душа владельца. Без своего менестреля даже самая изысканная лютня — лишь кусок дерева, — старик продолжил смеяться.

— Как я и думал, — восторженно выпалил ван дер Веттелик, — вы тоже знаете о Поющем братстве.

— О... — протянул Эдвин, — даже больше, чем ты думаешь. Но я давно не имел с ним никаких серьезных дел. Как ты знаешь, — он стукнул по своей деревянной ноге. — Я не очень-то люблю теперь путешествия.

— Но почему вы не рассказывали мне раньше? — удивился Ян. Эдвин мигом стал серьезным:

— Потому что братство — это не игрушки. Некоторые его члены слишком много внимания уделяют «другой» составляющей нашей профессии. Той, что не связана с музыкой. А тебе всегда нравилась именно музыка. Ее душа и дыхание. Пожалуй, и сейчас она интересуется тобой даже больше, чем желание добиться восторженных возгласов благодарных слушателей.

— Я просто хочу петь о том, что мне кажется важным... — робко ответил юноша.

— Об этом я и говорю. Честно признаться, я не особо рад, что ты теперь в братстве. Кто тебя пригласил?

— Джанкарло Росси.

— А... этот юнец... Не самый последний человек в братстве. И, к счастью, не самый плохой его член. Хотя сложно представить, что у него на уме. Но это характерная черта почти всех наших коллег. Ты — исключение.

— Вы думаете, мне не место в братстве? — осторожно поинтересовался Ян.

— Отчего же? Быть может, если набрать таких как ты, Поющее братство станет наконец поющим, а не как сейчас... Правда тогда оно потеряет свою силу.

— Какую силу? Чем вообще занимается братство?

— Хм... — задумчиво протянул Эдвин. — Сложный вопрос. В идеале оно должно просто помогать бардам, оказавшимся в передрягах. Не спорю, этим оно занимается. Однако со временем братство обрело еще одну функцию — обмен информацией. Другие люди не

знают о братстве. Но уверен, догадываются. Потому что всегда у странствующих менестрелей можно было узнать новости и последние слухи из соседних городов и королевств. Постепенно власть имущие начали использовать бардов как своих шпионов, конечно же оплачивая их труды... И чтобы узнать больше, барды начали обращаться к другим бардам. Порой это приводит к конфликтам — если сталкиваются менестрели нанятые противоборствующими сторонами. Однако узы братства выше денег. Поэтому до смертоубийства дело не доходило. Но особо ретивых наказывают...

— Наказывают? Кто?

— Есть те, кто охраняет устои. Те, для которых слово «братство» не пустой звук.

— И что нужно делать? Раз я вступил в братство? — оживленно выпалил Ян.

— Тебе — ничего. Просто будь собой.

— А...

— Хватит об этом. Я рассказал тебе самое главное, надеюсь, ты запомнишь мои слова. Теперь же, если это возможно, я хотел бы побольше узнать о том, что тебя связывает со специальным констеблем? Я не первый год тебя знаю, и вижу, что тебя что-то тревожит.

— От вас ничего не утаишь, Мастер, — вздохнул Ян и рассказал обо всем, что случилось с ним за последние дни.

Эдвин внимательно слушал и изредка кивал. Когда ученик закончил, он произнес:

— Ты не должен себя винить за случай с матерью. Ты поступаешь правильно. К счастью, твои родные отделались лишь испугом. А Гнус, наконец-то, оказался в тюрьме. Все хорошо, что хорошо кончается.

— Я тоже так думаю, Мастер. Но все равно на душе беспокойно...

— Еще бы. Будь иначе — было бы странно. Но время лечит. Простишь сам себя, станет легче. А когда спасешь Розамунду ван Мейер, сможешь с чистой совестью навестить мать и рассказать ей обо всем. Уверен, она будет рада знать, что ее сын поступил как мужчина.

— Спасибо, Мастер. Ваши слова очень важны для меня.

— Тебе просто нужно было выговориться, — ответил старик.

Ян кивнул и задумался. В его голову влетела совершенно неожиданная мысль. Бард подскочил на месте, уставился на учителя и выпалил:

— Мастер, раз вы давно в братстве, значит знаете очень много об Эйдаме, о господине Ароне ван Мейере, о других людях! Вы...

— Я понимаю, к чему ты клонишь, — не дал ему договорить Эдвин. — И вынужден огорчить. Ничего, способного помочь вам в расследовании, у меня нет.

— Совсем? — опешил бард.

— Совсем. Кто заказал мэра, или куда делась его дочь, я не знаю. И, думаю, никто в братстве не знает. Это несколько не та информация, которой мы владеем. Иначе констебли бы были и вовсе не нужны, — расхохотался Эдвин.

— Ну может вы знаете что-нибудь тайное про Сальваторе ди Нери или Кларенса Хюльда или про кого другого? — не унимался Ян.

— Может и знаю, — серьезным тоном произнес старик. — Но еще раз повторю — не то, что вмиг тебе поможет в расследовании. А собирать по крупицам всякую мелочь учись сам. Это я тебе говорю не как член братства, а как твой учитель.

В дверь постучали, и в свой кабинет заглянул Отто:

— Эдвин, давай скорее, народ тебя заждался, — сообщил хозяин питейной и повернулся к Яну. — Ян, ты тоже выходи. Твой приятель, похоже, хорошенько набрался. Без твоей

помощи домой не дойдет.

Бард удивленно посмотрел на трактирщика и пулей вылетел из комнаты, простившись с обоими мужчинами.

— Опять это место, — вздохнул Руд, разглядывая бесконечные зеленые луга. Констебль зевнул и медленно зашагал знакомой дорогой.

Миновав вечные заросли зеленой травы, он оказался на небольшом холме и посмотрел вниз. Светловолосая девушка сидела на своем камне и, как обычно, расчесывала волосы. Руд вяло усмехнулся и спустился вниз.

Услышав шелест травы, Роза обернулась и хмуро посмотрела на него:

— А, это вы, — вместо приветствия пробурчала она.

— И я рад тебя видеть, — ответил констебль и сел рядом, не дожидаясь приглашения. — Как дела? Что нового?

Она окинула его проницательным взглядом, фыркнула и отвернулась. Руд едва заметно улыбнулся:

— Ну ладно, прости, — произнес он. — Не хотел тебя обидеть.

— Ага. Как же, — девушка все же повернулась и вновь посмотрела на него.

— Хотела увидеть Яна? — учтиво поинтересовался Руд.

— Конечно! — воскликнула Розамунда. — Кто ж захочет видеть вас!

— И то верно... — тихо согласился констебль.

Она удивленно захлопала глазами, ожидая, что же еще скажет ее гость. Де Йонг молчал, глядя вдаль. Девушка заерзала и, уступив любопытству, спросила:

— Что-то произошло? Где же ваше самодовольное выражение лица, Рутгерс? Неужели вас может что-то терзать?

Он поднял на нее взгляд, и едва заметно улыбнулся.

— Поверь, — тихо ответил он. — Может.

Она вновь заерзала, ожидая продолжения, но, так и не получив его, выпалила:

— Ну что же из вас все нужно клещами вытаскивать?! Расскажите! Вам, быть может, станет легче, а ваша история хоть как-то скрасит мое одиночество.

Он заговорил не сразу. И вот, когда она уже почти потеряла терпение, Руд начал:

— Давным-давно я примерил эту маску и стал тем, кто я есть сейчас. Получив должность специального констебля, я смог помогать людям, используя только свои собственные силы. Я всегда хотел этого, чтобы видя меня, люди видели именно меня — личность, а не кого-то другого. Покинув родные края, я получил желаемое...

Руд вновь замолчал. Розамунда с интересом смотрела на него.

— Однако, — продолжил мужчина, — Специальный констебль Руд де Йонг — это не я. Не скажу, что мне не нравится моя нынешняя жизнь, но... Скрываться и играть роль тяжело. В чужой стране, без родственной души...

— Ты словно оказался в мире для тебя одного! — незаметно для себя перейдя на «ты», Розамунда подалась вперед, но тут же осеклась и смущенно отвела взгляд.

— Да, — кивнул Руд, — в этом мы с тобой похожи... Как и в том, что видим в Яне эту самую родственную душу.

Девушка вновь повернулась к нему и улыбнулась:

— Он очень добрый и отзывчивый, — сказала она, — с ним легко.

Руд снова кивнул, а затем нахмурился:

— Но даже с ним, я не могу быть самим собой. Для него я все тот же специальный констебль. И... единственное место, где я чувствую, что могу расслабиться и быть собой... это твой мир, Розамунда.

Она широко распахнула глаза и чуть покраснела. Де Йонг, не замечая этого, продолжал:

— Мне кажется, что здесь я могу говорить о том, о чем никогда не скажу в том, другом мире.

— О том, что тебя терзает? — догадалась девушка.

— Да. О том, что я не могу обсудить даже с Яном. Он не должен видеть моих слабостей. Иначе разочаруется во мне и не сможет за мной следовать.

— Но ты открылся мне! — радостно произнесла Розамунда. — Так прошу, продолжай! Расскажи, что произошло?!

— Дело в том, что из-за нашего с Яном расследования пострадала его мать. Ее захватили, чтобы добраться до нас. А я не смог предотвратить этого... Более того, я не смог ее спасти. Это сделал другой человек.

— Но это не важно. Главное ведь, что спасли!

— Именно. Но стоит мне подумать, что испытала женщина, ее близкие, сам Ян, сердце сжимается. Я представляю, что такое случилось бы с моей матерью... Я бы никогда не простил себе подобного.

Розамунда пытливо смотрела на него.

— Ты очень любишь своих родителей? — спросила она. — Хоть и сбежал от них?

— Хех, — впервые за время этого разговора усмехнулся Руд. — Конечно люблю! Поэтому и сбежал.

— Не вижу связи... — изумленно пробормотала девушка.

— Они прекрасные люди. Добрые, умные и очень одаренные. Как и два моих старших брата. Я же родился без нашего семейного... таланта. И, что самое обидное, никто из них ни разу меня не упрекнул за это. Напротив, они безумно меня любили и всегда поддерживали. Я же чувствовал себя белой вороной, понимая, что позорю свою семью.

— И поэтому сбежал? Раз они тебя любят, то должно быть сильно страдают.

— И тем не менее, так лучше! — начал закипать констебль. — Им не приходится краснеть за свое чадо, я же иду своим путем!

— Ладно-ладно, — улыбнулась девушка. — Не заводись. Хотя так ты больше похож на того Рутгерса, что я привыкла здесь видеть. А про Яна я хочу сказать лишь одно. Он сильнее, чем кажется, и он справится, я уверена! Если конечно ты продолжишь помогать ему!

— Постой, — опешил Руд. — Ты только что назвала меня на «ты»?

— Что? — смутилась девушка. — Перестань...

— Ну вот опять!

— Да нет, что ты...

Она поймала себя на полуслове и посмотрела на него. Он улыбнулся, и они оба весело расхохотались. В этом чистом, полном искренней радости смехе, девушка четко слышала идущую от самого сердца благодарность мужчины. И, конечно же, принимала ее.

— Подъем, соня! — услышал Ян и в тот же миг что-то мягкое, но тяжелое ударило его по голове.

Бард испуганно уселся на кровати, уронив брошенную в него подушку.

— Уже проснулся? — наигранно удивился Руд. — Ты как раз вовремя! В благодарность

за то, что тащил меня вчера до дома, я приготовил завтрак. Быстро поедим и отчаливаем. У нас срочные дела!

— Какие дела? — проворчал Ян, протирая рукавом заспанные глаза.

— Большие. Приехал гонец от Гроссмейстера Брэндона. Похоже, они вышли на след колдуна.

Песнь 8. Природный Дар

Карета господина Флориса Одвасбера стремительно неслась по тракту на юго-восток. Едва заместитель мэра Эйкдама услышал от специального констебля новость о том, что Орден Щитов вышел на след колдуна, тут же велел своему кучеру доставить Руда и Яна в деревеньку Донкер, где их уже ждал Гроссмейстер.

Возница гнал весь день, пока лучшие восточно-ильзанские лошади Флориса не начали спотыкаться от усталости. Карета остановилась в небольшой придорожной деревеньке. Было решено дать лошадам отдохнуть, отдохнуть самим, переждать зарядивший дождь и продолжить путь ночью.

Теперь же относительно свежие лошади, цокая по подсохшей дороге, в очередной раз доказывали, почему их породу считают лучшей в мире.

Ян глядел через открытое окно экипажа на сияющий месяц и россыпь похожих на сахарную пудру звезд. Полной грудью юноша вдыхал ночной воздух, гоня прочь неприятные воспоминания. Мьель дрых рядом, урча во сне. Руд де Йонг смотрел на них, едва заметно улыбаясь какой-то из своих мыслей.

— Может быть стоило переночевать в деревне? — услышав вдали волчий вой, обеспокоенно спросил Ян.

— А сам как думаешь? — сощурился Руд.

— Честно сказать, я хочу быстрее увидеть господина Брэндона и услышать, что ему удалось узнать про колдуна, — признался бард.

— Вот и я тоже, — поддержал констебль. — Так что не паникуй. В этих краях давно ничего не происходило.

— Мяу! — не открывая глаз, ответил кот.

— Что опять? — Руд посмотрел на животное и повернулся к Яну.

— Говорит, что есть куча всяких злобных тварей.

— Есть, — подтвердил де Йонг, — но ведь не зря издавна говорят: «Волков бояться — в лес не ходить».

— Мяу.

— Он отвечает, — перевел бард, — что только дураки ничего не боятся.

— Вот же...

— МЯУ!!!! — кот вскочил, и шерсть его мигом встала дыбом.

Не успели друзья удивиться, как раздался короткий вопль, и карета накренилась влево, а потом и вовсе завалилась на бок. Сидевший с левого края Ян ударился затылком о дверь, Руд полетел на него, едва головой не выбив тому зубы.

— Мяу! Мяу! Мяу!!! — вопил кот, хлопая когтистой лапой по лицу констеблю.

— Да в норме я, отстань! — отмахнулся Руд и ударом обеих ног выбил противоположную дверь. — Позаботься о Яне.

Подтянувшись на руках, констебль вылез из кареты. Встав на кузов, он осмотрелся по сторонам.

То, что констебль увидел, мягко говоря, его не порадовало: оглобли переломаны, лошадей нигде нет, кучера и след простыл. Зато при свете месяца и звезд был отчетливо виден другой след. Кровавый, ведущий прочь с тракта, в подлесок.

— Твою мать, — выругался констебль, вынимая пистолеты.

Сердце де Йонга сжалось. Пусть слабо, но он слышал хруст и клацанье могучих челюстей, доносившиеся из этого подлеска. Руд наклонился к двери кареты.

— Ян! Ян!

— О-о-о... — ответом был только стон.

— Черт! — вновь выругался Руд и внезапно осознал, что хруст прекратился.

Констебль быстро спрыгнул на землю и спрятался за перевернутой каретой. Он услышал тяжелые размеренные шаги и громкое сопение, от которого мурашки табуном бежали по спине.

Шаги стихли, сопение стало громче. Теперь в нем слышались нескрываемые нотки рычащего гнева. Осторожно выглянув из-за своего укрытия, констебль обомлел.

Метрах в десяти от кареты стояло оно. Чудовище, которое до сих пор Руд видел лишь на страницах книг. Громадное, вдвое выше даже самого могучего рыцаря, с мускулатурой, которой позавидовали бы лучшие кони-тяжеловесы. Оно стояло на двух ногах, но длинные бревна-ручищи почти касались земли. Морда существа была приплюснутой, из-под нижней губы, практически до носа торчали два, напоминающих наконечники копья, клыка. Темно-серая шерсть была грязной и измазанной кровью.

Монстр водил носом, выискивая следующую жертву. От звериного нюха не спрятаться.

Выскочив из-за кареты, констебль разрядил два пистолета. Пули попали прямо в голову чудовищу. Оно заревело, задрав морду к небу и закрыв ее гигантскими лапами. Руд кинулся к громадной фигуре, выхватывая меч и еще один пистолет. Существо, почувствовав приближение врага, широко размахнулось провой лапой. Де Йонг тут же выстрелил. Монстр вновь закричал и схватился за глаз.

Поравнявшись с чудищем, Руд, держа меч двумя руками, замахнулся и что было силы ударил. Лезвие коснувшись шерсти, устремилось к телу монстра и...

— Черт... — обреченно пробормотал констебль, поняв, что не пробил толстую шкуру.

Могучий удар мохнатой лапы сотряс воздух. Констебль успел отпрыгнуть назад и избежать этой атаки. Несмотря на внушительные размеры, чудище стремительно рвануло вперед. Выставив перед собой меч, Руд отбил удар, но не смог устоять на ногах и, отлетев метров на десять, сильно ударился спиной о мокрую землю.

— Руд!!! — услышав знакомый голос, де Йонг с трудом повернул голову и увидел, стоявшего на кузове кареты Яна.

— Чего встал?! — истошно завопил он. — Беги отсюда!!!

Но было поздно. Монстр увидел очередную жертву. Ян оказался ближе к нему, и мохнатая тварь, резко развернувшись, приготовилась к прыжку.

— НЕ-Е-Е-ЕТ!!! — закричал констебль и, выхватив последний пистолет, выстрелил чудовищу в голову.

Зверь протяжно взвыл. Гораздо громче и яростнее, чем в прошлый раз. Он схватился за морду обеими лапами и начал кататься по земле, врезаясь в карету. Та зашаталась и Ян, чтобы не упасть, спрыгнул на землю.

Стиснув зубы, Руд поднялся на ноги и заковылял к нему:

— Беги!!! Спасайся, Ян!!! — кричал он так, что его, пожалуй, могли бы слышать в ближайших деревнях.

Монстр вскочил, словно ошпаренный. Оба его глаза полыхали огнем, а слева в виске застряла последняя выпущенная констеблем пуля. Вокруг чудовища медленно проявлялась

едкая кроваво-красная дымка, от которой становилось тошно. Не мигая, оно смотрело на Руда. Констебль, сжимая меч, шел на своего врага.

Все случилось в мгновение ока. Противники бросились друг на друга и через полсекунды констебль, сдавленно кряхтя, приложился головой о ствол дерева метрах в двадцати от тракта.

— Руд!!! — закричал Ян, кинувшись к своему другу.

— Мяу!!! МЯУ!!!! — пытался остановить его Мьель, но бард словно не слышал.

Монстр медленно двинулся к бесчувственному телу. Он знал — противник повержен. Осталось его съесть.

Тварь занесла лапу над головой лишённого чувств Руда, готовясь нанести последний удар. Но вдруг вздрогнула и резко обернулась.

— Стой!!! — протяжно закричал бард, и лютня со всего размаху врезалась вбок чудищу.

Инструмент даже не треснул, зато монстр сдавленно крякнул, пошатнулся и харкнул на траву кровью. Ян опешил и едва не пропустил удар.

— Меч!!! — закричал Мьель. — Возьми меч, Ян!!! Ты сможешь убить его!

Удар, еще удар — но каким-то чудом барду удавалось уворачиваться. А вот третий подряд выпад пришлось блокировать. Лютня с честью выдержала его, но Ян, оторвавшись от земли, отлетел назад.

Он упал в траву. Вопреки ожиданиям барда оказалось не так уж и больно. Вполне терпимо. Кроме того рука Яна нащупала рукоять фламберга.

— Да! Заруби его наконец!!!

Искоса юноша взглянул на клинок и откинул его в сторону.

— Нет, Мьель, — твердо произнес он, поднимаясь на ноги и готовясь достойно встретить врага. — Я не стану никого убивать.

— Идиот! Придурок! Балбес! — без усталости мяукал кот, но бард был непоколебим.

Монстр опустил на передние лапы, явно готовясь пустить в ход свои громадные клыки. Сжимая гриф лютни двумя руками, Ян ждал. От нетерпенья и возбуждения его пробил дрожь. Он чувствовал, как подгибаются колени, как липкий пот орошает спину, но мысли барда сводились лишь к одному слову: «Победить». Ведь только так он мог спасти своих друзей и себя.

— Мяу!!! — крикнул кот, упрекая Яна в безрассудстве, и в тот же миг чудовище бросилось в атаку.

Бард был готов. Стоило лишь смертоносным зубам приблизиться, он изо всех сил ударил лютней. Чудище взвизгнуло и, завалившись на бок, кубарем покатило по траве. Медленно поднявшись, оно повернуло к обидчику перекошенную морду, протяжно завывало и, едва перебирая лапами, скрылось в лесу.

— Хвала Всевышнему... — пробормотал Ян и, лишившись сил, бесчувственной куклой упал на землю.

Ужасная боль, жгущая все тело, накрыла Руда с головой. Де Йонг захрипел и с огромным трудом разлепил глаза. Звонкие птицы высоко в деревьях затянули веселую утреннюю песню. Горько усмехнувшись, Руд уселся на сырую от россы траву.

— Ай-ай-ай!!! — тут же выдал он.

— Мяу! — услышал в ответ констебль.

— И тебе доброе, — буркнул он и, держась за дерево, о которое ночью едва не расшиб

голову, поднялся на ноги, подобрав сломанную ветку.

Опираясь на нее, как на трость, Руд побрел к коту. Мьель, свернувшись клубком, лежал рядом с Яном. Констебль склонился над бардом, проверяя тому пульс.

— Как я и думал, — одобрительно произнес он, усаживаясь рядом. — Благодаря ему мы живы.

— Мяу! — недовольно фыркнул кот.

— Не ври, — покачал головой констебль, — вон те огромные клыки, — он указал на зубы монстра, валяющиеся неподалеку. — И... — он, потянувшись к лютне, взял инструмент и ткнул пальцем в едва заметную царапину, — это — указывают на то, что я прав. Эх Ян... Если другие барды узнают, как ты обращаешься с инструментом — никогда не простят, — де Йонг положил лютню рядом с ее хозяином и потрепал друга по голове.

— Мяу! — продолжал ворчать кот.

— Ну что ты заладил-то? — возмутился Руд. — Не одобряешь его геройства? — кот мотнул мордой. — Хах, все же я могу понимать тебя и без слов.

— МЯУ! — настойчиво произнес Мьель.

— И что же тебе не нравится? Ведь ты сразу знал, что у Яна высокий потенциал. Чего ж не помог ему использовать Дар?

— Мя-я-яу! — с нажимом процедил кот.

— Расценивать это: «Что ж сам не объяснил?»- констебль вопросительно взглянул на собеседника, тот сдержанно кивнул. — Глупый вопрос, — скривился Руд. — Ты ж давно понял — я не очень-то получился у своих родителей. А вот ты — другое дело. Но, сдается мне, ничего полезного ты Яну не рассказываешь. Хотя мог бы!

— Мяу, — ехидно усмехнулся кот.

— Да, полагаю и про меня ты тоже ему ничего не рассказывал. Что ж, спасибо на этом. Но не уходи от темы. Парень, — он хлопнул Яна по ноге, — смог прогнать ограина. Пусть и малого, но ограина. Обычному человеку, как видишь, — он ткнул себе в грудь пальцем, — это не под силу. И Ян не дурак. У него появятся вопросы. И я на них отвечу!

— Мяу! Мяу! Мяу!

— Что не так?! Чего протестуешь?!

Кот выгнул спину и зашипел. Руд покачал головой:

— Думаешь, эти знания пойдут ему во вред? — Мьель медленно кивнул. — Но Дар можно использовать не только в битвах! — мохнатый снова фыркнул. — К тому же, не думаю, что все это изменит Яна. У него сильное сердце и сильная воля. Он справится. И найдет применение своим способностям.

Бард заворочался, застонал и открыл глаза. Он удивленно посмотрел на сидящего рядом с ним констебля и хмурого кота.

— Доброе утро, — улыбнулся юноша.

— Доброе, — кивнул ему Руд.

Ян сел, потянулся, наслаждаясь прекрасной погодой и внезапно посмурнел:

— С тобой все в порядке? — беспокоенно спросил он у друга.

— Терпимо, — заверил его де Йонг.

— А что с Господином Томасом, — Ян завертелся в поисках кучера.

Руд ничего не ответил, лишь обреченно покачал головой. Бард все понял без слов.

— Как же так?! — всхлипнул он. — Ведь... — слезы потекли по лицу юноши. — Все из-за того, что он связался с нами...

— Успокойся, Ян, — констебль положил ему руку на плечо. — Мы ничего не могли сделать...

— Могли! — вскочил на ноги бард. — Я же прогнал монстра! Если бы я только сделал это раньше, Господин Томас был...

— Успокойся! — поднимаясь на ноги, перебил его Руд. — Хватит винить себя по поводу и без. От нападений чудовищ, как от стихийных бедствий и болезней, никто не застрахован. Мы тоже могли бы не пережить эту ночь, если бы в тебе столь вовремя не пробудился бы Природный Дар.

— Природный Дар? — не понял Ян.

— Он самый. Давай достанем наши вещи и за завтраком я тебе все расскажу. Там же и подумаем, что делать дальше.

Сказав это, Руд развернулся и поковылял к перевернутой карете. Кряхтя, будто столетний старик, он с трудом забрался на нее и едва не свалился внутрь. Осторожно, чтобы не порезаться о разбитое оконное стекло, он взял две походные сумки и закинул их на кузов кареты. После чего выбрался сам.

— Лови! — велел он, поочередно бросая Яну сумки.

Расстелив плащ на траве, друзья откупорили фляги с водой и вином. Затем достав кусок вяленого мяса, зачерствевший хлеб да головку сыра, принялись за завтрак.

— Господин Томас... — пробормотал Ян, отодвинув еду.

— Ешь, — сухо велел Руд. — Если ты сдохнешь от голода, так и не добившись своей цели, смерть Томаса будет выглядеть глупо.

Бард через силу укусил кусок мяса.

— Не будет. Что это за Дар такой, про который ты говорил? — прожевав, спросил Ян.

— Природный Дар, — проглотив за раз почти четверть фляги, отозвался Руд, — это правильное название. Но кроме как в Империи, оно мало где используется. Всякие простофили говорят сила.

— Сила? — удивился Ян.

— Не повторяй за ними! — мотнул головой констебль. — А то дурного нахватаешься, — бард с недоумением посмотрел на него, Руд улыбнулся и продолжил: — Употребляй термин Природный Дар, — де Йонг откусил мяса, прожевал и продолжил:

Он есть далеко не у всех. Лишь у тех, кого сама Природа наградила им при рождении. Зачастую Дар передается по наследству. Но, к сожалению, это далеко не обязательное условие... — он откинулся на спину и уставился на небо. — Случается, что рождается человек с Даром в семье самых обычных людей. Просто потому, что когда-то давно-давно у него был предок, наделенный Даром.

Но просто родиться с Даром мало. Нужно уметь его использовать. Для этого необходимо понимать саму природу Природного Дара, — Руд замолчал, оценивая свой импровизированный каламбур, одобрительно хмыкнул и снова заговорил. — Он состоит из двух частей: Порыва и Духа. Порыв, по сути, и является основой Дара. Он представляет собой избыток жизненной энергии. Чего рожу скорчил? Что-то не понятно?

— Только уточнить, — смущенно пробормотал Ян. — Что значит избыток жизненной энергии?

— Хм... — задумал Руд. — Попробую объяснить на пальцах. Вот смотри, чтобы быть здоровым и сильным человеку нужно, условно, десять единиц энергии. А он родился, скажем с двадцатью. Вот эта разница и есть Порыв. Только очень маленький.

— А если, например, с пятью? — тут же спросил бард.

— Значит он хилый и болезный. Но вполне еще дееспособный. А вот если меньше, то совсем плохой. Такие обычно не выживают.

— То есть с единичкой...

— Послушай, — Руд сел и посмотрел прямо в глаза собеседнику. — Это все очень условно. Естественно, никаких цифр нет. Гармония — это не математика. Ее чувствовать нужно, а не просчитывать. Главное скажи, понял, что такое Порыв?

— Понял, — с серьезным видом кивнул Ян.

— Отлично. Переходим к Духу. Он есть у многих, но далеко не у всех. Однако в отличие от Порыва, Дух можно развить, что называется с нуля. Порыв, конечно, тоже может со временем увеличиваться, но если у тебя его от рождения нет, то и не будет, — Руд вновь замолчал и Ян увидел горькую ухмылку на лице друга. — Так вот, — резко продолжил констебль, — Дух — это сила воли, решимость, стремления человека. Обычные воины сражаются одним лишь Духом. И чем Дух выше, тем больше ты можешь сделать. Дух для Порыва, как огонь для фитиля. Именно вместе с ним Порыв и превращается в Природный Дар.

Руд замолчал, откусил сыра, запил его вином и посмотрел на Яна. Бард скрупулезно думал о чем-то, не замечая пристального взгляда своего товарища. Констебль перевел взгляд на Мьёля. Кот лишь фыркнул и отвернулся в сторону.

— Получается, — наконец-то произнес юноша, — у меня есть этот Дар?

— Да.

— А у тебя? У тебя ведь тоже есть? Ты же такой сильный и уверенный в себе?

— Хех. Это далеко не показатель. У меня есть лишь Дух. Но за комплименты спасибо.

— Вот как... — опустив взгляд, пробормотал Ян и вновь погрузился в раздумья. — И что мне теперь делать со своим Даром? — спросил бард, спустя некоторое время.

— Это решать лишь тебе.

— А как люди обычно его используют?

— Мяу! — не выдержал кот. — Мяу! Мяу! Мяу!

— Полагаю, ничего хорошего он не сказал? — уточнил констебль у Яна.

— Нет. Говорит, что только убивают друг друга...

— Это верно. Многие используют Дар ради сражений. С обычными людьми, с подобными себе, с чудовищами, как например Орден Щитов. Но есть и другие варианты. Когда-то давно шаманы помогали людям с помощью своего Дара.

— Так что же мне делать? — встревоженно выпалил Ян.

— Для начала, давай собираться. Нужно продолжить путь, — усмехнулся Руд. — А на свои вопросы ты со временем сам найдешь ответ.

Руд поднялся на ноги и начал убирать еду в сумки. Ян тяжело вздохнул и последовал его примеру. Закончив с уборкой, констебль отряхнул плащ и отошел по малой нужде. Когда же он вернулся, застал друга, как ему сначала показалось, в глубокой задумчивости.

— Что опять? — проворчал Руд, подходя к Яну. — Ты... — он не договорил, заметив кровавый след, на который мокрыми от слез глазами смотрел юноша.

— Разве мы не должны отыскать тело и похоронить его? — пробормотал бард.

— Не думаю, что ограин предоставит нам подобную возможность. Да и тела уже, скорей всего, нет. Пойдем, — он силой развернул Яна и потащил за собой.

Два усталых человека и недовольный кот брели по ровному тракту в сторону деревни Донкер. За час пути они повстречали крупный торговый караван да пару верховых-одиночек. Были и те, кто ехал в попутном направлении. Но ни повозка, груженная бочками, ни старенький экипаж даже не остановились. Они неслись как угорелые, испуганные перевернутой каретой, встреченной по дороге.

— Мяу! — прокомментировал кот, когда еще одна повозка пролетела мимо них.

— Ну что ты опять за свое, Мьель, — упрекнул его Ян. — Люди напуганы. Их поведение можно понять.

— Для вас в принципе нормально бросать себе подобных.

— Мьель, когда ты уже прекратишь! — насупился бард.

— Когда людишки перестанут существовать!

— Да как же так можно!

— Ян, — вмешался Руд, — не обращай внимания. Уверю тебя, за его ворчанием уже нет той силы, что раньше, — констебль посмотрел на кота и подмигнул. Мохнатый злобно фыркнул и отвернулся, сделав вид, что дорожный указатель ему куда интереснее, чем его спутники.

Они прошли еще какое-то время, прежде чем далеко впереди услышали топот копыт. Тракт уже успел подсохнуть после вчерашнего дождя, поэтому облако пыли было видно издалека.

— Вот торопыги, — усмехнулся де Йонг, — от чумы, что ли спасаются.

— Почему сразу спасаются? Может у людей срочное дело! — возразил бард.

Констебль посмотрел на своего спутника. Ян выглядел раздраженным, что было столь несвойственным для юноши. Руд переглянулся с котом.

— Мяу, — произнес он.

— Что говорит? — де Йонг тут же обратился к Яну.

— Ничего, — удивленно произнес ван дер Веттелик. — Просто мяукнул.

Руд расхохотался, чем поразил Яна еще больше. Затем де Йонг, незаметно для своего друга, встретился взглядом с котом. И благодарно кивнул.

Облако пыли приближалось, и вскоре друзья увидели шестерых всадников в сверкающих доспехах и кроваво-красных плащах. Они восседали на могучих лошадях, к седлу которых были пристегнуты стальные треугольные щиты с эмблемой — белой, насаженной на копьё оборотничьей головой.

Щитоносцы остановились возле путников и, возглавляющий строй мужчина с черными длинными усами и выглядывающей из-за спины рукоятью двуручного меча, властно произнес:

— Вы Руд де Йонг и Ян ван дер Веттелик? — констебль молча кивнул, с интересом глядя на вновь прибывших. — У нас приказ от Господина Гроссмейстера сопроводить вас. Но, — мужчина несколько стусевался, — мы ожидали, что вы будете на лошадях.

— Мы ехали в карете, — ответил Руд, — но на нас напал малый ограин.

Щитоносцы изумленно переглянулись.

— Как же вы выжили? — не доверчиво произнес их предводитель.

— Чудом. Вот только наша карета сломана, а кучер... мертв.

— Что с ограином? — деловито поинтересовался мужчина.

— Убежал в лес.

Лидер щитоносцев повернулся к своим и ткнул рукой в тех, что ехали позади остальных: — Вы трое, выследите его. Когда эти твари выходят на охоту, становятся прожорливыми, как свиньи. Скорей всего сейчас он в ярости и ночью может снова на кого-нибудь напасть. По возможности в бой не вступайте, ждите подкрепление.

— Есть! — отсалютовали рыцари и припустили лошадей.

Их лидер вновь повернулся к Руду и Яну:

— Господа, садитесь на лошадей ко мне и к Людвигу, — он кивнул на светловолосого щитоносца с тонкими усами и вьющимися локонами. — Господин Гроссмейстер ждет.

Как назло небо весь день было чистым, и обжигающее летнее солнце палило во всю свою небесную мощь. Руду и Яну пришлось трястись на крупе лошадей, так как уместиться в одно седло с закованными в доспехи рыцарями не представлялось никакой возможности. Неудобство доставляли и характерные запахи, исходившие от утомленных коняшек и закоптившихся в своих кастрюлях щитоносцев. Но никто не жаловался. Только лица барда и констебля выражали вселенскую боль.

Поэтому, едва Андре (так звали командира отряда), повернувшись к сидящему за ним Руду, сообщил, что осталось ехать несколько минут, и де Йонг, и ван дер Веттелик, и даже утомившийся цепляться за попону третьей лошади Мьель, едва не подскочили от счастья. Но сохранив лицо, констебль ответил:

— Ну наконец-то.

Донкер оказалась забытой Всевышнем деревушкой, последние минуты пути до которой показались друзьям настоящей дорогой в Преисподнею. Да, в Лудестии лучшие тракты на всем Большом Континенте, но это не значит, что хорошие дорогие проложены в каждом глухом углу. На такие тупиковые, мало кому нужные поселения, как Донкер, кантоны не тратились. Как крестьяне будут доставлять свой товар в город их не особо интересовало. И, конечно же, за свой счет местная община ни за что не станет ремонтировать этот отросток, что называется сельской дорогой.

Еще издали из-за спины паладина Андре Руд увидел, что деревушка представляет собой лишь сборище покосившихся домиков. Единственный дом, который по мнению констебля можно было назвать «пригодным для жизни», стоял в самом центре деревни. Он был несколько чище остальных, а его крыльцо было совсем недавно подновлено свежими досками.

Именно перед этим домом лошади и остановились.

Путники спешили и Руд с Яном, под косые ухмылки щитоносцев начали тянуться во все стороны так, что хруст их костей, наверное, разыграл аппетит у всех волков, рыскающих в округе. Сами же рыцари до такого не опустились, они стояли прямо, словно у них в доспехи от шеи до самой земли был вставлен стальной прут.

Дверь распахнулась и на пороге появился Брэндон весь в черном, чем разительно отличался от своих рыцарей. Он окинул прибывших взглядом и повернулся к подчиненным:

— Где остальные?

Андре пересказал Гроссмейстеру историю с ограином. Внимательно выслушав его, Брэндон кивнул и отпустил паладина.

— Хорошо, что вы живы, — подошел он к Руду и Яну. — Сожалею о вашем слуге.

Бард и констебль молча кивнули. Гроссмейстер продолжил:

— Обратно я отправлю с вами сопровождающих.

— Благодарим вас, Господин Гроссмейстер, — ответил де Йонг.

— Не стоит. Давайте зайдемте в дом, что так любезно нам предоставил местный староста. Немного отдохнете, и я введу вас в курс дела.

В доме была лишь одна комната, в углу громоздилась куча тряпок и шкур, заменявшими хозяевам и их гостям кровати. Из мебели серый от прожитых лет стол, старые косые полки и несколько табуреток.

Андре и два его подчиненных уже сидели за столом, уплетая запасы радушной хозяйки. Пожилая женщина хлопотала вокруг них так, словно рыцари были ее ненаглядными сыновьями, вернувшимися с войны. Увидев пополнение в лице Руда и Яна, она бросилась к ним.

— Вы тоже святые воины Ордена? — с придыханием прошептала она сухими губами.

— Э-м-м, — опешил Руд, — Мы...

— Они союзники и верные помощники в нашей нелегкой миссии, — голосом профессионального герольда продекламировал Брэндон. — Надеюсь ни вы, ни ваш уважаемый супруг не будете против их пребывания здесь.

— Ой, что вы! — смутилась женщина. — Конечно нет! Я рада встречать таких важных гостей. А старик-то мой и слова не скажет. Вы ж знаете, он от смущения с утра килдырит! Эх! Помирать скоро, а он перед Всевышним позорится!

— Не беспокойтесь. За помощь нам Всевышний простит ему не только лишний глоток хмельного напитка, — заверил ее Гроссмейстер.

— Правда?! — оживилась старушка. — Хвала Ему, что послал вас в нашу глушь! — она опустила голову и пробормотала несколько строк известной молитвы. Закончив, женщина схватила Руда и Яна за руки. — Ну чего вы стоите, проходите к столу!

Гости уселись рядом с щитоносцами. Гроссмейстер, как и положено, разместился во главе стола. Старушка достала из печки три теплых горшочка, снабдила всех хлебом и молоком (не забыв, конечно, и про кота), а после тактично удалилась.

— Возможности Ордена поражают, — заметил Руд, проглотив несколько ложек сельской похлебки. Выражение лица констебля уверяло всех в том, что он только что попробовал лучшее блюдо в своей жизни, а не нечто, очень напоминающее разбавленные грязью опилки.

— Прекратите, Господин де Йонг, — отмахнулся Брэндон. Всем понятно, что мы сейчас не на пиру в замке. Но чем богаты, друг мой. Люди изо всех сил стараются помочь, чего ж нос воротить.

— Я не... — смутился Руд, но Гроссмейстер жестом прервал его.

— Я знаю, — усмехнулся он. — В вашем возрасте я был куда менее воспитанным мальчишкой.

— В его возрасте? — удивился Ян. — Но вам столько же лет! Может даже меньше!

Услышав это, Брэндон улыбнулся, а остальные щитоносцы разразились диким хохотом.

— Что?! — завертел головой бард, переводя взгляд с одной смеющейся рожи на другую и обратно. — Что я такое сказал?

— Господин Брэндон, — тихо пояснил Руд, — уже более трехсот лет возглавляет Орден. Ходят слухи, будто Всевышний лично благословил его на это и наделил бессмертием.

Смех стих. Андре перекинулся через стол и впился взглядом в констебля:

— Это не слухи, парень! Это правда!

— Успокойся, Андре! — решительным тоном приказал ему Брэндон. Паладин виновато

опустил взгляд и уселся на место. — Если вы поели, можете пойти погулять, — рыцари послушно кивнули и вышли на улицу.

— Триста лет... — обескураженно повторил Ян. — Это правда?

— К сожалению, да, — горестно вздохнул глава щитоносцев. — Триста восемь, если быть точным. Плюс до этого я еще несколько лет состоял в Ордене. Но не об этом сейчас. Как вы себя чувствуете?

— Могло быть и лучше, — ответил за всех Руд. — Но могло быть и хуже.

— Отлично. Потому что буквально через несколько минут мы отправляемся за головой колдуна. Конечно же, прежде чем отделить ее от тела, я планирую выбить из него всю необходимую нам информацию.

— Вы знаете, где он?! — восторженно воскликнул Ян.

— Да.

— И ждали нас, чтобы пойти на него? — не поверил Руд.

— Конечно нет! — хмыкнул Брэндон. — Просто я не мог определить точное направление. Как мы расстались с вами, я бросился по следу и прибыл сюда. Но где он точно, я узнать не мог. До сих пор.

— Что же случилось сейчас?

— Сейчас узнал, — пожал плечами гроссмейстер.

— Как? Не расскажите? — наседал на него Руд. — С чего вы вообще решили, что он в этой деревне? Поделитесь секретом, если вас не затруднит.

— Что, профессиональный интерес?

— Можно и так сказать, — кивнул Руд.

— Боюсь, мои методы вам не подойдут.

— Отчего же?

— Он вампир, дубина! — громко мяукнул кот, но, естественно, кроме Яна его никто не понял.

— Вампир? — бард изумленно уставился на кота, а Брэндон и Руд на него.

— Только какой-то неправильный, — потянулся на полу Мьель. — Я таких еще не встречал.

— Что здесь происходит? — гроссмейстер пристально посмотрел на констебля. — Ваш друг что, говорит с котом?

— Порой на него находит, — хмыкнул де Йонг.

— Господин Ян, — Брэндон обратился к барду. — Неужели ваш кот утверждает, что я... — он приблизился к барду и одними губами прошептал, — вампир?

Хлопая глазами от удивления и обилия информации, Ян пробормотал:

— Да, — и тут же добавил, — но говорит, что неправильный.

На сей раз хлопнуть глазками пришлось Брэндону. А через несколько секунд его едва не разорвало от хохота:

— Неправильный!!! А-ха-ха-ха-ха!!! Вот умора-то! — затем гроссмейстер резко замолчал и тихо ответил. — Но в целом, он прав. Однако вдаваться в подробности я не собираюсь. Хватит того, что этот безусловно странный кот и так выдал вам мой секрет. Зато теперь могу ответить на ваш вопрос, Господин де Йонг, — он повернулся к Руду и коротко произнес. — Кровь.

— Вы выследили его по запаху крови! — догадался констебль.

— Тихо-тихо, — не кричите так, а то мои подчиненные поднимут вас на щиты за то, что

обозвали их славного вождя вампиром.

— Но ведь я угадал? — с нажимом прошептал де Йонг.

— Именно, — кивнул Брэндон. — Определить направление по крови — пара пустяков.

— Почему же вы говорите, что лишь сейчас нашли его точное местоположение.

— Хех, — загадочно усмехнулся вампир, — а вот узнать точное местоположение...

Нужно чтобы нюх обострился до предела...

— Голод... — пробормотал де Йонг. Брэндон лишь кивнул.

— Так вы что, можете в любой момент на нас наброситься? — опешил Ян.

Брэндон недоуменно наставился на барда, а после вновь расхохотался. На этот раз Гроссмейстер Ордена Щитов смеялся несколько минут так, что у него в конечном итоге сбилось дыхание, и он закашлялся.

— Мяу! — обреченно покачал головой Мьель.

Отряд из шести человек и кота двинулся в путь. Брэндон вел за собой свое маленькое войско, уверенно шагая по лесной тропинке. Следом за ним, внимательно глядя по сторонам шли остальные щитоносцы. Яну и Руду было велено держаться чуть позади.

— Господин Гроссмейстер, — подал голос Андре, искоса посмотрев на констебля и барда, — возможно стоило оставить ваших гостей в деревне? Простые люди могут не пережить встречу с колдуном.

— Эти уже пережили, — не оборачиваясь, ответил вампир, едва заметно водя носом из стороны в сторону. — К тому же, неужели ты считаешь, что всего лишь один противник может досадить нам четверым?

— Нет, что вы... — замялся паладин.

— Ну тогда и не стоит волноваться. Я уверен, в случае чего мы сможем защитить наших спутников.

Внезапно Брэндон остановился. Щитоносцы тут же обнажили мечи, ожидая приказа своего командира. Он же, словно не замечая их, начал разглядывать следы копыт. Подойдя к высокому тополю, гроссмейстер принялся его внимательно изучать. Затем, резко крутанувшись на каблуках, указал на переплетенные между собой ветви старых ив.

— Пойдем здесь, — сообщил он. — Судя по всему, наш колдун тропой не пользуется. И мы не будем.

Брэндон бесстрашно шагнул в сплетение веток. Неотстающий от командира Андре едва не получил одной из них по лицу. Гроссмейстер шел вперед легко и непринужденно, будто гуляя по ухоженному саду.

— Не смейте использовать силу, — наказал он своим подчиненным. — А то знаю я вас — дай только дров наломать. Лучше наоборот, скрывайте ее как можно тщательнее, чтобы мы могли поближе подобраться к колдуну.

— Да это понятно, Господин Гроссмейстер, — обиженно произнес Андре.

Через некоторое время лес начал редеть. Путники облегченно вздохнули — больше не приходилось с боем прорываться сквозь заросли.

Еще через несколько минут отряд вышел на крохотную полянку. Увидев ее, Ян восторженно гикнул и, обогнав всех, повалился на траву. За что был удостоен презрительного взгляда от одного из щитоносцев.

— Вы можете остаться здесь, — не сбавляя темпа, произнес Брэндон.

— А вы? — удивился бард. — Разве у нас не будет привала?

— Вы хотите дать колдуну время попить чай, умыться, немного почитать, собрать все свои вещи и после этого уйти? — хмыкнул Гроссмейстер. — Если нет, то нам нужно торопиться.

Ян залился краской стыда и тут же поднялся на ноги.

После этой лужайки щитоносцев и их товарищей вновь ждал лес, к счастью, не такой густой, как раньше. Брэндон уверенно вел свой отряд, прекрасная зная, где именно находится его цель.

Поднявшись на небольшой холм, отряд медленно спускался вниз, когда Гроссмейстер внезапно выхватил лук. Щитоносцы мигом обнажили оружие.

— Ян, Руд, — тихо велел глава Ордена Щитов. — Пригнитесь и спрячьтесь.

Констебль кивнул и, схватив барда за руку, метров на двадцать отделился от рыцарей и попытался скрыться в высокой траве, достав два пистолета.

— Что происходит, Господин Гроссмейстер? — шепотом поинтересовался Андре.

— Мы почти на месте, — еле слышно ответил Брэндон. — Но, похоже, о нас знают.

В этот миг раздался пронзительный крик, похожий не то на визг, не то на шипение. Подняв взгляд, Ян увидел стремительно приближающуюся с неба фигуру. Бард сразу узнал горгулью из Льорисау, но на этот раз он мог ее хорошенько рассмотреть. Она была размером с крупного хряка, тело напоминало что-то среднее между кошачьим и обезьяним. Шкура жесткая, тесно-серая, и громадные черные крылья, как у летучей мыши. Но больше всего молодого барда поразила морда создания — опять же, как у обезьяны, которых Ян видел лишь на картинках, но вытянутая с горящими глазами и усеянная множеством острейших зубов пастью.

Брэндон выпустил стрелу и попал прямо в цель, правда, как показалось барду, грудь существа на мгновение обратилась в камень, и стрела, отскочив от нее, полетела вниз.

Горгулья взревела еще громче и обрушилась на Гроссмейстера. Тот успел увернуться в последний момент, и монстр, не теряя темпа, врезался в одного из щитоносцев, пробив тому доспехи. Мужчина охнул и упал. Зверь повернул окровавленную морду как раз тогда, когда меч Андре едва не коснулся его шеи. Махнув крылом, чудовище откинуло паладина на несколько метров и тут же атаковало другого рыцаря. Как прежде, доспехи не спасли воина Щитов.

Сердце Яна сжалось от страха. Запах неминуемой гибели сдавил воздух. Отчаяние накрывало с головой. Он уже был готов кинуться на монстра, но...

Взрыв величайшей силы разнесся по округе, едва не сломав ближайшие деревья. Бард перевел взгляд и увидел улыбающегося хищной улыбкой гроссмейстера. Брэндон держал в руках свои изогнутые ножи и медленно приближался к горгулье.

Зверь жалобно заскулил и попятился назад. Наткнувшись на толстый ствол старого тополя, он завертел головой в поисках подмоги. Не найдя ее монстр зарычал и ринулся в отчаянную атаку.

Полуоборотом Брэндон ушел в сторону, вспоров бок своему противнику. Теперь каменная защита не могла остановить натиск главы Ордена. Развернувшись, он прыгнул на врага и вонзил нож тому в спину. Ловко перемахнув через монстра, гроссмейстер одним движением вспорол ему горло.

Горгулья закашляла, выплевывая кровь на траву. Глаза монстра горели яростью загнанного в угол зверя. Чудовище не спешило умирать. Гроссмейстер злобно усмехнулся.

Темная дымка окутала его клинок, и в следующий миг отрубленная голова упала на землю.

— Андре! — тут же крикнул Гроссмейстер. — Позаботься о раненых!

Он рванул вниз с такой скоростью, что даже лучшее восточно-ильзанские лошади могли бы позавидовать ему. Руд вскочил и бросился следом.

— Куда ты? — крикнул Ян, но не получил ответа.

Бард услышал шорох и, повернув голову, увидел прихрамывающего Андре. Не говоря ни слова, паладин согнулся над одним из рыцарей и, подняв ладони над раной, принялся что-то шептать. Ян почувствовал тепло и умиротворение, исходившее от щитоносца.

— Пойдем! — велел Мьель. — Целитель обо всем позаботится.

Ян бежал вниз сломя голову. Дважды запнулся и кубарем покатился, но тут же поднимался и бежал дальше. Он видел впереди спину Руда, однако гроссмейстера в поле зрения барда уже не было.

— Под ноги смотри, шею свернешь! — крикнул сидевший на его плече Мьель, когда Ян в третий раз чуть не упал. — Не потеряется твой констебль.

Спустившись в низину, Ян размашистым прыжком перепрыгнул через холодный ручей и продолжил свой бег. Впереди виднелся еще один холм, у подножья которого зияла огромная дыра.

Руд скрылся в пещере и через пару минут Ян оказался там же. Бард вздрогнул, оказавшись в прохладном и сыром месте, и огляделся. Высокие своды позволяли идти в полный рост и даже подпрыгивать, если захочется. Всякие паразиты ползали под ногами, и вдалеке маячил свет.

Ян пошел на этот свет и вскоре увидел Руда и Брэндона. Они стояли в просторной зале, сплошь заваленной старыми книгами да свитками. На гладком камне — в самом центре помещения, стоял перегонный аппарат с многочисленными колбочками, мензурками и трубочками.

— О, пришел, наконец! — поприветствовал друга Руд. — Но мы опоздали. Эта сволочь успела смыться!

— Может быть он еще где-то рядом! Нужно поискать его! — предложил бард.

— Бесполезно, — покачал головой Гроссмейстер. — Он переместился с помощью ведьминога круга, — Брэндон указал на странный узор на полу возле дальней стены.

Ян подошел к кругу но, конечно же, ни одну руну разобрать не смог.

— А что теперь делать? — повернулся юноша к товарищам.

— Искать его, — твердо ответил вампир. — Колдун-алхимик — серьезная угроза. Если он еще настряпает таких зверюшек, то даже Ордену придется трудно. Но, так или иначе, мы не позволим ему это сделать.

— Чем мы можем помочь? — участливо спросил Ян.

— Ничем. Сейчас мы вернемся в деревню, а завтра с утра отправляйтесь в Эйкдам. Как и обещал, я пошлю с вами сопровождающих.

— А как вы станете искать его? — взглянув в глаза Брэндону, задал вопрос Руд. — Опять по крови.

— Нет, — покачал головой Гроссмейстер, — К сожалению, так долго голодать опасно. Но есть другой путь — мои ребята исследуют круг. Это займет какое-то время, но мы сможем узнать направление.

Гроссмейстер направился к выходу из пещеры. Руд и Ян проследовали за ним.

Песнь 9. Новые жертвы

— Вот что, значит произошло... — мрачно проговорил заместитель мэра, глядя на чашку чая к которой так и не притронулся. — Бедняга Томас... я знал его много лет. Он был хорошим слугой и верным другом... У него остались жена и трое детей...

Ян не выдержал и разрыдался. Флорис посмотрел на него и произнес:

— Не стоит лить слезы, Господин ван дер Веттелик. Этим вы делу никак не поможете.

— Но что я могу сделать! — вскричал бард.

— Вы можете помочь господину де Йонгу довести начатое до конца. А я распоряджусь, чтобы семье Томаса передали его годовое жалование.

Ян вздрогнул и с недоумением уставился на старика:

— Вы думаете, деньги смогут их утешить?!

— Конечно нет! — буркнул Флорис Одвасбер. — Но это единственное, что в моих силах! Или что, прикажете мне стать мужем для его жены и отцом для детей?!

— Но...

— ЯН! — стукнул по столу Руд. — Пожалуйста, прекрати. Знавал я людей, которые в такой же ситуации потребовали от семьи кучера денег за карету и лошадей. А Господин Флорис и так делает то, что не обязан. Цени это.

— Ну хватит тебе, — отмахнулся старик. — Кто так делает — сущие демоны. И денег своих не вернут, и жизни загубят, — он посмотрел на Яна и, смягчившись, добавил. — Потеря родных — тяжелое испытание. Но жизнь на этом не заканчивается. Уверен, они справятся. А вот чтобы их страдания и старания не прошли даром, я как представитель власти, и вы как мои руки и ноги должны разобраться с происходящим в городе и не позволить недостойному человеку стать во главе Эйкдама.

В дверь постучали. Быстрым шагом в комнату вошел камердинер Флориса. Он что-то прошептал на ухо своему господину, и старик изменился в лице. Глубоко задумавшись, он даже не заметил, как его слуга покинул гостиную.

— Что-то произошло? — выждав некоторое время, учтиво поинтересовался де Йонг.

— Похоже на то, — кивнул Одвасбер. — Господин временно исполняющий обязанности мэра срочно вызывает меня в ратушу. Кроме того, велит, если я знаю, где сейчас специальный констебль, взять его с собой.

— О... — протянул Руд.

— Вы, как обычно, правы, мой друг, — все так же задумчиво произнес Флорис и поднялся с кресла. — Идемте. Не будем заставлять его ждать.

До сих пор Ян никогда не был в городской ратуше, только видел ее сияющий шпиль снаружи. Всякий раз, глядя на ее громадные часы, он хотел попасть внутрь, и вот это желание осуществилось.

— Ух ты, сколько народу! — восхищённо выдохнул бард, едва перешагнув порог и увидев очереди, тянувшиеся почти в каждый кабинет, что в правом, что в левом крыле первого этажа.

— Ах, — махнул рукой Флорис, пересекая просторный холл. — Просто заканчивается отчетный период. Люди до последнего тянут. Да и торговая делегация из Эмруда прибыла, нужно оформить им все разрешения, — буднично произнес он.

— И все-таки странно, что ты здесь ни разу не был, — просмотрев на Яна, удивился Руд.

— Просто отец не брал меня с собой. Говорил, что мне еще рано. Да и налоги я за себя не платил, раз жил с родителями.

— Нам наверх, — скомандовал Флорис.

Они прошли мимо двух мушкетеров, поднялись по широкой, застеленной потоптанным ковром лестнице и оказались на втором этаже. В отличие от первого этажа, здесь не было посетителей. Заместитель мэра повернул налево и повел своих подчиненных по украшенному картинами и вазами коридору, заканчивающемуся массивными двустворчатыми дверьми.

За ними скрывался просторный зал с высокими потолками. Дубовый овальный стол мог бы вместить небольшую сельскую свадьбу. Он находился по центру зала, занимал большее его пространство и упирался изголовьем в метровый постамент, где находился еще один стол — на сей раз прямоугольный. Над ним возвышались три кресельные спинки. Причем центральное кресло своими размерами заметно превосходило два других.

— Зал собраний Магистрата, — пояснил Флорис, пересекая комнату.

Старик остановился у темной двери в самом углу комнаты и постучал.

— Войдите, — приглушенно произнес мужской голос.

Комната, где сидел обладатель этого голоса, больше походила на узкий коридор, куда поставили стеллажи с кипами бумагами и письменный стол. Мужчина с неприметной внешностью типичного клерка окинул вновь прибывших усталым взглядом и, поднявшись, поклонился Флорису:

— Господин Одвасбер, Господин ди Нери ждет вас, — он прошел по своему кабинету-коридору и, остановившись перед еще одними двустворчатыми дверьми, распахнул их, приглашая гостей войти.

Кабинет мэра был огромен, хоть и вдове меньше Зала собраний. Вдоль светлых стен стояло несколько шкафов с книгами и бумагами. Градоначальник что-то писал за широким столом, сидя в кожаном кресле с резными подлокотниками.

Сальваторе ди Нери оторвал взгляд от бумаг, сухо кивнул и жестом указал гостям на обитую бархатом софу. Выйдя из-за стола, он сел напротив гостей на небольшую кушетку и собственноручно разлил в кубки вино из кувшина.

— Прежде всего, — спокойным голосом произнес он, беря в руки кубок. — Рад всех вас видеть. Выпьем за встречу.

Констебль залпом осушил свой кубок, старик лишь половину, Сальваторе же только смочил губы и удивленно взглянул на Яна:

— Вас не устраивает мое вино?

— Нет, что вы! — замахал руками бард. — Просто я не пью алкоголь.

— Хм. Похвально. Если бы не знал, никогда бы не подумал, что вы — сын Йозефа ван дер Веттелика, — он повернулся к двери и громко крикнул: — Пим, принеси нам кувшин с компотом, — затем ди Нери вновь обратился к своим гостям. — Перейдем к делам. Как продвигается ваше независимое расследование? Вышли на след Розамунды ван Мейер?

— Как вы и сказали, — скорчил рожу Флорис, — наше расследование независимое. С

чего бы нам вам докладывать?

— Вы правы. Не с чего. Пока что я не могу вам это приказать, Господин Одвасбер. Но у вас есть гражданский долг, уважаемый заместитель мэра. Не забывайте о нем.

— Прекрасно помню, — хмыкнул Флорис. — И мой долг — защищать Эйкдам и всех его невинных жителей, коей по моему мнению и является Розамунда ван Мейер. Мы хотим ее спасти, вы же хотите убить. Не вижу причин для нашего сотрудничества.

— Убить? — нахмурился ди Нери. — Вы в своем уме? Я хочу ее найти, допросить, а после пусть суд выслушивает все стороны и судит ее по закону.

— Это я и называю «убить»- стоял на своем заместитель мэра. — Пока не найден истинный убийца, я не позволю судить Розамунду.

Сальваторе покачал головой и тяжело вздохнул. Дверь тихо скрипнула, и в комнату вошел неприметный клерк-привратник. Поставив кувшин на стол, Пим спешно удалился. Ди Нери сам долил вина Руду и Флорису и налил Яну его компот.

— Узость вашего мышления и твердость неверных воззрений удручают меня, — наконец произнес ди Нери. — Придется оставить этот разговор до лучших времен. Благо есть более важные темы.

— Что же может быть важнее разговора о судьбе дочери мэра Эйкдама? — фыркнул Флорис.

— Убийство неизвестным колдуном мэра Штельбурна, и тайное предупреждение от Ордена Щитов всем остальным мэрам Лудестии, — тихо произнес он.

Ян и Руд изумленно переглянулись. Констебль дернулся вперед и, впившись взглядом в Сальваторе, встревоженно выпалил:

— Когда это произошло?!

— Позапрошлой ночью. Посланник Ордена с вестями и предупреждением прибыл пару часов назад.

— Прошлой ночью... — одними губами пробормотал Руд, закусив губу и задумчиво опустив голову. — Когда мы его упустили...

— Вам что-то известно об этом колдуне? — внимательно посмотрел на него ди Нери.

— Да, — отрывисто произнес констебль. — Мы вместе с Орденом охотились на него. И раз Орден призывает вас к осторожности, вам следует прислушаться. А сейчас нам пора.

Он вскочил с места и схватил барда за руку. Их побег остановил холодный голос временно исполняющего обязанности мэра Эйкдама:

— Стоять. Я еще никого ни куда не отпускал, — опешив, Руд обернулся и увидел леденящий душу пронзительный взгляд. Мэр закрыл глаза и уже спокойным тоном произнес: — Я понимаю, вы спешите. Но мне хотелось бы услышать ваше мнение по еще одному вопросу.

— Еще что-то произошло? — пробормотал Флорис.

— Да, — кивнул Сальваторе ди Нери. — Что вы знаете о норхертрокской угрозе?

Флорис отвел взгляд. Заметив это, Руд чертыхнулся и ответил за него:

— Она реальна.

— Вы приуменьшаете, господин специальный констебль, — покачал головой временный мэр Эйкдама. — Она не то, что бы реальна. Она уже висит над нами. Вы, — взглянул он на Флориса, — вместе с господином Ароном ван Мейером наломали дров, господин Одвасбер. Еще год назад Магистрат настаивал, что связываться с северянами — безумие. Но вы не послушали нас.

— Что толку об этом сейчас говорить?! — возмутился заместитель мэра.

— Действительно. Говорить без толку. Нужно действовать. Однако Эйкдам ныне не в силах ничего противопоставить конунгу Агмунду. Самые влиятельные граждане города сейчас стараются как можно выгоднее для себя воспользоваться текущей ситуацией. Лишь объединив их, мы сможем бороться с севером.

— Этого будет мало! — возразил Флорис.

— Согласен. Но это лучше, чем ничего. И для начала мы с вами на личном примере должны показать им, что перед лицом общего врага город должен сплотиться, — Флорис ничего не ответил, лишь отвернулся. Сальваторе продолжал: — Но даже так, как вы заметили, мы не остановим Агмунда. Нужна еще и поддержка извне.

— Что вы предлагаете? — осторожно поинтересовался Одвасбер.

Сальваторе ответил не сразу. Повернувшись к Руду и Яну, он произнес:

— Я слышал, вы были в Льорисау и даже выступали перед господином Кларенсом Хюльдом?

— Откуда вы знаете? — выпалил бард.

— Да вы особо не скрывались там, господин ван дер Веттелик, — хмыкнул Сальваторе. — Кроме того, Господин Хюльд высоко оценил ваше творчество.

— Ну я... — покраснел Ян.

— Поэтому, — не обращая внимания на его смущение, продолжал ди Нери, — я хочу, чтобы вы стали моим посланцем и попросили помощи у мэра Льорисау.

— Нет! — громко крикнул Флорис и Сальваторе удивленно на него посмотрел. — Не нужны такие просьбы, — тихо добавил старик, не поднимая глаз.

— Отчего же? Мне кажется в данный момент это будет лучшим решением.

— Я тоже так думаю... Поэтому уже попросил у Хюльда помощи.

— Хм... вот как? — ди Нери даже и не пытался изобразить удивление. — И что же он ответил?

— Он не против. Но хотел бы перед этим лично встретиться с нашим посланцем. Со специальным констеблем.

— Что ж, хорошо. Видимо господам де Йонгу и ван дер Веттелику все равно придется возвращаться в Льорисау. Мы же с вами, Господин Одвасбер, займемся Магистратом.

Ян улыбнулся, оказавшись в ставшем уже родным месте. Взглянул на ярко-голубое небо, провел рукой по высоким колосьям и быстрым шагом отправился знакомым направлением. Вскоре он услышал ее мелодичный голос, а подойдя ближе, увидел, как она расчесывает прекрасные волосы, сидя на своем камешке у ручья.

Бард вновь улыбнулся. Некоторое время он стоял неподвижно, любясь Розамундой. Она заметила его не сразу, лишь когда случайно повернув голову, встретилась с ним взглядом.

— Ян! — восторженно крикнула девушка и побежала к нему на встречу. Радостно повиснув у него на шее, она ткнулась носом в плечо барда. — Рада тебя видеть. А ты? Успел по мне соскучиться?

— Да, — тихо признался бард. — Хоть мы и виделись вчера, но... — он набрался смелости и продолжил фразу, — но каждая наша встреча для меня, словно поток свежего воздуха...

— Ох, Ян, перестань, — она кокетливо хихикнула и повела юношу к ручью. — Что у

тебя нового? — поинтересовалась она, усадив барда на один с собой камень. — Надеюсь, с монстрами больше не сражались? — взволнованно закончила она.

— Нет, — улыбнулся Ян. — Хвала, Всевышнему, нет.

— Ну и хорошо. А то если с тобой что-то случится... — она отвела взгляд. — Я не смогу прожить здесь в одиночестве...

— Не беспокойся, Роза, — поспешил успокоить ее юноша. — Я не оставлю тебя. Пока ты во мне нуждаешься, я всегда буду рядом.

— Обещаешь? — она хитро прищурилась.

— Обещаю, — кивнул бард.

— Ну смотри, не забудь, — улыбнулась девушка и положила голову ему на плечо.

Они сидели молча и глядели на быстрое течение ручья. Яну было хорошо просто сидеть с ней, позабыв обо всем на свете. Он чувствовал ее тепло, ее дыхание, хотел даже обнять, но, как обычно, смутился и не сделал этого.

— А как твой друг? — будто бы невзначай, спросила она. — Ты говорил, ему сильно досталось в бою с монстром?

— Ну я же рассказывал, что с ним все хорошо, — ответил бард. — Правда в тот момент... я очень сильно перепугался.

— Но ты спас его, — твердо произнесла девушка. — Молодец. Нужно защищать своих друзей, во что бы то ни стало! Я горжусь тобой.

— Спасибо, — покраснел Ян.

— Ну с ним ведь точно все хорошо? А с тобой?

— Прошу тебя, Роза, не переживай так, — попытался успокоить девушку бард. — Мы оба в порядке.

— Обещай, что в следующий раз будете осторожнее?

— Обещаю.

Вот уже второй день подряд очередная карета Флориса Одвасбера неслась на юг. Путники остановились только поздно ночью в захолустной деревушке, где, одарив старосту золотой монетой, и нашли ночлег. Однако стоило первым петухам завести свой ежедневный гимн, гости сорвались с места.

Молодой кучер зевал во весь рот, но правил уверенно. Суровый констебль постоянно выглядывал из окна, подгоняя:

— Быстрее, Джурд! Что мы плетемся, как пьяные мухи!

Мьель, раздраженно взглянув на Руда, зевнул и свернулся калачиком.

— Мы так загоним лошадей, Руд, — заметил Ян.

— Не загоним, — резко мотнул головой де Йонг, — восточно-ильзанские кони и не такое выдержат. Нам повезло, что господин Флорис может позволить не одну пару этих славных лошадок.

— Не говори так, — насупился бард. — Между прочим, из-за нас исчезла прошлая пара. Как и господин Томас...

— Ты опять? — удрученно вздохнул Руд. — Кончай хандрить. Этим делу не поможешь.

— Я знаю, — кивнул юноша. — Поэтому держусь.

— Вот и молодец, — хлопнул друга по плечу констебль. Он потянулся, размял шею и глубоко вздохнул. — Что-то эти частые поездки начинают надоедать. Мы, как муравьи, право слово, шныряем взад-вперед.

— Ты прав. Мне кажется, мы отдаляемся от нашего расследования. Эта поездка не приблизит нас к поиску Розамунды ван Мейер или убийц ее отца и Розы.

— Думаешь? — хмыкнул Руд. — Я не был бы так категоричен. Во-первых, и в главных, если сможем договориться с Хюльдом — спасем Эйкдам. А во вторых, у нас нет зацепок, ведущих к ассасину. Все что у нас осталось — чертов колдун, убивший их. Поймай мы его и допроси, стало бы больше ясности...

— Но мы не можем. Даже гроссмейстер Ордена Щитов не смог.

— Не можем. Однако... — он замолчал и лукаво улыбнулся.

— Что такое, Руд? — оживился Ян. — Ну же, прошу, не тяни!

— Эх, — вздохнул он. — Ладно. Я все ждал, когда тебе придет эта мысль в голову, но, видимо, не дождусь никогда. Гроссмейстер сразу подумал об этом, правда, в слух человек его положения не должен говорить такие вещи. Он и не сказал.

— О чем ты? Не понимаю...

— Все просто, как день. Что если колдуна нанял Хюльд для своей защиты?

Ян ошарашенно уставился на друга, кот, дернув ухом, приоткрыл глаз, взглянув сначала на констебля, затем на барда.

— Глупости, — мотнул головой Ян. — Мы знаем, что колдун, проиграв схватку с ассасинами, сбежал. Даже если он не особо исполнительный, мог бы вернуться и сразу напасть на них вместо того, чтобы поджидать ассасинов в городе.

— Ты слишком высокого мнения о колдунах, — покачал головой констебль. — Подумай сам, если он получил предоплату, то зачем лишний раз рисковать шкурой? Если его действительно нанял Хюльд — уважаемый человек, мэр и практически Консул, думаешь, колдун будет бояться за свою репутацию? Думаешь, Хюльд станет на каждом углу кричать: «Не связывайтесь с этим колдуном — он обманщик!»? Здесь та же ситуация, что и с ди Нери — это всего лишь домыслы. Ни мы, ни даже Орден не можем прижать Хюльда к стенке и допросить. Нужно чтобы колдун назвал имя своего заказчика.

— Это может быть совпадением, — заявил Ян. — Господин Кларенс — славный человек, у него такая прекрасная семья, и всего горожане его любят...

— Да что ж ты такой упертый! — всплеснул руками Руд. — Пожалуйста, вот тебе еще одна улика. Убитый колдуном мэр Штельбурна был основным противником Хюльда на ближайших выборах Консула. Может и не особо серьезным, но все же... Иногда лучше перестраховаться.

Ян ничего не ответил. Констебль залез в сумку и достал флягу с вином. Сделав большой глоток, посмотрел на друга. Тот все так же задумчиво молчал. Руд тяжело вздохнул и, потянувшись, прикрыл глаза.

Едва оказавшись в солнечном мире, Руд помчался знакомой дорогой. Он быстро дошел до небольшого холма, увидел девушку и начал осторожно спускаться вниз.

Она напевала какой-то мотивчик и, расчесывая волосы у ручья, пыталась разглядеть собственное отражение в чистой воде. Конечно же у нее ничего не получалось, и видела красавица только каменистое дно. Однако ни зеркала, ни других занятий у девушки не было, и она продолжала свои тщетные попытки.

Подобно хищнику, Руд тихо подкрался к ней. Она так и не заметила его присутствия.

— Бу! — тихо прошептал он ей на ушко, ткнув пальцами девушку под ребра.

Она взвизгнула, подпрыгнув на месте, молниеносно развернулась и ударила его в грудь

расческой.

— Дурак! — обиженно пробурчала она.

— Да ладно ты, не злись, — улыбнулся Руд, — хотел сделать сюрприз.

— И сделал! — надула губки Розамунда, но, не удержавшись, улыбнулась. — Тебя давно не было.

— У меня не получается приходить каждый день, — погрустнел Руд, присаживаясь на камень.

Она взглянула на него, села рядом и одними губами прошептала:

— Жаль...

Он услышал.

— Мне тоже, — ответил Руд и нежно взял ее за руку.

Подъезжая к Льорисау, констебль и бард, из окна кареты, увидели небывалое скопление народа возле городских ворот. Огромный лагерь, разбитый у стен Кораллового города, был виден за несколько километров.

Чем ближе карета Флориса Одвасбера приближалась к воротам, тем отчетливее вырисовывалась картина. Повозки торговцев, заполонили все вокруг, а их обладатели спокойно сидели на траве, распивая вино за оживленными беседами. Всадники озабоченно успокаивали лошадей, а кучера пустых экипажей беспечно спали на козлах.

— Что здесь, черт его дери происходит? — возмутился Руд, когда их карета остановилась, и он спрыгнул на землю.

— Похоже ворота закрыты, — заметил Ян.

— И это среди бела дня? — скривился констебль и зашагал вперед.

Он подошел к скучающему возле своей повозки торговцу:

— Извините, уважаемый, не могу в толк взять, почему ворота закрыты?

Мужчина обернулся, окинул Руда долгим взглядом и глубоко вздохнул.

— Говорят мэра убили. Вроде как город закрыли, чтобы не дать преступникам сбежать.

Руд недоуменно дернул головой, догнавший его Ян замер как вкопанный, изумленно выпалив:

— Как убили?! Господина Хюльда?!

— Ну а кого ж еще, — хмыкнул торговец. — Жаль, если так... Кто теперь Консулом-то станет? — мужчина вновь тяжело вздохнул, но его уже никто не слушал. Руд рванул вперед, расталкивая других торгашей, да крестьян. Ян побежал следом, попутно извиняясь перед всему, кому констебль доставил неудобства.

Вскоре друзья оказались перед городскими воротами, где особо рьяные торговцы осаждали стражников.

— Ну что же это за дела-то такие, прости Господи? — возмущался мужчина с густой бородой в алом, подпоясанном кушаком кафтане — по виду и поговору явно купец из Брезовии. — Коли б наш князь, не дай Боже, преставился, мы б ворота не закрывали! Чего людей-то мариновать? А ежели кто проститься с ним приехал?

— Ворота откроют завтра, — устало отвечал стражник. — И проститься тоже завтра сможете. Торговля же возобновиться только через два дня — таков приказ Магистрата.

— И что же нам тут куковать столько времени? — не унимался брезовец.

— Я все понимаю, но не могу пойти против приказа, — стоял на своем привратник.

Руд продрался сквозь толпу и поравнялся с купцом.

— Значит, господина Хюльда правда убили, — он внимательно посмотрел на стражника.

— К сожалению да.

— Когда? Кто? Что известно? — подавшись вперед, констебль завалил уставшего мушкетера вопросами.

— Подробности не разглашаются, — спокойно ответил стражник.

— Что ж, — протянул де Йонг, — тогда пропустите меня и моего товарища, я сам узнаю.

— Приказ никого не...

— Я — Специальный констебль Эйкдама! — перебил его Руд. — Я могу помочь в расследовании.

На этот раз стражник внимательно взглянул на него и, поразмыслив, кивнул.

— Проходите. Представителей других кантонов и стран было велено впускать.

Он отпер тяжелую дверь, вырезанную в правой створке городских ворот. Под не одобрительный гул толпы Руд и Ян вошли внутрь. Стражник последовал за ними.

— Я провожу вас, — сообщил он.

Они быстро шли по пустым улочкам. Ян удивленно глядел по сторонам, выискивая глазами хоть кого-нибудь из горожан, но все было тщетно — кроме обеспокоенных отрядов мушкетеров, рыскавших по городу, он никого так и не увидел. Зато почти из каждого окна на них с подозрением глядели пылающие праведной яростью глаза.

— Как только весть о смерти господина Хюльда разлетелась по городу, — пояснил стражник, — каждый счел своим долгом выйти на улицу и помочь в поисках убийцы.

— Почему же они тогда сидят по домам? — удивился Ян.

— Потому, — влез в разговор Руд, — что скорей всего со стороны это больше походило на бунт. Представь, разгоряченный народ, который, я уверен, вышел не с пустыми руками. Все требуют крови, пусть даже убийц. Ужас.

— Вы абсолютно правы, — кивнул стражник. — Другого от специального констебля, пусть даже и Эйкдама, я не ожидал.

— Как же вы их утихомирили? — пропустив мимо ушей колкость, спросил де Йонг.

— Честно сказать, едва не случилось кровопролитие. Люди не хотели слушать нас, и мушкетеров, пусть мы и выполняли волю Магистрата. Если бы на улицы не вышла Госпожа Дафна, боюсь и подумать, что могло бы произойти.

— Дафна? — удивленно переспросил Ян. — Вы имеете в виду дочь господина Хюльда.

— Совершенно верно, — подтвердил стражник.

— У нее столько влияния? — усомнился Руд.

— Влияния? Нет, просто все в городе ее очень любят. Пусть она еще юна и совсем недавно начала выходить в свет, но раньше господин Хюльд часто брал ее с собой, когда выезжал в город. Он любил ездить без охраны один на лошади, — стражник улыбнулся, поддавшись воспоминаниям.

— И что, — продолжал пытаться его Руд. — У вас все знают Дафну Хюльд в лицо?

— Конечно, — поразился столь глупому вопросу мушкетер. — У вашего мэра же тоже была дочь, вы что не видели ее никогда что ли?

Де Йонг задумался, а после честно ответил:

— Разок, на празднике. Но совсем издали. Старик Арон скрывал свое сокровище от

чужих глаз.

Перед особняком Хюльда стояло несколько карет. Кучера, возбужденно жестикулируя, обсуждали «очередное» нападение на мэра. Кое-то уверял, что все это происки имперцев, желающих лишить Лудестию «такого славного лидера». Другой громко кричал, что во всем виноваты свободники. Эти двое едва не подрались между собой, но остальные возницы сумели их разнять.

Когда мимо прошли Ян и Руд, кучера внезапно сплотившись, одарили чужаков холодными презрительными взглядами. Бард невольно вздрогнул, констебль же лишь надменно хмыкнул.

Мушкетер, передав гостей дворецкому Хюльдов, откланялся и поспешил на свой пост. Де Йонг и ван дер Веттелик, проследовав за хмурым мужчиной с красными глазами, вошли в дом.

Их проводили в гостиную, где уже собралась внушительная толпа: рыдающие женщины в дорогих платьях и суровые мужчины. Они недобро посмотрели на пришельцев. Многих из этих людей Ян уже видел здесь и в особняке ван Хорнов. Они тоже узнали молодого барда и его спутника, смягчились да потеряли к ним всякий интерес.

— Гляди, этот все еще здесь, — Руд пихнул барда локтем, указывая на приближающуюся к ним фигуру.

Джанкарло Росси быстрым шагом подошел к гостям из Эйкама и коротко поклонился.

— Рад видеть вас, друзья, — сдержанно произнес он. — Правда, обстоятельства не радуют. Пройдемте, — он схватил Яна за руку и поволок к свободному столику в углу комнаты.

— Что ты здесь делаешь? — бросил менестрелю Руд, усаживаясь за стол.

— Работаю, — сухо ответил Джанкарло и, попросив у подоспевшей заплаканной горничной вина и компот, повернулся к Яну. — Вас словно притягивает ко всяким неприятностям.

— Стараемся, — хмыкнул Руд до того, как бард успел что-либо ответить. — А раз ты здесь, рассказывай подробности. И не ври, будто ничего не знаешь.

Джанкарло посмотрел на него, словно на умалишенного, поблагодарил горничную, принесшую напитки и произнес:

— Господина Хюльда убили этой ночью. Ножом в живот. Полагаю, в печень. Никто ничего не видел и не слышал, утром его обнаружил камердинер. Тело уже было холодным.

— В печень? — воскликнул Ян, но поймав на себе десятки неодобрительных взглядов, тихо добавил. — Правда?

Росси очень внимательно посмотрел в глаза барду, отпил вина и спокойно ответил:

— Я простой менестрель, мне никто не позволит осмотреть тело. Однако я видел его из дверного проема. Судя по пятну крови — правда.

— Не очень-то ты простой, — буркнул Руд. — Раз замечаешь такие подробности.

Джанкарло вновь взглянул на Яна и, как показалось барду, едва заметно улыбнулся. После чего очень тихо произнес:

— Ассасины, не правда ли?

На этот раз уже Руд одарил его внимательным взглядом, после чего молча кивнул.

— Как я и думал, — вздохнул Росси.

— А почему шепотом? — продолжал пристально глядеть на него констебль. —

Неужели местным ничего не сказал?

— А зачем? — удивился менестрель. — У них своя работа, у меня своя.

— А почему же тогда нам говоришь?

— Так Ян — мой друг, — пожал плечами Росси. — И вот еще. Это уже не секрет, и так сами бы узнали. Этой же ночью пропал Господин Патрик.

Бард и констебль удивленно переглянулись. Оба молча задумались. Менестрель терпеливо ждал.

— Какие-нибудь подробности есть? — наконец произнес де Йонг.

— Никаких, — развел руками Джанкарло. — Господа констебли Льорисау полагают, что его похитили убийцы. Теперь ждут, когда же наконец Господа убийцы выдвинут свои требования. Полагаю, не дождутся.

Зал внезапно оживился. Повернувшись на шум, все трое увидели его причину. Запыхавшаяся совсем юная девушка в темном платье ветрела головой, ища кого-то. Наконец, остановив взор на столике в углу гостиной, поспешила к Яну и Руду.

— Здравствуйте! — покраснев, выпалила Дафна Хюльд. Глядя на нее вблизи, бард не мог не заметить разбухших от долгих слез век и влажных рукавов платья. Девушка же смотрела на брошь в виде нежно-розового коралла, приколотую к камзолу Яна.

— Что ж, — произнес Джанкарло, поднимаясь из-за стола. — Мне нужно идти, готовиться...

Дафна оторвала взгляд от Яна, взяла себя в руки и, повернувшись к менестрелю, сделала книксен:

— Благодарю вас за ваш визит, Господин Росси, и за то, что согласились выступить на завтрашней церемонии.

— Не стоит, — поклонившись в ответ, менестрель прильнул губами к ее изящной ручке. После чего кивнул Руду и Яну и покинул комнату.

К их столику подошла еще одна дама — камеристка юной Хюльд, недовольно посмотрела на свою госпожу и, молча отодвинув ей стул, предложила Дафне сесть.

— Примите наши соболезнования, Леди Хюльд, — деликатно произнес де Йонг.

Девушка не выдержала, и её глаза повлажнели. Затем, взяв себя в руки, утерла слезы батистовым платком и, выпрямив спину произнесла:

— Благодарю. Рада приветствовать вас в нашем доме. Прошу простить мою грубость, обременяя гостей своими просьбами, я веду себя неподобающе. Но все же прошу вас помочь. Вы уже раз спасли моего отца. Я знаю, вам можно верить. Прошу, помогите в расследовании уважаемым господам констеблям нашего города, — сказав это, она стиснула зубы и процедила: — Прошу, найдите убийц моего отца и отыщите моего брата.

— Вы могли и не просить этого, Леди Хюльд, — ответил де Йонг, поднимаясь со своего места. — Я сам хотел предложить нашу помощь.

Девушка вскочила из-за стола:

— Вы правда поможете?

— Конечно. Ведите.

Дафна Хюльд вместе со своей камеристкой остановилась возле комнаты хозяина особняка. Еще из коридора Ян и Руд услышали надрывные женские рыдания. Подойдя к двери, они увидели склонившуюся над кроватью покойного мужа Госпожу Хюльд. Голос женщины уже охрип, временами ее всхлипывания сливались в один протяжный вой.

Зайдя внутрь, гости из Эйкдама увидели еще одного человека. Мужчина в черном камзоле и парике поспешил на встречу.

— Господин ван Дейк, — обратилась к нему Дафна. — Это господа ван дер Веттелик и де Йонг. Они из...

— Знаю, Леди Хюльд, из Эйкдама, — буркнул мужчина, окинув взглядом пришельцев.

— Господа, — повернулась девушка к барду и констеблю, — этот господин — Кеес ван Дейк — главный констебль Льорисау, — представила она человека в парике и невольно взглянула на рыдающую мать. Слезы мгновенно выступили у неё на глазах, комок подступил к горлу. — Прошу меня простить... — прошептала она и выбежала из комнаты.

Мужчины проводили юную Леди Хюльд и ее служанку взглядом. Затем Кеес ван Дейк резко повернулся к Руду, и, сощурившись, произнес:

— Что вам здесь нужно?

— Юная Леди Хюльд просила нас о помощи, — твердо произнес де Йонг.

— О помощи? Вы даже своего мэра спасти не смогли!

— Как и вы своего, — парировал Руд.

— Пусть так! Но мы не собираемся столько времени искать его убийц! Уверю вас, к вечеру они будут уже казнены!

— Желаю удачи, — отвесив ему поклон, Руд направился к кровати покойника. Поравнявшись с безутешной вдовой, он положил ей руку на плечо. — Госпожа, искренне приношу свои соболезнования.

Женщина подняла на него мутный взгляд. По этим мертвым глазам де Йонг сразу понял — она не видит ни его, ни кого бы то ни было. Для нее нет сейчас ничего во всем Армирионе. Лишь остывшее тело любимого человека.

— Прошу прощения, Госпожа, — произнес Руд, одним рывком поднимая женщину на ноги.

— Что вы себе позволяете?! — возмутился местный констебль, но де Йонг уже передал ему безутешное тело Госпожи Хюльд.

— Подержите, пожалуйста, — бросил он и, содрав белое покрывало, уставился на умершего.

Господин Хюльд был уже умыт и одет в парадный, расшитый золотыми нитками, камзол. Его побелевшее лицо выражало совершенную безмятежность. Подойдя ближе, Ян на секунду подумал, что Кларенс Хюльд уснул, но тут же поймал себя на мысли, что это сравнение здесь полностью не уместно. Так аккуратно спать, сохраняя прическу и одежду, более чем не возможно.

Несмотря на протесты здешнего констебля, Руд задрал край камзола и вытащил из брюк умершего белоснежную рубашку. Весь этот кощунственный ритуал был выполнен ради одной цели — увидеть маленькую дырочку в правом боку бывшего мэра Эйкдама.

— Действительно в печень... — себе под нос пробормотал де Йонг и повернулся к пытящему и красному от возмущенья ван Дейку. — Прошу прощения за беспокойство. Мы уже уходим. Будьте так любезны, приберитесь тут, — он небрежно махнул на потревоженный труп и, схватив Яна за руку, поспешил к двери.

— Мяу!

— Он, как и я, недоволен твоими действиями, — перевел бард, когда друзья оказались в коридоре.

— А что поделать? — пожал плечами Руд. — Работа такая.

Он завертел головой по сторонам и, увидев плачущую, прислонившуюся к стене Дафну, подошел к ней:

— Леди Хюльд, прошу проводить нас в комнату вашего брата. Если позволите, мы хотели бы осмотреть ее.

Вздрогнув от неожиданности, девушка выпрямилась, смахнула слезы и кивнула:

— Конечно, господин де Йонг.

Комната наследника располагалась недалеко от спальни отца семейства. Дверь была не заперта, и Леди Хюльд любезно пригласила гостей войти внутрь.

— Прошу простить меня, — извинилась она, когда Руд и Ян переступили порог, — но я вынуждена откланяться. Кто-то из Хюльдов должен быть с гостями, — она сделала книксен и засемила по коридору, оставив друзей одних.

— Так даже лучше, — произнес Руд, оглядываясь по сторонам.

Покои наследника фамилии состояли из трех смежных комнат, большей из которых была светлая спальня с широкой двуспальной кроватью. На стенах спальни висели многочисленные портреты членов семьи. Здесь был и сам Патрик, и его мать, и даже сестра. Но больше всего места уделялась изображению Кларенса Хюльда. Бывший мэр Льорисау был запечатлен исключительно в величественных позах, но в разной одежде и обстановке. Кроме сцен в парадных нарядах, Руд и Ян увидели покойного Хюльда в военном камзоле и даже в домашнем халате.

— Какая восхитительная сыновья любовь... — пробормотал Руд, заглядывая в другую комнату. — Тьфу, умывальная. Тут ничего интересного нет.

Ян посмотрел на него и покачал головой, затем повернув голову, увидел кота, внимательно исследовавшим каждый угол комнаты и водившего носом.

— Эй, Мьель, что-то нашел?

Но кот не откликнулся на зов барда, полностью сосредоточившись на своих действиях.

— Ян, пойді сюда, — окрикнул друга Руд из третьей комнаты.

Констебль осматривал личный кабинет Патрика Хюльда. То была не особо просторное помещение со стеллажами, уставленными книгами, и широким столом. Над этим столом висела огромная карта Лудестии, где Льорисау было обведено толстым слоем чернил, а рядом с городом была жирная надпись «Столица».

— Парнишка-то амбициозный, — усмехнулся Руд, указывая на карту.

— Да ну, брось, — усомнился Ян. — Просто был рад, что его отец Консул.

Мьель медленно вошел в комнату и уселся на пол, глядя на Руда и Яна.

— Мьяу, — твердо произнес он, когда друзья удостоили его вниманием, — Мьяу. Мьяу.

— Что?! — поразился бард. — Не может быть!

— Мьяу!

— Что он говорит, Ян? — выпалил Руд.

— Говорит, что здесь точно пахнет колдуном! И был он тут совсем недавно. Может быть этим утром или ночью!

— Вот как... — казалось, де Йонг не очень-то удивился этой новости. Он на несколько секунд задумался, после чего резко произнес. — Поспешим, Ян! Нам снова нужно ехать!

Песнь 10. Сила музыканта

Чуть ли не бегом бард и констебль покинули особняк Хюльдов. Стремительно пролетели по пустым улицам Льорисау и вырвались за городские ворота. Когда же, растолкав народ, друзья оказались в собственной карете и оторопевший кучер хлестнул лошадей, бард в очередной раз задал один и тот же вопрос:

— Теперь-то ты можешь объяснить, что за спешка?

Констебль хлебнул вина и глубоко вздохнул, приходя в себя после долгого бега. Руд посмотрел на Яна и покачал головой.

— Еще не догадался?

— Нет. Ты велел возвращаться. В Эйкдаме что-то случилось?

— Подозреваю, что да.

— Ну... — нетерпеливо протянул Ян.

— Давай по порядку, — сдался констебль. — Мы подозревали, что колдуна нанял Хюльд, верно?

— Верно, — кивнул юноша.

— И были правы.

— Как? — опешил Ян. — И что же теперь делать? Господин Хюльд мертв, мы теперь не сможем узнать о его мотивах и... И вообще, как нам теперь выйти на ассасинов? Будем ловить колдуна и допрашивать его? Не уверен, что он знает все подробности! Он...

— Спокойно, — выставил вперед руки де Йонг. — Да, Кларенс Хюльд мертв. И я уверен, что колдуна нанял Хюльд. Вот только другой, — он хмуро усмехнулся.

— Патрик... — наконец-то догадался Ян. — Но... Зачем?

— Пфф, это же ясно, как белый день. Ради своего любимого папаши. По крайней мере, я так думаю.

— Ради отца... Неужели для защиты?

— И не только, — подтвердил Руд. — Вот как я вижу эту ситуацию: Патрик Хюльд услышал об убийстве мэра Эйкдама. Вроде бы ничего такого в этом нет, если учесть тот факт, что почти все винят в убийстве дочь мэра. То есть получается бытовая ссора, правда уровнем несколько выше, чем пьяная поножовщина. Но, посмотрев на Патрика Хюльда да на его комнату, я могу сделать вывод, что уж очень сильна в нем сыновья любовь. Согласен?

— Да. Еще когда я был на празднике ван Хорнов и первый раз увидел Господина Патрика, подумал, что он очень хороший человек... Мне запомнился его тост — хоть и поздравлял именинника, подчеркнул важность родителей и...

— Без обид, Ян, но твоей способности судить людей мы не будем доверять. Хотя в этот раз ты прав. Поэтому я полагаю, что этому пареньку было трудно поверить, будто бы дочь могла убить своего отца. Можешь называть это чутьем, или чем-то еще, но я уверен в этом. А раз не Розамунда ван Мейер виновата, кого обвинит хоть мало-мальски разумный человек?

— Кого? — не понял бард.

— Эх... — Руд снова отхлебнул вина, покачал головой и продолжил: — Конечно же Сальваторе ди Нери. Того, кто от смерти Арона ван Мейера получил намного больше других.

— Даже если и так, это не повод нанимать колдуна, — не согласился Ян.

— Еще как повод, Ян. Это ж элементарно! Достаточно молодой, влиятельный, богатый и амбициозный человек становится мэром, пусть пока временным, но выборы без конкурентов не за горами. Думаешь, он остановится на этом? Да черт там был! Куда он станет метить дальше? Конечно же на пост Консула!

— Я думаю, если ты и прав, то Господину ди Нери следует сначала хорошенько укрепиться в Эйкдаме, прежде чем подниматься выше.

— Да что ж ты наивный-то такой, как маленькая принцесса! — всплеснул руками Руд, едва не выронив бурдюк с вином. — Что, разве нельзя два дела делать одновременно? Пусть в этом году он не успеет да и не станет участвовать в выборах Консула. И тогда, определенно Кларенс Хюльд займет этот пост. Вроде как можно оставить все до следующего срока, да?

— Да.

— Ерунда! Став Консулом, Хюльд не будет сидеть без дела. Хоть позиции ди Нери в Эйкдаме и во всей Лудестии укрепятся, но то же самое можно сказать и о позициях Хюльда. Поэтому куда удобнее избавиться от главного конкурента сейчас. Тогда Консулом станет кто-то менее способный и, потратив целый год на обогащение себя и изучения системы управления, не сможет тягаться на следующих выборах с ди Нери!

Он закончил так резко, будто поставил размашистую точку, залпом осушил бурдюк и с размаха кинул его на пол.

— Хм... — задумался бард. — Это все звучит очень убедительно, но ты уверен, что именно так и рассуждал Господин ди Нери. И что все это понял Господин Патрик Хюльд?

Руд развел руками:

— Это, мой друг, мы узнаем, лишь когда приедем в Эйкдам. Если ди Нери, еще там будет, конечно, — констебль грустно усмехнулся.

Ян неодобрительно покачал головой.

— И все же, я не могу понять. Даже если Господин Патрик нанял колдуна, чтобы защитить отца от возможной опасности, то почему колдун убил Господина мэра Штельбурна? Зачем это нужно было?

— Да уж... вопрос не такой простой, как кажется, — констебль в задумчивости почесал щетину. — Мотив-то понятен — помочь отцу на предстоящих выборах. Однако на деле никто не мог составить серьезную конкуренцию Хюльду. Могу предположить лишь следующее — некоторым людям, имея оружие, трудно побороть соблазн пустить его в ход.

Произнеся это, Руд замолчал и уставился в окно. Ян не тревожил его, стараясь осмыслить услышанное.

Руд вдумчиво читал потрепанную книгу. Уже не первую за время путешествия. Барду было интересно, что же читает констебль, де Йонг, к слову, этого не скрывал, однако ни «История Лудестианских погромов», ни «Чума в западном-ильзансе», ни уж тем более «Черный алхимик Риэдона» не смогли заинтересовать впечатлительного юношу, предпочитающего более теплые и добрые истории. Поэтому в поездках Ян обычно глядел в окно, сочиняя новые баллады.

Так было и в тот момент, когда он увидел двух мерно цокающих лошадок и их всадников. Все бы ничего — привычная картина для оживленного тракта, если бы не лютня за спиной одного из путешественников.

— Стойте! Остановитесь, пожалуйста! — закричал юноша кучеру, едва не вывалившись в окно.

— А? Что произошло? — дернул головой Руд, но его друг уже выскочил из кареты.

Ян быстро догнал удивленных всадников и выпалил, пристально глядя в глаза своему коллеге по цеху:

— У вас прекрасная лютня. Я тоже хотел бы иметь инструмент работы Лоренцо ди Ватте.

Светловолосый бард с аккуратно подстриженной бородкой заинтересовано посмотрел на Яна и повернулся к своему спутнику:

— Я на минутку, подержи пожалуйста поводья, — он лихо спрыгнул с лошади и жестом предложил юноше пройтись. Когда же они отошли подальше от чужих ушей, мужчина ответил: — Инструменты мастеров, мой друг, несравнимы ни с чем. Но жизнь в них вдыхает лишь душа владельца. Без своего менестреля даже самая изысканная лютня — лишь кусок дерева. Гирд Крезье, к вашим услугам.

— Хвала Всевышнему, вы из братства! — восхищенно выпалил Ян, но тут же осекся под суровым взглядом старшего товарища. — Прощу прощения, — уже тише добавил он. — Мое имя Ян ван дер Веттелик. Если возможно, я хотел бы попросить о помощи.

— Для этого братство и существует, — улыбнулся Гирд. — Я слушаю вас, мой друг.

— Если это возможно, я хотел бы передать кое-что для господина Гроссмейстера Ордена Щитов Брэндона.

— Хм... — задумчиво произнес его собеседник. — Думаю это возможно. Дело срочное? — серьезно произнес он.

— Очень, — кивнул Ян.

— Тогда точно возможно. И что же Господину Гроссмейстеру передать?

— Колдун, которого мы искали, скорее всего в Эйкдаме. Скорее приезжайте.

Гирд внимательно его выслушал и деловито кивнул:

— Это все?

— Да.

— Не беспокойтесь, мой друг. Господин Гроссмейстер в кратчайшие сроки получит ваше послание.

Он поклонился и быстрым шагом направился к своей лошади. А через несколько минут двое всадников уже неслись галопом вдаль.

— Твой знакомый? — поинтересовался Руд, когда Ян вернулся, и карета продолжила путь.

— Можно и так сказать, — улыбнулся юноша.

Поздно вечером друзья оказались у закрытых ворот Экдайма. Руд вышел из кареты и, задрвав голову, пронзительно свистнул. На стене послышался шорох и ворчание, вскоре показалась заспанная рожа мушкетера.

— Ворота до утра закрыты! Свисти-несвисти — не поможет, — пробубнил он, маша перед собой лампой и пытаясь разглядеть лицо негодяя, нарушившего его сон.

— Кто это у нас такой дерзкий спит на посту! — крикнул в ответ Руд. — Специального констебля домой пускать не хочешь?

Охранник всполошился и начал пристальней вглядываться во тьму. Затем, признав де Йонга, тихо чертыхнулся и побежал вниз, выкрикивая приказы.

Ворота открылись через пару минут.

— Прощу прощения, господин Специальный Констебль, — без устали кланялся

мушкетер. — Не узнал во тьме.

— Пустое, — махнул рукой Руд, направляясь к корете.

— Господин Специальный Констебль, — вновь окрикнул его охранник. — У меня к вам послание?

— Послание? Уже? — удивился Руд.

— Господин заместитель мэра еще вечером велел передать вам, как появитесь, чтобы без промедления отправлялись к нему.

— Вот как... — хмыкнул констебль. — Что ж, спасибо.

Стражник откланялся и поспешил на пост. Руд подошел к вознице и, обозначив маршрут, вернулся в карету.

— Старина Флорис срочно к себе вызывает, — сообщил он барду, едва экипаж тронулся.

— Господин Одвасбер? Что случилось? — встревожился Ян.

— Скоро узнаем.

По пустынным улицам они быстро добрались до особняка Одвасбера. Стоило карете остановиться, Руд тут же спрыгнул на землю и бойко зашагал вверх по ступеням крыльца. Ян поспешил следом.

— Господин де Йонг, Господин ван дер Веттелик, — поклонился им дворецкий, выбежавший на шум экипажа, — проходите.

Они проследовали за пожилым мужчиной в гостиную, где горничные убирали со столов блюда и чашки.

— У вас бы праздник? Что за повод? — Руд вопросительно взглянул на дворецкого.

— Если бы праздник! — услышал он знакомый насмешливый голос и, обернувшись, увидел приближающегося Флориса Одвасбера. — Совсем недавно выгнал этих болванов из Магистрата, — заместитель мэра оглядел гостиную, чертыхнулся и махнул рукой, призывая следовать за ним. — Пойдемте в мой кабинет!

Они поднялись по широкой лестнице и прошли в правое крыло по украшенному картинами коридору. За последнее время Ян понял, что дома почти всех влиятельных людей выглядят очень похоже. Когда он обсуждал это с Рудом, констебль лишь пожал плечам, сказав что-то про «поддержание собственного товарного вида».

Флорис уселся на софу и велел, следовавшему за ним дворецкому разлить всем вина. Ян конечно же отказался, и мужчина пришлось бежать вниз за компотом для привередливого гостя.

— Так что же все-таки произошло, Господин Флорис? — обратился к старику Руд, присаживаясь рядом с огромным, заваленным книгами столом.

— Этот чертов Сальваторе исчез! — безапелляционно заявил заместитель мэра.

— О-о-о-о... задумчиво протянул Руд.

— К черту твое «о-о-о-о»! — выругался Одвасбер. — Представляешь, отправился днем домой, а на заседание Магистрата не явился! Хотя Родриго говорит, что пообедав, пошел обратно.

— Родриго? — Ян оторвал взгляд от портрета молодого Флориса, занимавшего едва ли не половину стены.

— Его младший брат, — нетерпеливо пояснил старик и вновь повернулся к Руду. — Эти придурки, мои, так сказать коллеги, давай охать и ахать! Чтобы как-то их успокоить, пришлось пригласить к себе. Черт! После смерти Арона они совсем от рук отбились!

Думают только о себе!

— С этим все ясно, — заверил его Руд. — Что с ди Нери? Получается он просто ушел из дома и пропал? Как идут поиски?

— Да, так и получается! — старик махом осушил бокал. — В такое-то время! Все констебли его ищут. Привлекать гарнизон я запретил. Нечего народ пугать, и так все о норхертрокцах на каждом углу шепчутся. Хвала Всевышнему, вы хоть приехали! Честно сказать, я и не надеялся на это.

— Да уж, мы вовремя, — покачал головой Руд, поднимаясь с места.

— Ты куда? — опешил Флорис.

— Искать ди Нери. Для начала пройду путь от ратуши до его дома, может что интересного увижу.

— Пустое, — скривился старик. — Констебли уже несколько раз взад-вперед пробегали.

— Но мы не они.

Он поклонился Одвасберу и вместе с Яном отправился к выходу, столкнувшись в дверях с дворецким, принесшим компот.

Возле ратуши дежурили двое мушкетеров. Увидев приближающихся, они насторожились, но узнав специального констебля расслабились. Отдав честь Руду, стражи потеряли к нему всякий интерес.

Мьель спрыгнул с плеча Яна и принялся тщательно обнюхать площадь. Бард его пару раз окрикнул, но кот не обратил на это никакого внимания.

— Оставь его, — предложил де Йонг. — Не маленький. Не потеряется.

Руд встал спиной к лестнице ратуши и медленно двинулся вперед, то и дело переводя взгляд внимательных глаз с одной стороны улицы на другую.

— Что ты думаешь здесь обнаружить? Ночью? — спросил идущий рядом Ян.

— Хоть что-нибудь, что может нам помочь, — пробормотал констебль. — Или ты предлагаешь пойти домой и лечь спать?

— Нет конечно, — смутился бард.

Они пересекли всю площадь и двинулись по широкой улице, ведущей к портовому кварталу. Руд прекрасно знал, где живет Сальваторе ди Нери, и уверенно шел вперед. Ян семенил за ним, вертя головой налево и направо.

— Мьеля нигде не видно, — обеспокоенно произнес он.

— Не потеряется, — уверенно повторил Руд.

Они прошли почти до самой границы Центрального квартала и остановились перед двухэтажным домом. Он совершенно не выделялся на фоне остальных домов, не был украшен ни фонтанами, ни статуями, ни окружен цветущим парком. Самый обычный дом среднезажиточного эйкдамца, на манер того, где жила семья ван дер Веттеликов.

— Здесь живет ди Нери? — удивился Ян.

— Да, — кивнул Руд, развернулся и двинулся в обратном направлении, все так же внимательно изучая темную дорогу, деревья и осматривая каждый дом.

— Мы не зайдём?

— Нет. По крайней мере, не сейчас.

Они медленно шли в сторону городской площади, когда в траве что-то зашуршало. Ян напрягся, и облегченно выдохнул, увидев рыжую макушку Мьеля.

— Мяу! — твердо произнес кот.

— Что такое? — поинтересовался Руд.

— Говорит, здесь колдун напал на Господина ди Нери, — ошарашенно выпалил бард.

— Мяу! Мяу! Мяу!

— Похоже, он использовал то же заклинание что и... — Ян замялся. — Что и на нас.

То, которое подавляет волю.

— А дальше заставил ди Нери идти, куда ему нужно, — предположил Руд, глядя на кота. Кот мотнул головой.

— Мяу!

— Говорит, заставил сесть в карету.

— То же мне разница, — буркнул констебль и снова повернулся к Мьелю. — Ты можешь проследить направление?

Мьель самодовольно мяукнул и побежал в сторону портового квартала.

— Сказал, что может, — перевел Ян.

— Мог бы не пояснять, — улыбнулся Руд, побежав следом.

Они спустились по лестнице, оказавшись в самых дебрях портового квартала. Освещения здесь не было, и идти приходилось практически наощупь.

— Черт! Будь проклято это грязное место! — ругался де Йонг, наступая не то в помой, не то во что-то похуже.

Они прошли мимо ветхих, натяканных друг на друга хибар и вышли на причал, где было куда больше света от месяца и многочисленных звезд.

— Прямо романтическая прогулка под ночным небом, — подняв голову, усмехнулся Руд.

— Мяу! — крикнул бегущий впереди кот.

— Просит не отвлекаться, — пояснил бард.

Миновав доки и склады, кот вновь юркнул в темный переулок. На этот раз ненадолго, вскоре месяц вновь осветил дорогу, а Мьель остановился метрах в пятидесяти от полуразрушенного и подгнившего дока.

— Где это мы? — удивился Ян.

— В Старых доках, — пояснил Руд. — Как я слышал, их уже лет десять не используют. Было проще построить и оборудовать новые, чем пытаться довести до ума это наследие предков. Они здесь? — он посмотрел на кота. Мьель одобрительно кивнул. — Сколько?

— Мяу. Мяу-мяу. Мяу.

Руд вопросительно взглянул на барда.

— Похоже, что трое. Как я понял, — на мгновение задумался Ян. — Господин Патрик и Господин ди Нери точно там. Внутри.

— А колдун? — нахмурился констебль.

— И он там, но из-за того, что вокруг все пропитано его Жаждой, точное местоположение Мьель сказать не может.

— Ясно, — серьезно кивнув, де Йонг погрузился в размышления.

— Что будем делать, Руд? — обеспокоенно спросил юноша. — Нападем?

— Очень рискованно, — покачал головой его друг, — один на один против колдуна я совершенно бесполезен. Да и вообще, не уверен, что в городе найдется хоть кто-то, кто сможет выстоять против него. Остается только следить издали...

— Но ведь с Господином ди Нери может случиться беда! — возмутился Ян.

— Может, — согласился Руд. — А что прикажешь делать? Ты говорил, что отправил

весточку щитоносцам. Когда они придут?

— Не знаю... — развел руками бард.

Руд поднял голову к звездному небу. Он крепко сжал зубы, а затем резко сплюнул. Повернувшись спиной к товарищу, констебль сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться.

— Мяу, — взволнованно произнес кот.

— Обойдусь без твоих утешений, — не оборачиваясь, махнул рукой де Йонг.

— Нет, Руд, это...

Ян сдавленно хрипнул, не успев закончить фразу. Руд резко дернулся, пытаясь развернуться, но замер на середине пути.

Ему было знакомо это чувство. Ничтожное осознание того, что ты гость в своем теле. Ни один член, ни одна мышца не подвластны тебе. Но в отличие от прошлого раза сейчас все было куда хуже. Чужая Жажда, растекающаяся по жилам, даже не позволяла открыть рот, чтобы выругаться или хотя бы удивиться.

Как оловянный солдатик в руках ребенка, Руд повернулся, направляемый колдуном. Человек в черном балахоне стоял метрах в двадцати от них. Молча развернувшись, он зашагал в сторону полуразрушенного дока. Обе его жертвы, перебирая одеревеневшими ногами, проследовали за своим пленителем.

Это место напоминало кучу мусора, окружённую чем-то, некогда называвшимся стенами, и накрытую отлично вентилируемой крышей с видом на звездное небо.

В центре «помещения» хлама было больше, островки условной чистоты можно было обнаружить только с краю. На одном из таких островков горело три свечи, а на стене рядом висел подвешенный на крюк за связанные руки господин ди Нери.

Если бы Ян мог издавать звуки, он непременно бы ахнул, настолько ужасным был вид градоначальника Эйкдама. Одежда Сальваторе была изрезана и заляпана запекшейся кровью, лицо распухло.

Его мучитель стоял рядом, улыбаясь и поигрывая ножом. Патрик Хюльд тоже был в крови, но, в отличие от ди Нери, в чужой.

Едва колдун вошел, ведя своих пленников, сын бывшего мэра Льорисау повернулся к ним. Увидев Яна, он подбежал к нему и поднял голову юноши за подбородок.

— Кого я вижу! Ян ван дер Веттелик! — восторженно воскликнул Патрик. — Хорошо, что вы пришли. Отпусти их, Грэгор.

Из-за глубокого капюшона бард не видел лица колдуна, но был уверен, что в тот момент его исказила гримаса жуткого неудовольствия. Правда всё же секундой позже Жажда, поддерживающая Яна, покинула молодое тело, и бард тряпичной куклой упал на грязный пол. Рядом рухнул и Руд.

— Прошу прощения за недружелюбный прием, — Патрик помог барду встать и даже отряхнуть камзол, после чего вернулся на прежнее место, рядом со своей жертвой. — Сами понимаете — чужой город, мало ли кто может войти...

— То есть мы тебя не смущаем? — кряхтя, поднялся на ноги констебль.

— Отчего же вам меня смущать? — искренне удивился Патрик. — У нас же общий враг! Вот этот мерзавец! — Хюльд с размаху полоснул ножом по груди ди Нери. Мэр Эйкдама не издал ни звука. Сознание и силы давно покинули его изувеченное тело.

— Что вы делаете! — воскликнул Ян и подался вперед, но крепкая рука констебля остановила его. Повернувшись, бард увидел пылающие гневом глаза своего друга.

— Его вина еще не доказана, — процедил Руд.

— И что же? — изумленно спросил Хюльд. — Ведь все мы прекрасно знаем, что это он подсылал убийц к вашему мэру и... — он замолчал и стиснул зубы, а на глазах молодого человека сверкнули слезы. — И к моему отцу, — тихо закончил Патрик.

— Пока нет прямых доказательств, нельзя выносить приговор, — твердо произнес де Йонг. — Это нарушает законы всех кантонов Лудестии.

— Плевал я на законы! — воскликнул Хюльд. — Месть — вот мой главный закон! — он вновь полоснул безжизненное тело.

— Кровная месть давно запрещена в этой стране! — повысил голос Руд.

— И что? — надменно хмыкнул Патрик. — Меня кто-то остановит?

Констебль ничего не ответил, вместо него Ян сделал шаг вперед и тихо пролепетал:

— Господин Патрик, а вдруг вы ошибаетесь? Вдруг Господин ди Нери не виновен ни в смерти Господина Арона ван Мейера, ни в смерти вашего отца...

Молодой человек захлопал глазами, обескураженно глядя на барда.

— Как не виновен? О чем вы говорите, Ян? Кто же тогда, если не он?! Ну?! Кто?!

— Я... Я не знаю, — опустил глаза бард.

Хюльд скривился и досадливо сплюнул на пол.

— Поверить не могу, что вы защищаете это чудовище...

— Мы его не защищаем, — медленно произнес Руд. — Мы просто чтим законы и предотвращаем самосуд.

— Ничего у вас не выйдет, — бросил Патрик. — Раз вы не со мной, значит против меня! И в таком случае, вам не уйти отсюда живыми. Грэгор!

По команде своего нанимателя колдун взметнул правую руку, растопырив пальцы, будто когти. Ядовитая, мерзкая Жажда в мгновение ока окутала тело Яна. Тщетно он пытался остановиться, когда поворачивался к своему другу. Впустую пытался кричать, зря силился подчинить себе свои же руки. Ни когда они тянулись к шее констебля, ни когда они сжимались на его горле...

— Bravo, Грэгор! — радостно хлопал в ладоши Хюльд. — Правильно! Пусть он убьет своего друга! Пусть страдает! А потом мы покончим с ним!

Ян видел, как краснеет лицо констебля, чувствовал, как под его пальцами пульсируют вены, но ничего не мог поделать. Демонический смех обезумевшего человека звоном погребального колокола гремел в его ушах. Слезы бессилия хлынули из глаз молодого барда, но ни остановить их, ни даже всхлипнуть он уже не мог...

По земле стремительно пронеслась крошечная фигура, что-то доброе, теплое и такое знакомое отяготило плечо барда.

— Кот? — услышал он голос Хюльда. — Что он здесь де-ела-а-ае-е-е-е...

Звуки слились в единый гул, мир вокруг словно превратился в тягучую трясину, но отчего-то светлую и нежную, как утреннее небо. Короткий миг обернулся бесконечностью...

— Эх вы, — услышал Ян голос Мьёля. — С жалким колдунишкой вдвоем справиться не можете! Позор на головы ваших предков.

— Мьель? Что здесь происходит?

— Впрочем другого я от вас и не ожидал, — не обращал на него внимания кот. — Эх, что за идиоты?! Поперлись сломя голову на свою погибель... — голос зверя смягчился. — Но это в вас мне и нравится! Наше совместное путешествие пусть и было не долгим, но... Нс я буду помнить его всю свою бесконечную жизнь.

— Да о чем ты говоришь?! — вновь попытался докричаться до кота бард.

— Ян! — резко оборвал Мьель. — Я не могу позволить вам погибнуть здесь. Считаю это моей прихотью, но я помогу вам. Я открою для тебя твой Природный Дар. Ты сможешь использовать его. Не так, как в битве с ограином — по-настоящему. Но это заберет у меня слишком много сил. Слишком много... — тихо повторил кот, но тут же бодро добавил: — Я не смогу больше защищать ее. И я доверю ее вам. Цени это, Ян. Ты знаешь, я не особо жалую ваш род. До недавних пор совсем не жаловал, но теперь... Спасибо, Ян... Защити ее. Передавай ей привет. И передай крашенному, что если заставит ее плакать, я найду способ вернуться, и тогда он пожалеет...

— Крашенному? — Ян почти не понимал, о чем говорит его кот, но знал — Мьель прощается.

— Твоему дружку констеблю, — хмыкнул кот.

— Мы еще увидимся? — тихо спросил бард.

Мьель не ответил.

Внезапно мир вновь обрел свои черты. Ян все так же сжимал шею Руда, однако теперь он знал — они спасутся. Напрягаясь изо всех сил, юноша смог скосить взгляд, чтобы в последний раз увидеть другого своего друга.

Кот посмотрел ему в глаза, дернул лапой, оставив на щеке барда заметную царапину. Улыбнулся и...

Засиял. Яркий свет вскоре полностью скрыл фигуру Мьеля и через несколько мгновений заполонил всю комнату. Ян слышал, как недоуменно вопит Патрик Хюльд, как что-то бормочет колдун, как кричат Руд. Но не мог отвести взгляд от пульсирующего сияния. А оно все усиливалось и усиливалось, пока на него стало невозможно смотреть. Бард зажмурился и...

Ян открыл глаза и увидел уже привычный и любимившийся ему мир с сочной травой и чистым ярко-голубым небом. Задрав голову, он посмотрел на одинокое облако. Пение птиц и чей-то смех ласкали его слух.

Внезапно осознав, что впервые слышит здесь звуки природы, он удивился. Но еще больше удивился, когда понял, что трава скрывает его с головой. Бард хотел вскочить на ноги, но тело совершенно его не слушалось.

Трава зашелестела. Его голова повернулась, и он увидел приближающегося к нему огромного тигра. Ян испугался, но тело даже не дрогнуло.

— Привет, Мьель, — нежным голосом произнесла тигрица. — Опять о чем-то мечтаешь?

— Здравствуй, Шера, — ответил рот барда. — Давно не виделись.

— Ха. Будто время здесь что-то значит, — кот не ответил. Тигрица подошла ближе. — Пойдем со мной, — заискивающе предложила она, — Бьяко и Сейрю вновь что-то не поделили! Всегда интересно посмотреть на их перепалки!

— Да брось ты, — хмыкнул кот, поднимаясь. — Я уже тысячи раз это видел.

— Куда ты? — удивилась тигрица, глядя вслед удаляющемуся коту.

— Ты знаешь, — хмыкнул он.

— А... — протянула Шера. — Знаю. И рада за тебя.

Кот обернулся и удивленно уставился на нее.

— Впервые кто-то смог услышать тебя, — пояснила тигрица. — Цени это. Ее жизнь

лишь мгновенье. Неизвестно, когда еще родится кто-то подобный.

— Мне достаточно и ее.

— И я надеюсь, что ее будет достаточно, чтобы вразумить тебя. Чтобы ты понял — люди не так уж плохи. И нам, Духам, незачем их ненавидеть.

Кот молча склонил голову и побрел вперед. Когда смех и голоса стали уже едва различимы, он вскарабкался на дерево и устроился на толстой ветке. Глубоко вдохнув, Мьель закрыл глаза.

Сквозь закрытые веки струился свет, медленно складывающийся в четкую картину: просторный кабинет, письменный стол и убитый человек. Он так и остался сидеть на своем стуле, уткнувшись головой в разлитые чернила.

Тревога заполнила сердце Мьеля. Он принялся вглядываться в эту картину, пытаясь найти ее. Но ее не было. Пока что.

Сдавленный крик достиг его ушей, и вскоре появилась она. Молодая девушка в длинном ночном платье вбежала в комнату. Она застыла у самого края картины, не в силах сдержать слезы. Затем бросилась вперед и обняла убитого.

— Папа! Папа! — повторяла она сквозь рыдания, качая на руках безжизненное тело.

— Розамунда! — позвал ее кот. — Ты слышишь меня?! Розамунда! — но она не слышала.

Кот дернул носом и учуял приближающийся запах. Их было двое. И пахли они так же, как те, кто раньше был в комнате...

— Розамунда!!! — что есть мочи закричал Мьель. — Беги, Розамунда!

Девушка рыдала, позабыв обо все на свете. Скорбь затмила ее глаза и заполнила разум. Ей больше не было дела ни до чего, что происходит вокруг. Лишь горечь утраты оставалась единственным доступным ей чувством.

Между тем, убийцы ее отца были уже близко. Кот продолжал кричать, но все было тщетно.

— Что же это такое! Розамунда!!! Услышь меня уже!!!

Он ринулся вперед, как в водную гладь, войдя в увиденную картину. Картина засияла, но лишь на мгновенье. В комнату ввалились двое мужчин с замотанными тканью лицами и одетыми сплошь в черное.

— Кошка? — изумленно произнес один из них по-грубарски, проводив взглядом выпрыгнувшее в окно животное. — Мне казалось, здесь был кто-то еще.

— Никого нет. Уходим, — велел другой.

Ян открыл глаза. Яркий свет, запленивший весь полуразрушенный док, все так же пульсировал, медленно сжимаясь в один плотный сгусток.

Резко дернувшись, этот сгусток ударил Яна в грудь.

В тот же момент Мьель, продолжая сиять, прыгнул с плеча барда. Он медленно, словно левитируя, опускался вниз, изменяясь на глазах: тело и лапы вытягивались, хвост исчезал, морда трансформировалась.

На холодный пол вместо кота мягко опустилась девушка со светлыми локонами и в длинном ночном платье.

Свет окончательно погас. Изумленный Хюльд и колдун глядели на бесчувственное тело. Хотел увидеть ее и Руд, тщетно пытаясь подчинить своей воле хотя бы глаза.

Ян же не мог позволить себе отвлечься. Возможность, подаренная Мьелем, слишком

дорого стоила его четвероногому другу. И бард не собирался ее терять.

Юноша чувствовал, как по его телу струится тепло. Его тепло и его энергия. Но кроме того он ощущал и темный барьер едкой Жажды, блокирующей Природный Дар.

Однако теперь он знал — в нем есть силы, и он может их использовать. Прекрасно чувствуя свой Дар, юный бард попытался подчинить его, направить вверх. И Дар поддался. Ян смог раскрыть рот. Слова сами складывались в строки. Бард словно знал, что он должен делать. Что он должен петь.

Огненный закат хоронит день,
Вечер настает.
В городе моем мелькнула тень,
Он за мной идет.

Колдун дернулся, повернув укрытую капюшоном голову к Яну. Бард продолжал:

За версту я чую зло его,
Жажда горло жжёт.
Больше не осталось ничего,
Смерть за мной ползет.

С каждым пропетым словом Ян чувствовал, как его Дар вытесняет из его тела чужую Жажду, как медленно возвращается способность шевелить пальцами, как выпрямляется спина...

Чувствую затылком ее смрад,
Волосы мои уж встали дыбом,
Словно пойманный, как беглый раб,
Вскоре окажусь в сырой могиле...

Он полностью подчинил свое тело и, гордо подняв голову, сделал шаг вперед.

НЕТ! Не будет этого сейчас!
Сердце мое еще бьется!
Голову задрав, завыв и зарычав,
Буду я с тобой, злодей, бороться!

Колдун попятился назад, едва не упав. Ян же продолжал напирать, вкладывая всего себя в каждое слово.

Ни за что не проиграю я!
Мне не по карману эта роскошь!
Даже если окажусь у края я,
Выдержу...
А ты падешь!

Словно гром прогремели последние строки. Вложив весь Природный Дар в эту песню,

Ян лишился сил. Бард покачнулся и начал падать. Глаза закрывались... но перед тем как упасть, он услышал лязг меча и увидел ринувшуюся вперед фигуру Руда.

Тигрица подошла к одинокому дубу и подняла голову вверх.

— Добро пожаловать домой. В Поля Духов, — жизнерадостно произнесла она.

— Рад тебя видеть, Шера, — широко улыбнувшись, кот спрыгнул с дерева и подошел к ней. — Чего нового в Полях Духов.

— Хи, — ласково усмехнулась она. — Что тут может произойти? На этот раз Сузаку и Генбу устроили перебранку.

— От этих Великих Хранителей постоянно одни не приятности, — рассмеялся кот.

— Гляжу, ты в хорошем настроении, — заметила Шера. — Твое путешествие было успешным?

— Да, — тихо ответил Мьель. — Более чем.

— Что ж, пойдём, расскажешь подробности, — она положила ему на спину лапу, едва не придавив своего собеседника. — Все равно ты, пока не восстановишь силы, не сможешь общаться со своими новыми друзьями. А уж чтобы вновь бежать им на помощь...

— Не волнуйся, — хмыкнул кот, вылезая из-под ее лапы. — Они справятся. Некоторые люди и в самом деле чего-то стоят...

Брызнула кровь, и голова колдуна, ударившись о холодный пол, покатила куда подальше от тела своего хозяина. Мгновением позже мертвые ноги подкосились, и само тело рухнуло.

Руд тяжело дышал, пытаясь прийти в себя. Едва чужая Жажда покинула его тело, он ринулся вперед, чтобы уж наверняка покончить с колдуном. Лишь единственная мысль в тот миг гремела в его голове. Почти единственная...

Он молча обернулся и посмотрел на нее. Бледная, лишенная сил и чувств, она, казалось, заснула навеки, однако мерное, едва заметное дыхание успокаивало. Она была жива.

— Вот значит как... — тихо прошептал он, не отрывая от нее взгляда, и улыбнулся. — Надежно же тебя спрятал этот мохнатый.

Конечно же она не ответила. И, скорее всего, даже не услышала его слов. Но ему было все равно. Он рад был увидеть ее здесь, а ни где-то далеко в несуществующем мире.

Противный щелчок вырвал Руда из нежных объятий его счастливых мыслей. Быстро повернув голову, он увидел дуло пистолета. Патрик Хюльд сжимал огнестрел двумя дрожащими руками, выпятив изумленные глаза:

— Б-б-бр-р-р-р меч! — с трудом выдавил он из себя.

— А не то что? — нахмурившись, сделал шаг вперед де Йонг. — Выстрелишь?

— Д-д-да! К-к-конечно! — взвизгнул его противник.

— Готов ли ты к этому? — сделав еще один шаг, хмыкнул констебль. — Готов рискнуть своей шкурой, тыча в меня пистолетом? Я уже не беззащитный мешок костей. Не убьешь с одного выстрела, и твоя голова полетит вслед за башкой твоего пса, — коротким кивком он указал на то, что осталось от колдуна.

— Н-н-не н-н-не подходи! — выкрикнул молодой человек, попятившись назад.

— Брось ствол, щенок. И, возможно, твоя семья избежит позора. Подумай о них. С тобой все ясно, но имя Хюльдов все еще чисто. Мученическая смерть от лап безумного колдуна и публичная казнь за содействие этому колдуну — разные вещи. Брось оружие, и

твои родные никогда не узнают, что же ты на самом деле за фрукт.

Парень колебался. Руд сделал еще один шаг, глядя ему прямо в глаза. Затем еще один. И еще раз.

— Ну же, давай... — тихо прошептал он. — Будь хорошим мальчиком, не заставляй свою мать еще больше страдать.

Руки Патрика начали медленно опускаться. Сердце молодого человека бешено колотилось и рвалось из груди. С огромным трудом слова Руда достигли его ушей. Тронули его душу. Теперь все должно закончиться...

— КАР!!! — голос городской вороны набатом разнесся по заброшенному доку.

Патрик дернулся, словно душевнобольной, и спустил курок.

Меньше секунды потребовалось Руду, чтобы среагировать. Не думая, он отклонился вбок, до того, как палец Хюльда полностью спустил крючок. Дуло пистолета изрыгнуло пламя и порох. Пуля вырвалась наружу и пронзила плоть специального констебля.

Охнув, он схватился за левый бок. Одежда стремительно намокала, впитывая свежую кровь. Руд сдавленно усмехнулся, искоса поглядев назад, где за его спиной тихо посапывала белокурая девушка.

Впереди послышался грохот. Переведя взгляд, де Йонг увидел побелевшего Патрика Хюльда, который, раскинув ноги в разные стороны, сидел на полу.

— Идиот, — пробормотал Руд, подходя к нему вплотную. — А если бы она пострадала?

Не дожидаясь ответа, констебль с размаху ударил молодого человека рукоятью меча. Патрик обмяк, потеряв сознание.

Руд развернулся и поковылял к ней. Убрав меч в ножны, он подошел вплотную к девушке, нагнулся и...

— Эй! Очнись, — хлопнул он ее ладонью по щеке. — Подъем! Будешь разлеживаться на холодном полу, все прелести простудишь! Вставай, кому говорю!

Но сколько бы он не хлестал ее, девушка не реагировала.

— Ну что за невезение, — пробормотал констебль. — Раненному человеку с этой фишкой возиться приходится... Смотри, замараешь ночнушку моей кровью, я не виноват!

Он осторожно приподнял ее правой рукой и закинул на плечо. Пытаясь выпрямиться в полный рост, Руд сдавленно ахнул:

— Ах...Черт! Больно!

Но всё же он поднялся на ноги и зашагал к выходу. Именно в тот момент констебль услышал приближающийся топот копыт, фыркание и ржание. А через минуту в полуразваленный док вбежали уже знакомые ему щитonosцы, возглавляемые гроссмейстером и размахивающим фонарем запыхавшимся стариком Одвасбером.

— Вы как раз во время, — поприветствовал их де Йонг. — Ничего не пропустили.

Руд сидел на кресле рядом с просторной кроватью, не отрывая взгляда от девушки. Он осторожно держал ее прохладную ручку, любясь безмятежным красивым лицом. Временами специальный констебль поправлял невидимые складки на покрывале, после чего снова садился в кресло.

В дверь постучали. Руд неохотно повернул голову:

— Войдите.

В дверном проеме показался дворецкий Одвасбера. Мужчина поклонился и обратился к гостю:

— Господин де Йонг, Господин ван дер Веттелик пришел в себя.

Руд улыбнулся и поднялся с кресла. Поморщившись, он приложил руку к раненому боку.

Пройдя по коридору мимо нескольких закрытых дверей, они остановились возле открытой. Заглянув внутрь, Руд увидел любезничающую с Яном горничную. Заметив констебля, девушка поклонилась и покинула комнату.

— Рад видеть тебя в сознании, — поприветствовал друга констебль, заходя внутрь. — Честно сказать, я немного волновался из-за того, что ты столько времени не приходил в себя. Ни когда тебя везли на лошади, ни когда целитель щитоносцев скакал вокруг твоей кровати.

— Привет Руд, — улыбнулся бард. — Меня лечил целитель? — удивился он.

— Нет. Он сказал, что с тобой все в порядке. Нужно лишь отдохнуть и набраться сил. Как ты себя чувствуешь?

— По правде говоря — не очень, — смутился юноша. — Ощущаю себя иссыкшим родником.

— Я не удивлен, — хмыкнул констебль. — Ты здорово постарался, чтобы спасти нас. Только благодаря тебе мы все еще живы.

Бард, покраснев, отвел взгляд.

— Но ты ранен, верно? — тихо спросил он.

Руд удивился, но не показал виду.

— Верно, — ответил констебль. — Но рана не опасная, и благодаря целителям Ордена почти затянулась.

— А господин ди Нери? — быстро спросил Ян. — Он жив?

— Жив, — кивнул де Йонг. — Но пока не приходил в себя. Ему очень крепко досталось. Если бы мы пришли позже, или если бы Орден задержался, то он бы не выжил.

— А... — начал было бард, но смутился. Сделал глубокий вдох и, поборов себя продолжил. — А что с Розамундой? Она пришла в себя.

Руд изучающе посмотрел на своего друга. Задумался. И через минуту ответил: — Нет. Пока нет. Но целитель осмотрел и ее. Не волнуйся, скоро она очнется, и мы сможем поговорить.

— Надеюсь, — улыбнулся бард. — Я хотел бы взглянуть на нее, — он попытался встать.

— Тебе лучше остаться в постели, — запротестовал Руд.

— Да все хорошо. Ты ведь мне поможешь.

Бард встал на ноги и едва не упал. Де Йонг успел подхватить его. Неодобрительно покачав головой, констебль перекинул руку юноши через плечо и вместе с ним покинул комнату.

— Мы в доме господина Флориса? — уточнил Ян, разглядывая полотна, украшавшие коридор.

— Да. Когда в город прибыли щитоносцы, ему сообщили об этом первому. Вместе с ними старик отправился за нами.

— Как они узнали, куда идти?

— Смеешься? — удивился столь очевидному вопросу Руд. — Твой Дар, наверное, можно было почувствовать откуда угодно в городе. Для Гроссмейстера Ордена это уж точно проблемой не стало.

— Надо будет поблагодарить его за помощь... — задумчиво произнес бард.

— Поблаговаришь когда-нибудь, — хмыкнул Руд. — Сейчас их уже здесь нет. Старик

Флорис любезно предложил разместить всех раненных в своем доме. Щитonosцы помогли, подлатали меня и ди Нери, забрали тело колдуна да юнца Хюльда, после чего с чувством выполненного долга покинули город.

— Так скоро?

— Их не интересуют разборки между людьми. Их профиль — защита людей от чудовищ. Особенно сейчас, когда над Лудестией нависла угроза с Севера, — друзья подошли к комнате девушки, и Руд быстро добавил: — Но не будем об этом сейчас.

А Ян уже и не слышал его последних слов. Он смотрел на белоснежное лицо девушки на то, как мерно поднимается одеяло от ее тихого дыхания. Смотрел на нее так, будто бы видел в первый раз, не в силах отвести взгляда.

Аккуратно отстранившись от друга, Ян заковылял к ней и упал на колени возле ее кровати.

— Роза... — тихо позвал ее бард, но она не услышала.

— Кхе, — кашлянул Руд и юноша, вздрогнув, повернулся к нему.

— Мьель просил заботиться о ней, — твердо произнес Ян.

— Мог бы и не просить о столь очевидных вещах, — фыркнул де Йонг.

— Мы должны защищать ее, пока полностью не докажем ее невиновность.

— Разумеется, — кивнул Руд, после чего добавил: — Вот же мохнатый пройдоха. Столько скрывал от нас ее... Вот же...

— Он все правильно делал, — перебил его бард, вспомнив свое видение о Мьэле и мире духов. — Она была важна для него. Намного важнее других людей. Поэтому он должен был сначала проверить нас, прежде чем раскрыть свой секрет.

— Да-да-да, — тяжело вздохнул де Йонг, затем улыбнулся и, подойдя к Яну, положил тому руку на плечо. — Мохнатый берег ее до самого конца. Пришла наша очередь.

Юноша ничего не ответил, только решительно кивнул.

— Рутгерс?.. Ян?.. — услышали они усталый, тихий голос и быстро повернулись. Ее ясные глаза излучали тепло. Девушка нежно смотрела на них, протягивая к своим спасителям руку. Ян хотел уже взять ее за руку... но Руд, мгновенно оказавшись рядом с девушкой, опередил барда.

— Ну как ты? Жива? — глядя ей в глаза, привычным самодовольным тоном поинтересовался он.

— Да... — всё так же тихо ответила Розамунда. — Благодаря вам всем. И благодаря тебе, — она посмотрела на его правый бок. — Как твоя рана, Рутгерс? — обеспокоенно спросила она. — Я видела, ты закрыл меня собою и... — слезы хлынули из ее глаз.

Руд улыбнулся и положил свою большую теплую ладонь ей на лоб.

— Глупышка. Такие царапины лишь закаляют мужчину. А я не настолько сахарный, чтобы растаять из-за них.

Девушка расплылась в улыбке и бросилась ему на шею. Ян смотрел на них, изумленно хлопая глазами. Они общались между собой так, словно были знакомы тысячу лет. И не просто знакомы, а...

В коридоре послышались шаги. Бард, в отличие от констебля, поднялся на ноги и повернулся к двери. Через несколько секунд в комнату вошел Флорис Одвасбер вместе со своим камердинером придерживающий Сальваторе ди Нери.

— Рад видеть вас всех в добром здравии, друзья мои, — торжественно произнес заместитель мэра. — И рад, что мое гостеприимство помогло вам так быстро подняться на

ноги, — улыбнулся он, глядя на Розамунду.

— Спасибо вам за все, Господин Флорис, — отозвался Руд. — Без вашей поддержки нам бы еще валяться и валяться, — он поднялся на ноги и почтительно поклонился.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — ответил старик, — И...

— Благодарю, Господин Флорис, — не выдержал ди Нери, делая шаг вперед. Он накренился, как подбитый корабль, но на ногах устоял. — А также я от всей души благодарю вас. Я никогда не забуду того, что вы для меня сделали, — временный мэр поклонился сначала Руду, а затем Яну.

— Не за что, — холодно ответил Руд. — Мы просто выполняли свою работу, господин ди Нери.

— Ди Нери? — громко воскликнула Розамунда, приковывая к себе взгляды. — Ты сказал ди Нери?! — повторила она, вцепившись в рукав констеблю. — Ди Нери... Ди Нери... — она схватилась руками за голову и начала раскачиваться из стороны в сторону.

Руд испуганно бросился к ней, обнял девушку, пытаясь успокоить. А она все повторяла и повторяла одно и то же имя. Вдруг она вскинула голову, глядя на мир заплаканными глазами.

— Я все вспомнила! — твердо заявила она. — Ну может быть пока не все... Но большую часть! Да! — она встревоженно уставилась в лицо Руду. — Рутгерс, мое отца убил ди Нери!

Повисла гробовая тишина. Руд посмотрел на нее, затем повернулся к Яну. Молча кивнув барду, он поднялся на ноги и двинулся в сторону мэра.

— Что она говорит? — нарушил тишину Сальваторе. — Я не убивал Арона ван Мейера! Клянусь вам!

Руд подошел вплотную, когда услышал ее механический голос.

— Нет, вы не убивали! Это ваш брат!

И вновь десяток изумленных глаз уставился на Розамунду ван Мейер.

— Родриго? — потрясенно произнес ди Нери. — Как такое возможно? — он попятился назад, но едва не упал. Старые, но сильные руки Одвасбера успели вовремя подхватить градоначальника. — Родриго... О чем вы говорите?! — взметнув голову, он впился глазами в бедную девушку. — Этого не может быть!

— Может, — твердо произнесла она. — Я видела, как он спорил с моим отцом. Как угрожал ему.

— Но... зачем? — Сальваторе не хотел ей верить.

— Он... — девушка потупилась. — Он требовал, чтобы отец выполнил свое обязательство перед северянами... Он говорил, что не хочет, чтобы город был разрушен. Что хочет жить в процветающем Эйкдаме, что...

— Но ведь он никогда не интересовался политикой... — пробормотал ди Нери.

— Видимо интересовался, — холодно ответил Руд де Йонг. — И очень плотно, раз помимо Арона ван Мейера убил еще и Кларенса Хюльда.

— Это все еще не доказано! — словно отбиваясь из последних сил, бросил ди Нери.

— Вы правы, — кивнул Руд. — Для суда слов Розамунды будет недостаточно. Поэтому предлагаю поговорить с вашим братом. Послушаем, что он скажет. Посмотрим, как он поведет себя.

Сальваторе на несколько секунд задумался, взял себя в руки, после чего кивнул:

— Хорошо. Пусть так и будет.

— Что ж, — произнес Флорис Одвасбер. — Тогда предлагаю всем привести себя в

порядок и подкрепится. А после отправимся на встречу с Господином Родриго.

Присутствующие переглянулись, без слов соглашаясь с этим предложением.

— Хорошо, — кивнул Флорис. — Пойдемте, Господин Сальваторе.

Они развернулись и двинулись к выходу, однако, стоило им подойти к двери, как Одвасбер резко остановился.

— Что за чертовщина, — пробормотал он.

— Что-то произошло? — осведомился Сальваторе, пытаясь увидеть, что именно так заинтересовало его заместителя.

До Руда донесся топот шагов, и он подошел к остальным. Де Йонг увидел опирающегося на трость полного мужчину в оранжевом камзоле — главного констебля Эйкдама Юргена ван Брюхтвета.

Юрген подбежал к Флорису и Сальваторе и низко поклонился:

— Прошу меня простить за беспокойство, Господин ди Нери, Господин Одвасбер.

— Ничего страшного, — ответил временный мэр. — Что-то случилось?

— Никак нет, Господин, — быстро мотнул головой главный констебль. — Разрешите доложить — ваш приказ исполнен. Но... — он замялся, однако, пересилив себя все же спросил. — Позвольте поинтересоваться о необходимости такого приказа? Когда мне доложили, я подумал, что мои люди могли что-то напутать... Поэтому незамедлительно прибыл к вам.

— Я не понимаю, о чем вы говорите, Господин ван Брюхтвет, — устало произнес Сальваторе.

— Как же? — удивился Юрген. — О приказе освободить Гнуса, конечно.

— Что?! — взревел Руд, подскочив к мэру и его заместителю. — Вы приказали освободить эту тварь?! — под изумленные взгляды присутствующих он схватил градоначальника за грудки.

— Нет, — ответил ди Нери, отмахиваясь от специального констебля. — Это какая-то ошибка, — он твердо посмотрел в глаза Юргену. — Очевидно, ваши люди что-то напутали. Я не мог выпустить эту сволочь.

— Но... — обреченно пробормотал ван Брюхтвет. — Как же так...

— Что именно и когда вам доложили? — пуце прежнего нахмурился Сальваторе.

— Сегодня утром, — затараторил Юрген. — Когда я прибыл на службу. Один из сержантов отрапортовал, что отпустил Гнуса по вашему приказу. Я очень удивился, и уточнил, лично ли от вас был приказ...

— И? — нетерпеливо произнес ди Нери.

— Ответил, что приказ передал ваш брат — Господин Родриго.

Главный констебль замолчал и, как красная девица, отвел взгляд в сторону, ожидая наказания. Его не последовало. Вместо этого он услышал голос Руда де Йонга:

— По-моему, все ясно, Господин Сальваторе. Если хотим встретиться с вашим братом, нам нужно выдвигаться в портовый квартал, а не к вам домой.

Ди Нери отодвинулся от Флориса, стараясь держаться на ногах самостоятельно. После чего выпрямился и твердо посмотрел на главного констебля:

— Господин ван Брюхтвет, срочно поднимайте гарнизон. Всех отправить в торговый квартал. Прочесать его и найти Гнуса.

— Есть! — отрапортовал Юрген и, радуясь, что избежал наказания, побежал выполнять приказ. Сальваторе повернулся к остальным:

— Я тоже отправляюсь туда.

— Но в вашем состоянии... — покачал головой Флорис.

— И я иду! — твердо сказала Розамунда. — Я хочу лично убедиться, что убийца моего отца наказан!

— Я никуда тебя не отпущу, — уверенно произнес Руд. — Одну. Я пойду с тобой.

— И я, — тут же выпалил Ян.

Старик Флорис обвел всех взглядом и покачал головой.

— Я еду с вами. И, похоже, в карете нам придется потесниться.

Через двадцать минут Руд, Ян, старик Флорис и господин ди Нери собрались у экипажа, стоявшего у крыльца особняка Одвасбера. Констебль ходил взад-вперед, словно волк в клетке. Сальваторе, прильнув к лакированному кузову кареты, думал какие-то свои тяжкие мысли, морщинами и гримасами искажающие его лицо. Ян молча стоял, глядя на дверь дома, ожидая появления последнего участника их группы. А Флорис переводил взгляд с одного на другого, временами старчески вздыхая.

— Да где же она, наконец! — не выдержал Руд.

Но стоило ему поддаться эмоциям, как дверь открылась, и на крыльцо вышла девушка в длинном бирюзовом платье и белом кружевном чепце.

— Хорошо, что наряды моей дочери подошли Розамунде, — самодовольно произнес Одвасбер.

Девушка, отведя взгляд, смущенно подошла к мужчинам. Подняла глаза и увидела ехидную улыбку де Йонга:

— Что?! — не выдержала она.

— Ничего, — пожал плечами Руд.

— Вот и молчи! — она повернулась к заместителю мэра. — Благодарю, Дядя Флорис, за то, что разрешили мне надеть платье Аники.

— Пустое, — расплылся в улыбке Одвасбер. — Она все равно со своим семейством к старику раз в год приезжает. И, уверен, она не будет против помочь своей подруге детства.

Девушка улыбнулась ему в ответ и чмокнула старого друга своего отца в щёку. Сальваторе раздраженно фыркнул и подошел к карете.

— Предлагаю выдвигаться, — произнес он. — С вашего позволения, я сначала хотел бы посетить свой дом, — он открыл дверь экипажа и забрался внутрь.

— Позвольте узнать зачем? — Флорис пропустил даму вперед и залез следом.

— Быть может случившиеся всего лишь недоразумение, — быстро ответил временный мэр. — Нужно убедиться.

Сальваторе и грузный Флорис уселись вместе на одной стороне. Остальные расположились напротив. Причем единственная девушка оказалась посередине между Рудом и Яном. Карета тронулась.

— Как ваше самочувствие? — вежливо поинтересовался ди Нери, глядя на Розамунду.

— Спасибо, хорошо, — кивнула она.

Сальваторе помолчал несколько секунд, а после вновь заговорил:

— Если ваши слова о моем брате правда, приношу свои глубочайшие извинения и соболезнования. Но если же нет...

— Господин ди Нери, — прервал его Руд. — Прошу оставим этот разговор до лучших времен.

Глаза эмрудца сверкнули, он впился взглядом в констебля, затем протяжно выдохнул и, молча кивнув, отвернулся к окну.

Сидя в уголке, Ян не произнес ни слова. Он лишь искоса поглядывал на ди Нери, на Флориса и, конечно же, на Розамунду. Он заметил, как несколько раз девушка поворачивалась в его сторону, однако в сторону Руда она смотрела намного чаще. Более того, не раз ее нежное плечо как-бы невзначай, от качки экипажа, касалось крепкого плеча констебля. В то время как плеча барда она не коснулась ни разу.

— Прошу вас, подождите здесь, — велел Сальваторе, когда карета остановилась возле его дома. — Я быстро венусь.

Никто не стал с ним спорить. Четыре пары глаз неотрывно смотрели на крыльцо дома ди Нери, ожидая его возвращения. Он не солгал, и через пару минут вылетел на улицу. Гораздо злее, чем был раньше.

— В портовый квартал! — крикнул он кучеру, и запрыгнул в карету. Обведя всех присутствующих тяжелым взглядом, он покачал головой. — Родриго нет дома.

— Это еще ничего не значит, — Одвасбер ободряюще положил руку на плечо Сальваторе.

— Не нужно меня утешать, — жестко произнес ди Нери. — Как обычный человек, я не хочу верить словам Леди ван Мейер. Но как мэр Эйкдама, пусть даже временный, я не могу оставить ее слова без внимания. И неважно, что они направлены против моего единственного брата.

Копыта лошадей цокали по главной улице портового квартала, без особой фантазии некогда названной Морской. По здешним меркам она была достаточно широка — две кареты могли спокойно разъехаться, не заставляя пешеходов вжиматься в грязные стены выстроенных вдоль дороги хибарок.

Многоголосый шум толпы был слышен издали. Прильнув к окнам, пассажиры кареты пытались разглядеть, что происходит, но видели они лишь металлические спины мушкетеров.

Экипаж остановился. Резко открыв дверь, Сальваторе спрыгнул на землю, поморщившись от боли. Руд бросился следом, за ним, опередив Яна, вылез Одвасбер. Бард пропустил вперед девушку, которой помог выйти констебль, и выбрался сам.

Улица была перекрыта гарнизоном Эйкдама. Прибывшая компания оказались позади стены из оранжевых камзолов. Мушкетеры, держа оружие наготове, чего-то ждали.

Увидев вновь прибывших, к ним поспешил подтянутый пожилой мужчина с закрученными усами.

— Здравья желаю, Господа, — отчеканил он.

— Добрый день, капитан ван Зеллер, — сдержанно кивнул ди Нери. — Что здесь происходит? — строго посмотрел он на командира эйкдамского гарнизона. — Что за шум?

— В квартале беспорядки, — доложил мужчина. — Главный констебль распорядился ждать вас.

— Вот же старый заяц, — усмехнулся Руд. — Бойтся лишнюю ответственность брать.

Сальваторе одарил его хмурым взглядом и вновь повернулся к ван Зеллеру:

— Причина беспорядков?

— В данный момент уточняется. По предварительным данным... — он замолчал, отвел

взгляд, но тут же вновь поднял глаза. — Часть жителей пытается поднять других на бунт.

Одвасбер охнул, Сальваторе же молча покачал головой. Руд и Ян переглянулись.

— Но почему? — шагнула вперед Розамунда. — Что может не устраивать жителей нашего города?!

— Мало ли причин для людского недовольства? — хмыкнул ди Нери. — Разные доходы, различия в привилегиях, в условиях труда... Да может просто зависть!

— Но главная причина, — твердо произнес де Йонг. — Гнус. Господа, хватит стоять. Нельзя пускать дело на самотек!

Уверенной походкой он двинулся вперед. Остальные последовали примеру специального констебля.

Они подошли к оцеплению, и ван Зеллер приказал своим подчиненным расступиться. Миновав живой коридор, Руд и его последователи увидели толпу мужчин, стоящую метрах в двухстах от мушкетеров. Мужчины что-то возбужденно выкрикивали, то и дело бросая злобные взгляды на представителей власти.

— Их авангард, — пояснил ван Зеллер. — Пока остальные поднимают людей в квартале, этот отряд преградил нам дорогу. Никаких требований не предъявляли.

— Я пойду вперед. Стойте здесь, — бескомпромиссным тоном заявил де Йонг и, не дожидаясь ответа, двинулся навстречу бандитам Гнуса.

По мере его приближения, разбойники стихли и уставились на него глазами кота, пораженного наглости пьющей из его миски мыши.

— Стой! Дальше ни шагу! — велел крупный мужик с черной повязкой на глазу и сверкающим лысым черепом. — Чего нужно?.

Руд еще раз оглядел толпу и спокойным голосом произнес:

— Меня зовут Руд де Йонг. Я специальный констебль Эйкдама и уполномочен вести с вами переговоры от имени всего города.

— Мы знаем кто ты, — буркнул щуплый мужичонка с прической, напоминающей пук соломы. — Чего надо-то?!

— Предлагаю вам сложить оружие и преступить к диалогу. Господин временный мэр и его заместитель готовы вас выслушать.

Бандиты начали переглядываться между собой, ухмыляться. Их реакция, подобно спущенного со склоны камню, набирала обороты, пока не перетекла в громогласный гогот.

— Испугались-таки! — глядя в лицо Руду, воскликнул лысый бугай. — Хвосты поджали?!

Руд сжал зубы и громко крикнул:

— Мы готовы выслушать вас! — бандиты удивленно стихли. — Но с одним условием — вы выдадите нам Гнуса и Родриго.

Толпа вновь загудела. По их виду становилось понятно, что щедрое предложение Руда им явно не понравилось. Не желая лишний раз искушать судьбу, констебль произнес:

— Подумайте над моими словами. Будем рады услышать ваш положительный ответ.

Руд направился обратно. Он шел, не оборачиваясь, глядя на стоящую впереди Розамунду ван Мейер. Чем ближе он подходил, тем отчетливей различал волнение на ее лице. Это волнение умиляло констебля. Он невольно улыбнулся.

Сзади раздался выстрел. Не успев до конца осознать, что же произошло, Руд повернул голову. Краем глаза он уловил, как что-то чиркнуло брусчатку в паре сантиментов от его ноги. Далеко позади дымился ствол одного из молодцов Гнуса.

— Вперед в атаку! Защитим специального констебля! — услышал де Йонг голос командующего гарнизоном.

Руд бросился навстречу несущейся на него оранжевой массе. С обеих сторон послышались выстрелы. Крики. Стоны. Констебль не обращал на них внимания. Он несся в укрытие, подгоняемый страхом.

— Ты в порядке?! — оказавшись за спинами мушкетеров, Руд схватил Розамунду за плечи.

— Да, — ошарашенно кивнула девушка.

— Ян! — крикнул де Йонг другу. — Возьми ее и укройте в карете! Уезжайте отсюда!

— Но я хочу помочь!

— Вот и поможешь! — Руд пихнул Розамунду в руки барду. — Быстрее!

Помешкав пару мгновений, Ян кивнул и, схватив девушку за руку, потащил ее за собой. Руд одобрительно улыбнулся и, резко развернувшись, бросился в гущу сражения.

Он успел заметить, что многоуважаемый главный констебль, схватив Флориса, затаился между хибарок, а вот Сальваторе ди Нери напротив, несмотря на раны, сражался едва ли не в первых рядах.

Разрядив мушкеты и пистолеты, обе стороны сошлись в рукопашной схватке. Сражение быстро превратилось в рубку. Пожилой командир гарнизона собственным примером и удалью показывал своим бойцам как нужно сражаться. Подбадривало мушкетеров и присутствие мэра, и мастерство специального констебля.

Руд двумя выстрелами отправил пару бандитов на заслуженный отдых. После, выхватив фламберг, увернулся от удара тяжелой дубины и вспорол кому-то бедро.

Де Йонг быстро привлек к себе повышенное внимание, поэтому сражаться ему всякий раз приходилось как минимум с двумя противниками. Уворачиваясь и парируя удары, он тут же контратаковал. Ловко орудуя мечом, Руд восхищал соратников и повергал в ужас противников.

— Жаль не попал в тебя, — услышал он рычащий голос и, повернувшись, увидел уже знакомого ему бугая с лысым черепом и повязкой на глазу. — Нужно было сразу пристрелить, — Рыкнул разбойник, и, высоко подняв саблю, ринулся на врага.

Констебль, отбив удар тяжелого тесака, пинком отбросил его владельца и приготовился к битве с одноглазым. Руд видел, что очередная подмога в лице двух мушкетеров спешит ему на помощь, и не боялся оставить незащищенным тыл.

Бугай атаковал очень сильно, нанеся размашистый удар сверху. Руд успел защититься, но выстоять оказалось не самой легкой задачей. Однако он справился и удержался на ногах. Но пересилить врага, как бы констебль не пытался, ему не удавалось.

Одноглазый отпрыгнул назад, готовясь к очередному выпад. На сей раз он рубанул сбоку. Де Йонг хоть и поставил блок, едва не упал — настолько мощным оказался этот удар.

Поняв, что так с победой можно распрощаться, Руд изменил тактику. Тяжелый восходящий удар он не стал блокировать. Вместо этого, полуоборотом уйдя в противоположную сторону, констебль, сблизившись с противником, по инерции ударил того рукоятью клинка в открытый бок. Бугай ахнул и на мгновение потерял концентрацию. Сделав шаг назад, Руд наконец-то контратаковал. Одноглазый закричал и скрючился, пытаясь зажать глубокие раны. Но это не могло, ведь в следующую секунду острый фламберг пробил его сердце.

Видевшие это сражение противники ступевались и попятились назад. Мушкетеры

наоборот воодушевились и навалились на врагов. Казалось, исход был предрешен, но где-то вдали раздался столь знакомый Руду противный, гнусавый голос:

— Вперед! Поможем нашим братьям!

— Вот черт! Ничего не видно! — воскликнула Розамунда, осторожно выглядывая из-за угла покосившейся хибарки.

— Руд будет недоволен, — озабоченно произнес Ян. — Он сказал нам уехать отсюда на карете...

— Мало ли что он сказал! — дернулась девушка. — К тому же кучер уехал, — она махнула рукой туда, где раньше стоял экипаж Флориса Одвасбера.

— Он уехал после того, как ты отказалась уезжать, — заметил бард.

— Это не важно, — бросила она, пытаясь в гуще битвы разглядеть констебля.

Ян ничего не ответил. Юноша стоял позади нее. Его взгляд был прикован не к полю боя, а к белокурым локонам Розамунды ван Мейер. Он чувствовал ее запах, ловил каждое движение, вспоминал ночи проведенные с ней в мире, что создал Мьель по образу и подобию родных для кота Полей Духов.

— Розы... — внезапно для себя проворкотал Ян. — Как же я рад, видеть тебя сейчас... Какое счастье, что тебе удалось покинуть тот мир для одного...

Она обернулась и удивленно посмотрела на него. Глаза девушки выдавали ее изумление тем, какое место и время для подобного разговора выбрал бард. Вслух же она ответила:

— Да. Я тоже.

Ян засиял и тут же выпалил:

— Теперь ты точно не одна! Теперь я могу быть с тобой в любое время, а не только когда сплю.

Девушка отвела взгляд. Не смущенно. Нет. Виновато. Настолько, что даже Ян это заметил. Он уже давно заметил, что что-то не так. И начинал понимать причину...

— Давно ты знаешь Руда? — тихо, но очень четко произнес он.

— Нет... — прошептала она. — Меньше, чем тебя.

Ян сжал кулаки и сдавленно сглотнул комок, подступивший к горлу.

— Неужели, — сам в это не веря пролепетал бард. — Он тоже приходил в тот мир?

— Да... — все так же тихо ответила девушка. — Иногда, когда тебя не было рядом...

— И вы мне не сказали?! — воскликнул бард так, что его голос прогремел над округой даже громче, чем шум битвы. Но Ян тут же взял себя в руки. — Как это возможно? Если я все правильно разобрался, у нас с Мьелем была... хм... как-бы это назвать... Совместимость. Поэтому я мог понимать, что он говорит, и попадать в его мир, где он прятал тебя. У Руда такой совместимости не было.

— Зато у него был ты, — не поднимая глаз еле слышно ответила Розамунда. — Из-за того, что ты был рядом, он мог тоже оказываться там. Но... — она замолчала на некоторое время. Но всё-таки продолжила: — Приходил ко мне, когда тебя не было рядом со мной.

Ян держался из последних сил. Он не хотел, чтобы она видела его слезы, его слабость. Поэтому молодой бард лучезарно улыбнулся и произнес:

— Что ж... хорошо. Я искренне рад, что ты больше не будешь одна. И я рад, что мой друг встретил достойную девушку.

— Ян, послушай! — подавшись чувствам, она схватила его за руку. — Все не так просто. Та, с кем ты был в мире Мьеля, осталась там навечно. Я — не она. Ко мне вернулась

память, вернулась моя личность... теперь я другая! К тому же... — она закусила губу и замолчала. Бард терпеливо ждал. Спустя несколько секунд девушка продолжила. — К тому же, ты полюбил не меня, а образ, что ты сам выдумал. Когда Мьель, помогая вам, освободил меня, мне открылось все, что он видел, находясь рядом с тобой. И то, — слезы хлынули из ее глаз, она всхлипнула, — как погибла моя сестра. Ведь ты сразу принял меня за нее, помнишь? Ты говорил, что я умерла, переживал... — она тихо заплакала и прильнула к барду всем телом.

— Сестра?.. — изумленно пробормотал Ян, поглаживая девушку по спине. — Розамунда Смит была твоей сестрой? Не служанкой?

— Она была моей камеристкой, — всхлипывая, отвечала ван Мейер. — Но помимо этого Роза была моей единокровной сестрой... и умерла из-за меня!

— Твою сестру звали так же как тебя? — недоуменно произнес бард.

— Да. Ее мать любила моего отца и знала, что мое имя нравится ему. Поэтому убедила мужа назвать дочь так же. А когда ее родители умерли, отец взял ее в наш дом. С тех пор ее звали только Роза, меня же, как наследницу, Розамундой. Я не против, когда меня называют Роза, но тебя попрошу больше так не делать, — она отошла назад, вытирая слезы. — Ведь для тебя есть только одна Роза. Та, что ты придумал, глядя на нас обеих.

— Но я... — озадаченно покачал головой бард, однако приложив палец к губам Яна, Розамунда прервала его.

— Давай закончим этот разговор, Ян. Раз и навсегда. Ты многое сделал для меня, за что я тебе очень благодарна и буду благодарна до конца своей жизни. Я полюбила тебя, как брата, которого у меня никогда не было. И сохраню эту любовь в своем сердце до тех пор, пока оно не перестанет биться. Мы навеки останемся близкими друг другу людьми, и ты всегда можешь рассчитывать на мою помощь, — Розамунда широко улыбнулась, но тут же насторожилась. — Слышишь, шум почти стих. Там что-то произошло! Идем, посмотрим!

Она порывисто развернулась и побежала туда, где не так давно горел огонь яростной битвы. Опешивший Ян стоял в исступлении, какое-то время, а после, словно очнувшись от дурного сна, мотнул головой и ринулся следом.

Розамунда расталкивала локтями стоявших истуканами мушкетеров, пытаясь увидеть, что же привлекло внимание солдат гарнизона, заставив оторваться от жаркой битвы.

— Рутгерс... — сдавленно пробормотала она, оказавшись в первом ряду.

В центре громадного круга, часть которого состояла из мушкетеров, а часть из лиходеев портового квартала, сражались двое. Руд де Йонг — специальный констебль Эйкдама и Гнус — глава всего подпольного мира в городе. Никто не смел вмешиваться в эту битву, которая, судя по всему, уже длилась не первую минуту.

Фланелевая рубашка главаря бандитов была разрезана в двух местах. Неглубокие, слабо кровоточащие раны виднелись в этих прорезях. У Руда была царапина на ноге и в области ключицы. Оба противника дважды достали друг друга.

— Он непременно выиграет, — уверенным голосом произнес бард, оказавшийся рядом с девушкой.

Она молча кивнула, не отводя взгляда от поединка.

— Ваш бунт глупость! — крикнул Руд, сверля глазами своего противника и тяжело дыша. — Твою люди лишь зря погибнут!

— Зря гибнут лишь те, кто ничего не делает! — хохотнул Гнус и рванув вперед,

размашисто ударил саблей. Де Йонг успел блокировать удар. — Пора встряхнуть этот город! И твоя смерть будет первым шагом, господин специальный констебль!

Он надавил на клинок, Руд попятился назад. Его противник не сбавлял напор, сейчас он превосходил де Йонга в мощи.

— Что пообещал твоим людям Родриго? Мэр может дать больше! — пророкотал Руд.

— Что пообещал моим людям! — вновь расхохотался Гнус. — Он вернул мне свободу! И обещал мне пост и привилегии! Но любой знает, что я никогда не брошу своих ребят!

Под восторженные возгласы Гнус оттолкнул де Йонга. Констебль, попятившись назад, едва не упал и лишь в последний момент смог защититься, поставив блок.

Ян увидел внимательно наблюдающего за боем Сальваторе ди Нери и бросился к нему:

— Мы должны помочь Руду! — тут же выпалил бард. — Нужно приказать мушкетерам стрелять!

— Нет! — решительно произнес временный мэр. — Это честный поединок! Де Йонг сам решил так сражаться. И только так мы сможем прекратить бессмысленную бойню между гражданами нашего города!

— Неужели нельзя найти другой путь?! — взмолился юноша.

Сальваторе едва заметно улыбнулся:

— Все что мы можем сейчас сделать, так это верить в нашего специального констебля. И если ты действительно его друг, то должен знать — он не проиграет!

Ян ничего не ответил, лишь повернулся и во все глаза уставился на поединок. Про себя он молил Всевышнего помочь его другу. И пусть Руд бы такое не одобрил, но бард искренне верил, что Всевышний его услышит.

В очередной раз улицу сотряс лязг металла. Констебль отбил могучий удар своего врага и, подавшись вперед, ударил мечом, целясь в шею Гнусу. Несмотря на крупные размеры, глава подпольного мира Эйкдама ловко увернулся, полуоборотом уйдя в сторону, и тут же рубанул мечом.

Руд поморщился: лезвие сабли полоснуло бок. Он крепко сжал меч, не опуская защиты. Дышать уже было тяжело, по мышцам, казалось, растекается раскаленный металл, делая их тяжёлыми и непослушными.

— Ну что, допрыгался, уважаемый специальный констебль? — гоготнул Гнус. — Уже не так резво скачешь! Устали ручки, небось?

Де Йонг яростно сжал зубы, не желая тратить силы на бессмысленную болтовню.

— Язычок, что ли проглотил? — продолжал тешиться разбойник. — На большее уже не способен?

Руд все так же ждал, стараясь как можно продуктивнее использовать короткую паузу и хоть как-то восстановить силы.

Гнус раздраженно сплюнул и ринулся на врага. Как обезумевший, он обрушил на констебля град тяжелых ударов. Бандит, словно забивая молотком гвоздь, вбивал де Йонга в землю. Колени Руда сильно согнулись, руки едва держали меч. Ян уже хотел кинуться на помощь своему другу, но вовремя увидел глаза констебля. Они были полны решимости. Руд не сдавался.

— Да сдохни уже ты наконец! — воскликнул Гнус и размахнулся настолько сильно, что готовящийся удар, непременно должен был решить исход поединка.

Все произошло за долю мгновенья. Заметив брешь в защите противника, констебль, собрав воедино все оставшиеся в его теле силы, рванул вперед. Сильный удар от плеча до

пояса наискось рассек тело Гнуса.

Бандит попятился назад, изумленно глядя перед собой. Его рука разжалась, сабля звучно упала на землю. Руд облегченно вздохнул.

Но Гнус не сдался. Неимоверным усилием он выхватил пистолет, и...

Прогремел выстрел.

Ян повернул голову и удовлетворенно хмыкнул.

— Мы ведь не должны вмешиваться в поединок?

— Мне и не потребовалось, — сухо ответил ди Нери, убирая пистолет.

Никто не обратил на них внимания, ибо взгляды всех присутствующих были прикованы к телу Гнуса. Глава всех маргиналов Эйкдама обмякшей куклой лежал на брусчатке. В его лбу зияла свежая дыра.

Руд крутанул еще дымящийся пистолет и спрятал его за пояс. Внезапно силы оставили его, ноги подкосились. Верные руки успели подхватить.

— Я сказал вам уезжать, — покачал он головой, посмотрев на Розамунду и Яна.

— Еще бы мы тебя слушались! — улыбнулась девушка. — Пойдем. Тебе нужно отдохнуть.

Они повели констебля к мушкетерам. Навстречу троице вышел Сальваторе и, положив руку на плечо де Йонгу, уверенно произнес:

— Благодарю. Я не дам пропасть твоим стараниям.

Временный мэр медленно подошел к поверженному Гнусу и, окинув взглядом перепуганных повстанцев, громко произнес:

— Ваш лидер пал. Проиграл в честном поединке. Вам не зачем больше сражаться!

— Мы будем сражаться за свои жизни! — услышал он возглас из толпы, вяло поддержанный гулом остальных бандитов.

— Никто не претендует на ваши жизни! Сложите оружие и верно служите родному городу! Тогда вам простят сегодняшний проступок!

Толпа вновь загудела, обсуждая предложение градоначальника. Спустя несколько минут вперед вышел здоровенный израненный амбал. Не отводя взгляда от Сальваторе, он направился к мэру. Мушкетеры насторожились, но ди Нери жестом велел им опустить ружья.

— Вы правда не посадите нас? — поинтересовался бугай, остановившись перед мэром.

— Даю слово, — кивнул Сальваторе.

Амбал посмотрел на него несколько секунд и, улыбнувшись щербатой улыбкой, бросил к ногам мэра свой тесак.

Остальные тут же последовали его примеру. Радостные крики и лязг падающего на брусчатку оружия заполнили окрестности. Ликовали и мушкетеры и те, с кем они еще несколько минут назад сражались.

— Мэр, — деловито произнес бугай. — У нас вам подарок!

— Какой? — нахмурился ди Нери.

Амбал звонко свистнул и, глядя в толпу своих товарищей, махнул рукой. Через несколько секунд толпа расступилась, пропуская вперед трех мужчин. Двое вели под руки третьего — тощего, черноволосого с ухоженной бородой и черными глазами. Этот человек был одет в фиолетовый камзол, покрывшейся пылью. Глядя на него, Ян тут же отметил, что незнакомец уж очень сильно похож на Сальваторе ди Нери.

— Родриго... — пробормотал мэр, едва увидев своего брата.

Младшего ди Нери подвели к Сальваторе и усадили на колени. Глаза братьев встретились. Родриго раздраженно отвернулся.

— Объяснись, — холодно потребовал временный мэр. Его брат не ответил. Сальваторе вспыхнул и, схватив за подбородок, поднял голову Родриго, так, чтобы видеть его глаза. — Объяснись, зачем ты все это устроил, Родриго?! — повторил старший ди Нери.

— Ха! Еще не понял, братец? Я расчистил тебе дорогу наверх! Убрал ван Мейра, чтобы ты стал мэром. И Хюльда, чтобы не осталось серьезных конкурентов в борьбе за место Консула!

— Я тебя не просил!

— Тебя никто и не спрашивал! Я сделал это только для себя!

— Что ты имеешь в виду? — нахмурился ди Нери.

— Какой же ты бываешь тугодум, братец! Все очень просто. Я устал жить в твоей тени! Вот и обеспокоился о своем будущем!

— И из-за этого вы убили моего отца! — Сальваторе недоуменно повернул голову и увидел разъяренную Розамунду ван Мейер. Девушка буквально испепеляла взглядом его брата. И если бы Руд с Яном не держали ее, очевидно, уже бросилась бы на убийцу.

— Не только, — хмыкнул Родриго, презрительно скривившись. — Из-за тебя и Арона ван Мейера над городом нависла невиданная опасность. Мне не хотелось бы, чтобы Эйкдам разнесли проклятые северяне.

— Хотелось править городом, а не пепелищем? — сухо произнес Руд.

Родриго оценивающе посмотрел на него и кивнул:

— Вы очень проникательны, господин специальный констебль.

— Но почему... — сдавленно произнес Сальваторе. Повернувшись к нему, Ян заметил влажный блеск в глазах этого сурового человека. — Почему ты пошел на это, брат?! Тебя никогда не тянуло ни в политику, ни в управление компанией! Скажи ты мне раньше, я бы...

— Ты бы что? — перебил его младший ди Нери. — Ну? Отдал бы мне все? Не верю! Ты бы не за что не распрощался со своей любимой компанией!

— Потому что он старше! — холодно произнес де Йонг. — Нужно знать свое место и не лезть по головам братьев! Господин ди Нери, — обратился он к Сальваторе. — Что прикажете делать с этим преступником?

— А что он прикажет! — воскликнул Родриго. — Я все рассказал, то есть помог вам, лично никого не убивал, кроме того моя семья имеет заслуги перед Эйкдамом! Я знаю законы и ожидаю честного суда!

— Господин ди Нери, — Руд не сводил глаз с мэра. — Текущую ситуацию можно расценить как военное положение. На данный момент вы руководитель города, а значит сейчас имеете полное право судить и миловать.

— Что? — удивился Родриго и молящими глазами уставился на Сальваторе. — Брат, ты же помилуешь меня, верно? Господин специальный констебль говорит, что у тебя сейчас высшие полномочия! Воспользуйся же ими!

— Да, — голос градоначальника раскатом грома пронесся по улице. — Воспользуюсь. И буду судить тебя не только как глава Эйкдама, но и как глава семьи ди Нери. Ты пошел против законов нашего города, заставил страдать его жителей, развязал напрасное кровопролитие. И опозорил семью. Родриго ди Нери как временно исполняющий обязанности мэра Эйкдама, наделенный чрезвычайными полномочиями, я приговариваю вас к смерти.

— Что? — залепетал предатель, — Да как ты...

— Увидите его!

Мушкетеры взяли брыкающееся тело и поволокли его в сторону городской тюрьмы.

Розамунда не выдержала и, разрыдавшись, бросилась на шею Сальваторе.

— Вы не должны были сами... Не должны...

— Нет. Должен был, — он аккуратно оттолкнул ее, передав специальному констеблю, и повернулся ко всем присутствующим. — Господа! На этом... — он замолчал, увидев, протолкнувшегося сквозь строй мушкетеров прихрамывающего на деревянную ногу мужчину.

— Что это вы здесь устроили! — раздраженно бросил Эдвин, оглядывая окружающих его людей. — В такой-то час?

— Эдвин? — воскликнул кто-то из бывших повстанцев. — Чего приперся? Случилось что?

— Случилось. Мой старый знакомый принес дурные вести, — твердо ответил старый бард и, подойдя к ди Нери, громко произнес: — Конунг Агмунд взял Латцпорен. И как отсюда следует вскоре будет в Эйкдаме.

Песнь 11. Северный ветер, несущий смерть

— Посторонись! Чего встал?! — крикнула старуха, отталкивая бородатого мужчину.

— Куда прешь, карга! — возмутился бородач.

Ян изумленно вертел головой, пораженный тем, насколько может измениться город за считанные минуты. Страх и паника витали в воздухе, куполом накрывая Эйкдам.

— Эй, пошевеливайся! — дородная дама толкнула Яна корзиной с яблоками и побежала дальше по улице.

Бард тяжело вздохнул. Увернувшись от еще одной женщины, несущейся прямо на него, он свернул в переулок. Быстро, насколько это возможно в условиях творившегося вокруг хаоса, юноша прошел мимо десятка домов и вновь свернул.

Через несколько минут опасного для жизни путешествия он оказался перед двухэтажным домом с вывеской «Юридические услуги ван дер Веттелика». Поднявшись на крыльцо, юноша замер, не решаясь постучаться.

— Мама! Мама! Ян пришел! — услышал он голос сестры и, подняв глаза, увидел улыбающуюся в окне мордашку. Петра спрыгнула вниз и исчезла из виду. Вскоре за дверью послышался радостный топот, и она отворилась.

Девочка, как кошка, прыгнула с порога и повисла на шее брата, крепкими объятьями сдавив его шею. Ян нежно прижал ее к груди, глядя по голове. Подняв взгляд, он увидел мать. Джоанна остановилась недалеко от двери. Она смотрела на своего старшего сына любящими глазами. В этих глаза Ян, к собственному сожалению, заметил тень грусти и неуловимой тоски.

— Мама... — тихо прошептал он, вместе с повисшей на шее сестрой делая шаг вперед. — Прости меня мама... Я... Должен был прийти раньше, но не посмел... Ведь ты столько пережила из-за меня...

— Глупости! — всплеснула руками женщина и поддавшись вперед обняла сына. — Я рада, что с тобой все в порядке, — бард чувствовал, как дрожит голос матери, видел, как из ее глаз текут слезы. — Я не злюсь на тебя, Ян. Ведь ты делал доброе дело! Я горжусь тобой!

— Но ведь тебе было больно!

— Материнство всегда сопровождается болью! — улыбнувшись, она посмотрела ему в глаза и, чмокнув в лоб, продолжила: — Но вместе с ней приходит и огромная, ни с чем несравнимая любовь. Давай, Петра, слезай с брата, а то шею ему оттянешь.

Девочка нехотя спрыгнула на пол и схватила Яна за руку.

— Я тебя никуда больше не отпущу! — авторитетно заявила она.

— Боюсь, дочка, придется, — услышал бард мужской голос и опасливо поднял глаза.

Йозеф и Руперт ван дер Веттелик спускались вниз по лестнице. Отец шел первым, по своему обыкновению, имея грозный и насупившийся вид. Его младший сын немного отставал, но в отличие от главы семьи был бодр и весел. Когда Йозеф остановился, мальчик обогнул его и, подбежав к брату, протянул руку. Ян ответил на рукопожатие.

— Мог бы явиться и раньше, — сухо заявил старший ван дер Веттелик.

— Я... — пробормотал бард, но тут же виновато замолчал.

— Не думай, что я простил тебе то, что случилось с матерью!

— Йозеф! — с упреком начала женщина, но тот жестом велел ей замолчать.

— Но ты мой сын. Я не отрекаюсь от тебя. Цени это.

— Я ценю все, что ты делаешь для меня, отец, — потупив взор, ответил Ян.

— Ой не ври, — махнул рукой мужчина и впервые за долгое время улыбнулся, глядя на своего старшего сына. Пусть мимолетно, пусть едва заметно, но улыбнулся. — Джоанна, собирай на стол. Нечего у дверей стоять. А ты, — он указал пальцем на Яна, — приведи себя в порядок и собирай вещи, чтобы быть готовым покинуть город.

Повинуясь указу мужа, женщина с детьми, которые вызвались помогать, отправилась на кухню. Йозеф, посмотрев немного на Яна, скрылся в кабинете. Бард неловко улыбнулся и направился в свою комнату. Как и прежде, она совершенно не изменилась. Мать убирала ее вместе с остальными комнатами, не оставляя ни единой пылинки даже в самых дальних углах.

Как и прежде, Ян не смог ничего себе выбрать из старой одежды и остался в привычном потертом камзоле. Все было как тогда, когда он только вернулся в Эйкдам, когда не знал Руда, не обладал Даром и ничего не слышал о Поющем братстве. Все так же, кроме одного.

Ян посмотрел на свою кровать и вспомнил, как здесь спал Мьель. Круговорот событий не позволял ему осознать, что он лишился родственной души. И не одной.

Он бухнулся на кровать и уткнулся лицом в подушку.

— Они будут счастливы! — убеждал себя бард. — Обязательно! Уверен, Мьель вернулся домой на Поля Духов, а Руд встретил Розамунду... да! Точно! Я знаю, им всем будет хорошо! Руд и Роза будут любить друг друга всю жизнь! А я буду рад, что близкие мне друзья обрели счастье! Ведь так и нужно! Так и должно быть! Мое счастье в том, что они счастливы! А моя любовь — моя музыка! Вот только почему же так... больно...

Он не заметил, как задремал на мокрой от слез подушке. Ему ничего не снилось. Розовое, облачное спокойствие и безмятежность. Мир для одного него. Где нет боли, нет страданий, нет ничего...

— Ян, — услышав стук в дверь, бард подскочил на кровати. — Ян, милый, — звала мать, — спускайся к столу.

Быстро умывшись и поправив камзол, он спустился вниз. Все уже сидели за столом. Ян уселся на свое место, где его уже ждал аппетитный окорок и жареные овощи.

— Ешьте хорошо, дети! — назидательно произнесла Джоанна. — Завтра с утра нас всех ожидает долгий путь.

Несмотря на голод, Ян больше смотрел на своих родных, нежели ел. Так приятно было вновь ощутить тепло семейного ужина.

— Жуй давай! — велел Йозеф, обращаясь к своему старшему сыну, — Ты уже собрал вещи? Нужно пораньше лечь, чтобы хорошо выспаться.

— Я... Я не поеду, — твердо произнес бард.

Четыре пары глаз изумленно уставились на него. Петра бросила ложку и, соскочив с места, подбежала к Яну, схватив того за руку:

— Что ты такое говоришь, братик! — залепетала она. — Мы все вместе поедem! С остальными горожанами, подальше от злых северных людей!

— Да, Ян, — поднялась на ноги Джоанна. — Всеобщая эвакуация завтра на рассвете. Для нашей безопасности нужно покинуть город!

— Сядьте! — хлопнул по столу Йозеф, и его жена с дочерью мигом вернулись на свои места, дав главе семейства возможность вразумить сына. Старший ван дер Веттелик, отпив вина, посмотрел на Яна. — Ты твердо решил? — спокойно поинтересовался он.

— Да, — кивнул бард. — Я останусь с гарнизоном среди тех добровольцев, что будут защищать город.

— Но ты даже не владеешь никаким оружием! — вновь вскрикнула Джоанна, но под грозным взглядом мужа тут же замолчала.

— Это так, — согласился Ян. — Однако я уверен, что смогу оказаться полезен Эйкдаму.

— И мы не сможем тебя переубедить? — осведомился Йозеф.

— Нет, — покачал головой бард.

— Хм... — хмыкнул юрист. — Ты всегда был непослушным ребенком... И вырос в настоящего мужчину!

— Прости отец, что никогда не оправдываю твоих ожиданий. Но у тебя есть Руперт, который может исправить мои ошибки.

— Глупости! — усмехнулся старший ван дер Веттелик. — Твой брат одержим живописью так же, как ты музыкой. Пока не похоже, что он хочет стать юристом.

— И ты не станешь его заставлять? — набравшись смелости, спросил Ян.

Йозеф выдержал его взгляд, снова отпил вина и только тогда ответил:

— Я не стану вас заставлять. Вы мои сыновья, и я буду любить вас, чем бы вы ни занимались.

— Правда! — восхищенно воскликнул Руперт, но все тот же грозный взгляд усадил его на место.

— Хех, — умиленно улыбнулся Ян. — Не ожидал услышать от тебя такое.

— Я и сам не ожидал. Но я много слышал о твоих приключениях от Господина ди Нери. Да и твой любимый учитель пару раз к нам заходил... Кроме того, как поговаривают, вы спасли мэра от смерти и разыскали Розамунду ван Мейер. Это правда?

— Да.

— И как после всего этого, я могу тебе что-то запрещать?

— Йозеф! — упрекнула его жена.

— Что Джоанна? — удивился мужчина. — Похоже, наш оболтус действительно вырос. И теперь пришла пора отпустить его в свободное плавание. Но помни, Ян, — он строго посмотрел в глаза сыну, — где-бы ты ни был, мы твоя семья. Ты всегда можешь вернуться, и всегда можешь рассчитывать на нашу помощь.

— Спасибо, папа. Я этого не забуду.

Ближе к вечеру улицы города практически опустели. Зато в каждом доме едва ли ни во всех комнатах горел свет — люди спешно собирали вещи, готовясь к тяжелому дню.

Ян, простившись с родными, покинул отчий дом и быстрым шагом направился к особняку Флорису Одвасберу, где еще днем Сальваторе ди Нери объявил общий сбор.

Путь занял не более двадцати минут. Подходя к красивому ажурному забору, бард заметил одинокую фигуру, стоявшую рядом с открытой калиткой. С первого взгляда он узнал Руда де Йонга.

— А вот и ты, — подняв голову, произнес констебль. — Нужно поговорить.

Юноша сразу понял, что его друга что-то тревожит. Обычно решительный голос констебля прозвучал как-то неуверенно или даже смущенно, а пронзительный взгляд так и не посмел подняться до глаз барда.

— Я слушаю, — тихо ответил Ян.

— Пойдем, пройдемся немного.

Они отошли от особняка заместителя мэра и медленным шагом направились в сторону центральной площади.

— Что ты хотел сказать, Руд, — первым нарушил молчание бард.

Констебль не сразу ответил. Он остановился и через силу взглянул в лицо барда. Тут же отвел глаза.

— Скажи... — еле слышно проговорил Руд. — Ты любишь Розамунду?

Юноша замер с открытым ртом и не сразу нашел что ответить. Однако спустя несколько секунд все же произнес:

— Не важно, если ее любишь ты.

Взгляд констебля мгновенно ожил. Неловко улыбаясь, он посмотрел в глаза другу:

— Ты знаешь, да?

— Знаю.

Руд смутился еще сильнее.

— Пойми, я не хотел... Каждый раз я видел, как ты смотришь на нее... Я никогда не мешал. Всегда ждал в сторонке... Я подходил к ней, когда тебя рядом не было... Я не...

— Успокойся, Руд, — твердо произнес Ян. — Все хорошо. Просто ответить мне — ты действительно полюбил ее?

— Больше жизни, — прошептал де Йонг.

— Вот и славно, — кивнул Ян. — Тогда возьми Розамунду и немедленно покинь город, — бард развернулся, направившись обратно к дому Флориса.

— Постой, — догнал его Руд. — Что ты такое говоришь? Я останусь и буду защищать Эйкдам!

— Даже не думай! — резко выкрикнул Ян и, успокоившись, продолжил: — Это не твой город. Не твоя Родина. Забирай то, что дорого тебе и уходи!

— Тогда ты поедешь с нами!

— Нет. Я останусь.

— Но...

— Нет! — твердо произнес Ян. — Если ты ее любишь, и если считаешь меня своим другом — уезжай. Не дожидайся утра — не стоит Розамунде быть с горожанами, ведь если они узнают ее, непременно захотят выдать конунгу. Пообещай мне, Руд, что позаботишься о ней.

Часть пути они прошли молча. И лишь поднимаясь по ступеням крыльца особняка Одвасбера, де Йонг тихо, но очень твердо произнес:

— Обещаю.

— Я никуда не поеду! — топнула ногой Розамунда.

В гостиной Флориса Одвасбера было не так ужлюдно, как ожидалось. На общий сбор явились далеко не все, кто должен был. Помимо самого хозяина дома здесь присутствовали трое констеблей, командующий гарнизоном, пара человек из Магистрата, а так же ди Нери, Руд, Ян и Розамунда. Ни главный констебль с товарищами, ни остальные градоначальники явиться не сочли нужным. Или они просто очень сильно испугались, как про себя решил бард.

— Правильно, девочка, — кивнул Флорис, и его поддержал тощий пожилой мужчина в пенсне — крупный торговец и член Магистрата Гертин ван Лейл. — Только ты сможешь

спасти город!

— Бред!!! — Руд хлопнул по столу так сильно, что едва не расплескал чай из кружек. Присутствующие изумленно уставились на него. — Я уже говорил, что Агмунда это не остановит! Он жаждет не только наживы, но и крови!

— Что вы себе позволяете, господин специальный констебль, — возмутился ван Лейл. — Как вы смеете перечить господину Одвасберу!

— Господин де Йонг дело говорит, — тихо произнес второй чиновник, мужчина с добрым взглядом и пышными усами, господин Квирин ван Бомель — глава гильдии врачей и целителей. — Бессмысленно отдавать в пустую человеческую жизнь.

— Что ты вы такое говорите, уважаемый господин ван Бомель, — стоял на своем Гертин ван Лейл. — Мы в первую очередь должны думать о благополучии Эйкдама! И ради этого мы должны пойти на столь тяжкий шаг.

— На столь тяжкий шаг ты хочешь пойти, чтобы спасти свою старую задницу, — оскалился Руд. — Я и пальцем не позволю тронуть Розамунду ван Мейр!

— Выбирай выражения, де Йонг, — один из констеблей, мужчина с длинными светлыми волосами поднялся с места, положив руку на рукоять клинка. — Ты разговариваешь с представителем Магистрата!

— Что?! — Руд тоже встал на ноги. — Тебе что-то не нравится?! Тогда вали отсюда, как твой любимый Юрген ван Брюхтвет!

— Не смей так говорить о главном констебле! А то...

— МОЛЧАТЬ!!! — голос девушки смог в миг остудить горячие головы мужчин. Де Йонг изумленно уставился на любимую. — Я сама буду решать, что мне делать со своей жизнью! Если она даст шанс Эйкдаму, пусть так и будет! Я с гордостью ее отдам! Я не собираюсь убегать и прятаться в норку, как переполошенная мышь!

— Bravo! — захолопал Флорис, ван Лейл и двое констеблей. — Очень достойный шаг.

— Позвольте не согласиться с вами, господин Одвасбер, — сухо произнес капитан ван Зеллер. — Гарнизон Эйкдама не желторотые юнцы. И у нас то же есть своя гордость! Мы не можем позволить юной девушки умереть, что бы сохранить наши жизни. Мы сами сможем защитить город.

— Но если Леди Розамунда желает помочь, нам не стоит отказываться, — стоял на своем Флорис.

— Еще как стоит, — подал голос доселе молчавший ди Нери. — Можете называть это злоупотреблением властью в личных целях, но я как исполняющий обязанности мэра Эйкдама не позволю госпоже ван Мейер вот так умереть, — он поднял полный боли взгляд на Розамунду. — Она итак ужасно страдала. И пусть самую малость, но я хочу помочь ей. Клянусь Всевышним, я не позволю ей погибнуть просто так.

— Но почему, господин ди Нери?! — всплеснул руками ван Лейл.

— Господа! — неожиданно поднялся с места Ян и, окинув всех взглядом, произнес, едва справившись с волнением: — Уверен, вы все хотите помочь нашему городу! Но смерть Розамунды ничего не даст! Я молод и многого не понимаю, но я стараюсь слушать людей и все запоминать! А люди говорят, что Агмунд — бешенный пес. Его не остановить брошенной костью, как другую собаку, — краем глаза бард заметил, как Руд почти незаметно улыбнулся такому сравнению. — Поэтому прошу вас, оставьте Розамунду в покое. Позвольте ей жить. Жить вместе со всеми нами, а не умереть в одиночестве...

Присутствующие переглянулись и закивали. Даже ван Лейл не стал противиться, молча

вздернув нос и отвернувшись.

— Ян... — тихо прошептала Розамунда и, смахнув выступившую слезу, вскочила на ноги. — Не решайте все за меня! Мой отец обещал отдать меня Агмунду! Из-за этого Эйкдаму грозит опасность! Я как порядочная дочь хочу защитить доброе имя своего отца! И защитить свой город!

Руд медленно встал и не спеша направился к возбужденной девушке. Она только изумленно хлопала глазами. Когда констебль оказался настолько близко, что Розамунда могла почувствовать его дыхание, то невольно зарделась и отвела взгляд.

В следующий миг Леди ван Мейер почувствовала, как его сильные руки обхватили ее под колени. Через секунду девушка уже болталась на плече де Йонга, словно мешок зерна.

Мужчины, присутствующие в комнате, изумленно вскочили на ноги. Девушка начала стучать кулачками по широкой мужской спине.

— Что ты делаешь, дурак! — лепетала Розамунда. — Немедленно поставь меня на пол!!!

Он повернул голову и тихо прошептал в ответ:

— Будешь дрыгаться, стукну головой о стену, — затем, повернувшись к остальным, громко сказал. — Я забираю ее в Империю. Немедленно!

Флорис Одвасбер уже открыл рот, чтобы возразить, но Сальваторе жестом прервал его:

— Я дам вам лучших лошадей, — твердо произнес он.

Двое всадников неслись по темному тракту. Стены Эйкдама уже давно остались позади. Не было попутчиков, никто не ехал им навстречу. Лишь звезды и месяц наблюдали за бешеной скачкой, освещая дорогу и обрамляющий ее лес.

Расстояние между лошадьми было порядка десяти метров. Руд то и дело оборачивался, чтобы увидеть ее насупившееся лицо. Девушка даже не смотрела на него, надув щеки, словно жадный хомяк.

— Черт! — не выдержал де Йонг и, натянув поводья, остановил своего жеребца. Кобыла Розамунды едва не влетела в них.

— Что ты творишь! — закричала девушка.

Вместо ответа констебль спрыгнул коня, подвел его к обочине и привязал поводья к придорожному столбу. Только после этого он подошел к девушке и посмотрел на нее снизу вверх.

— Может хватит уже? — устало произнес Руд.

— Что хватит?! — всплеснула руками Розамунда.

— Успокойся, пожалуйста, путь нам предстоит не близкий. Не хотелось бы его провести в подобной обстановке.

— Мало ли что тебе хотелось! Мне вот тоже не хотелось сбегать из города, поджав хвост! Мы, как крысы, бегущие с тонущего корабля.

— И что же ты предпочла бы сделать? — сдерживая гнев, спокойно произнес де Йонг.

— Поговорить с Агмундом, конечно же!

— Думаешь, это помогло бы?! — не выдержал Руд. — Думаешь, он бы послушался?! Он бы забрал тебя себе, но все равно бы напал на город! Или ты просто хотела оказаться в руках этого северянина?!

— Дурак, что ли?! — возмутилась Розамунда. — Да он же бездушный дикарь! Кто вообще этого захочет?! Как у тебя вообще язык повернулся ляпнуть такое?!

Руд облегченно вздохнул и широко улыбнулся:

— Вот и славно. Вот и хорошо, — тихо произнес он.

Она посмотрела на его взволнованное лицо и тоже невольно улыбнулась.

— А ты бы расстроился, если бы я сделала то, что должна была? — неожиданно спросила она.

Руд изумленно захлопал глазами.

— Конечно! Что за вопрос такой!

— Ну ладно, — кивнула она. — Тогда я тебя прощаю. Но... — тихо пробормотала она. — Это не меняет того, что Эйкдам падет... много людей погибнет... И Ян тоже, — Руд заметил, как при холодном свете звезд блеснула слеза на ее щеке. Девушка вздрогнула и еле слышно произнесла: — Почему мы сбежали, Рутгерс? Я не хочу умирать! Не хочу, чтобы умер ты! И Ян... Почему он решил остаться?! Вон сколько людей из Магистрата решили не рисковать своими шкурами и даже не удосужились явиться в дом дядя Флориса! А Ян пришел! Он не сбежал, как мы...

Она всхлипнула, а затем и вовсе разрыдалась. Боль и тоска сжали сердце де Йонга, который не мог отвести от девушки глаз. Медленно опустившись на одно колено, он, не отводя от любимой взгляда, громко и четко произнес:

— Розамунда ван Мейер, ты выйдешь за меня замуж?!

Вздрогнув, она прекратила плакать и в полном исступлении уставилась на него. Руд ждал, что же она ответит. Но она молчала. Стоя на одном колене, он начал ерзать, боясь услышать «нет».

— Ты выйдешь за меня замуж? — нетерпеливо повторил он вопрос, пытаясь хоть как-то себя успокоить. — Ну же, не тяни! Нам еще ехать нужно!

— Что ты такое говоришь, Рутгерс, — покраснев, пролепетала она. — Разве сейчас время для таких разговоров... ты же знаешь... Эйкдам... Ян...

— Ты выйдешь за меня замуж?! — в третий раз, уже с нажимом произнес он.

Она отвела взгляд, затем вновь повернулась, после чего посмотрела в другую сторону. И опять на него. Твердая решимость не покидала глаз мужчины, преклонившего перед ней колено. Розамунда не могла сопротивляться.

— Да... — выдохнула она.

Руд удовлетворенно кивнул, встал на ноги, отряхнул штаны и, подойдя к своему коню, отвязал поводья. Запрыгнув в седло, он посмотрел на нее и уверенно произнес:

— Я бы и без того бы спас Эйкдам. Но теперь это будет моим тебе свадебным подарком.

Утренние сумерки еще не успели рассеяться, а все жители Эйкдама уже были на улице. День обещал быть знойным. Гул, накрывший город, казалось, слышали даже в соседних кантонах. Крики, ругань и детский плач сливались в единый унисон.

— Соблюдайте спокойствие. Соблюдайте спокойствие, — без устали повторяли мушкетеры.

Проталкиваясь сквозь взъерошенную толпу, Ян пробирался к уговоренному месту. Еще вчера он пообещал родным проводить их. Они должны были ждать у бакалейной лавки на углу Восточной улицы и переулка Пекарей.

— Смотрите, Ян! — закричала Петра и уж было рванула к брату, но Йозеф успел

поймать дочь за шкуру, опасаясь, что ребенок затеряется в толпе.

— Все привет, — помахал им бард.

Он пожал руку отцу и брату и обнял мать с сестрой.

— Ян, ты ведь передумал оставаться и пойдешь с нами? — с надеждой в голосе спросила женщина.

— Нет, мам. Я остаюсь, — твердо произнес юноша.

— Ну как же так? Пожалей, мать! — взмолилась она.

— Джоанна! — резко отдернул супругу господин ван дер Веттелик. — Прекрати. Не позорься и не ставь сына в неловкое положение. Все уже решено. Верно, Ян?

— Верно, — улыбнувшись, ответил бард. — Я пришел лишь попрощаться. Берегите себя. Я вас люблю.

— И мы тебя! — Джоанна и Петра, не сдержав слез, бросились ему на шею. — Мы будем молить Всевышнего защитить тебя, Ян, — причитала женщина. — Пусть только с тобой все будет хорошо.

— Непременно, — тихо ответил он.

Простившись с семьей, Ян отправился обратно, к центру города. Бард несколько раз обернулся. Всякий он махал родным и улыбался. Он крепился, чтобы не расплакаться. Не от страха — от умиления и переполняющих сердце чувств.

— Папа, ты остаешься? — бард услышал детский голос и повернулся. Маленькая девочка на ручках мушкетера обнимала его за шею.

— Да, дорогая, — улыбнулся ей отец.

— А почему? Мы с мамой не хотим путешествовать без тебя.

— Не переживай, малышка. Скоро вы вернетесь, а я буду ждать вас у ворот, — пообещал ей мушкетер.

— Правда-правда?

— Правда-правда, — кивнул мужчина.

Ян быстро отвернулся. В голове тут же пронеслась мысль, что этот человек может больше не увидеть своих родных. Как и он сам своих...

Внезапно гул начал стихать, и бард встревоженно замотал головой. Поняв причину, он тут же успокоился.

Сальваторе ди Нери, стоя на Восточных воротах, призывал сограждан к тишине. Рядом с ним стоял Одвасбер, ван Бомель, ван Зеллери и четверо мушкетеров. Когда народ стих, временно исполняющий обязанности мэра громко произнес:

— Жители Эйкдама, сегодня вы покидаете город! Но я обещаю, совсем скоро вы сможете вернуться! Мы непременно выстоим и встретим вас как победители. Обещаю, мы защитим Эйкдам! А после вместе отпразднуем победу! Идите и не бойтесь! Наш славный город ни за что не падет под натиском врага!

Народ отозвался вялым гулом. Все были слишком взвинчены и чересчур напуганы, чтобы слепо верить его словам.

Спустя два часа, после того как колонна горожан отправилась на восток, Ян сидел в зале заседания Магистра. Помимо ди Нери, ван Бомеля, трех констеблей и Одвасбера здесь были еще трое неизвестных барду мужчин (судя по одежде — военные) и тот самый

громила, что после поражения Гнуса первым сложил оружие перед мэром.

Дверь открылась, и на пороге появился капитан ван Зеллер.

— Полагаю, все в сборе, — произнес Сальваторе. — Не так уж нас и много.

— С вашего позволения, я представлю всех присутствующих, — хмыкнул Флорис. Ди Нери молча кивнул, Одвасбер продолжил: — Меня, Господина ди Нери и Господина ван Зеллера, полагаю, все знают? — каждый счел своим долгом подтвердить это предположение. — Хорошо. Далее господин Квириг ван Бомель — член Магистрата и лучший лекарь в городе. Господа Дан Дамер, Бартелд ван Квант и Том де Мак — констебли.

Мужчины молча кивнули, Ян внимательно посмотрел на них, стараясь запомнить каждого. Дан Дамер был старше остальных и напоминал уставшего от жизни белого медведя. Взгляд ван Кванта пылал молодецкой решимостью. Именно этот человек вчера громче всех спорил с Рудом. Том де Мак казался ровесником Яна. Он был и похож на него типичной лудестианской прической, светлой кожей и голубыми глазами. Но его красивое юношеское лицо уже успел обезобразить совсем свежий алый шрам.

— Капитаны Каролус де Паар и Бруно Риццо командуют кораблями, охраняющими порт, — продолжал Одвасбер.

Этих Ян запомнил легко: черноволосый — эмрудец, светлый — лудестианец.

— Лейтенант Тибо Дюпон, — указал он на черноволосого военного с тонкими усиками. — Помощник капитана ван Зеллера и командующий портом. А так же господин представляет отряд добровольцев... Хм... Извините, как вы назвали вас называть? — обратился старик к лысому громиле.

— Буйвол, — улыбнулся он. — И я не господин.

Флорис кивнул и повернулся к Яну.

— А этот молодой человек господин Ян ван дер Веттелик — друг и помощник специального констебля Эйкдама и временно исполняющий его обязанности.

— Что? — изумленно выпалил Ян. — Я — специальный констебль?

— Спокойно, — хмыкнул ди Нери. — Мы рассматриваем возможность назначения вас на эту должность. После всего, что вы сделали... но пока, господин ван дер Веттелик, будем считать вас специальным добровольцем. Устраивает?

— Да, — облегченно вздохнул Ян.

— Хорошо, — кивнул Сальваторе. — Тогда перейдем к делам. Прошу вас, Капитан Риццо.

Бруно Риццо поклонился, обвел всех взглядом, помолчал несколько секунд, после чего громко произнес:

— Мне уже доводилось встречаться сражаться с норхертрокцами. И то, что я пережил эту встречу по истине чудо. Они действительно звери. Их называют берсерками. А это значит лишь одно — сама битва для них важнее победы. Но не стоит пугаться раньше времени. Победить их можно. И им известен страх, просто так никто не хочет погибать. Даже норхертрокцы.

К сожалению, нам не известно, сколько кораблей приведет Агмунд. Уверен, их будет больше десяти. По сравнению с крупными морскими сражениями цифра не особо впечатляющая, но заблуждаться не стоит. У нас на приколе сейчас шесть кораблей. Три галеры и галеас, охраняющие порт, а так же каравелла и каракка, принадлежащие господам ди Нери и Одвасберу соответственно.

— А какие корабли у северян? — спросил Том де Мак.

— Хм... хороший вопрос, — улыбнулся Риццо. — У северян необычные корабли. Они называют их драклеасы. Это помесь исконных норхертрокских кораблей — дракаров и галеасов. Длинные, узкие, с высоко поднятой кормой и штырем-драконом на носу. При том двигают их гребцы. Правда есть и широкий парус на основной мачте. Драклеасы вооружены пушками. Пусть сами северяне не умеют их отливать, но мы-то умеем. И раз уж Эйкдам не первый в их списке, то уверен, припасами они успели разжиться.

— Значит шесть кораблей, против десяти... — задумчиво проговорил Флорис.

— К сожалению, это не так, — покачал головой Бруно. — Я говорил, что их не меньше десятка, но вполне может быть и больше. Что же касается наших кораблей, то у нас не хватает гребцов.

— А на моем корабле не хватает команды, — заметил Сальваторе. — Затопите две галеры в порту, а команду переведите на мою каравеллу. Я отдаю ее городу.

Одвасбер посмотрел на него и, нахмурившись, быстро пробормотал:

— Возьмите и мою каракку. Она всяко лучше вашей галеры.

— Благодарю, господа, — кивнул Риццо. — Тогда предлагаю следующее: мы затопим две галеры в порту, как и сказал господин ди Нери. Так мы затрудним высадку противнику. Еще из одной соорудим брандер. На остальных трех кораблях мы вступим в бой.

— Это бессмысленно! — всплеснул руками господин ван Бомель. — Вы лишь зря погибнете!

— Благодарю за беспокойство, — улыбнулся старый моряк. — Но вы не правы. Мы будем держаться на расстоянии и стараться завести их флот под пушки порта. Затем отступим на юг. Когда они начнут высадку, мы окажем поддержку нашим сухопутным войскам. Если все получится, враг будет зажат с двух сторон. Часть северян уже будет на суше. Остальным же придется сразу сражаться и с тремя кораблями, и с фортом.

— Очень рискованно и оптимистично, — покачал головой лейтенант Тибо Дюпон. — Не факт, что они купятся.

— Купятся, Тибо, — ответил ему капитан ван Зеллер. — Норхертрокцы никогда не думают о своей безопасности и просто рвутся в бой. Едва показавшись в заливе, они нацелятся на наш порт. И им плевать, что будет происходить вокруг.

— Совершенно верно, — поддержал Риццо. — Поэтому основные силы врага будут сражаться на суше. Остальные же познакомятся с нашими кораблями и пушками форта!

— Прекрасный план, капитан Риццо, — похвалил его Сальваторе. — У кого-нибудь есть возражения относительно этой части? — мэр обвел присутствующих взглядом. Собравшиеся лишь отрицательно покачали головой. — Хорошо. Тогда переходим к следующей. Я предлагаю взорвать все городские ворота кроме Восточных. Их пока просто заложить взрывчаткой, чтобы оставить нам путь к отступлению.

— Что??? — ошарашенно выпалил Флорис. — Вы в своем уме?! Да как так можно!

— Поддерживаю господина Одвасбера! — поднял руку Тибо Дюпон. Том де Мак согласно кивнул.

— Это дикость! — возмутился капитан Каролус де Паар. — Топить корабли в порту — это одно! А взрывать ворота — совсем другое.

— А я поддерживаю мэра! — хлопнул по столу Буйвол. — Идея славная! Если нам навалют, наши будут в опасности! А так перекроем все выходы и сами сбежим! На крайняк можем схорониться в лесу и нападать на северян из засад!

— Но вряд ли норхертрокцы ринутся вглубь континента! — возразил Флорис. — С

такими мыслями мы могли сразу взорвать все ворота, а самим ждать их в лесах!

— Вынужден не согласится, господин Одвасбер, — подал голос констебль Дан Дамер. — Мы должны сражаться именно в Эйкдаме. Если мы даже не сможем прогнать врага, то вымотаем его и ослабим.

— Господин Дамер прав, — подтвердил капитан Риццо. — Защищать Эйкдам всеми силами необходимо. Говорят, северяне могут бежать не останавливаясь несколько дней. А это значит, что они вполне могут догнать тех, кто ушел на восток. Вы представляете, что случится, если мы им это позволим сделать? Я поддерживаю господина ди Нери. Хоть это и тяжело, но мы должны пойти на такой шаг ради нашего же города.

— Точняк! — поднял руку Буйвол. — Кто еще с нами?

После недолгих колебаний все согласились с предложением Сальваторе ди Нери.

— Хорошо, — кивнул мэр. — Теперь обсудим формирование и размещение отрядов.

Заседание длилось еще более часа, прежде чем все отправились готовиться к обороне города.

— Враг на горизонте! Подъем! — закричал мушкетер, врываясь в ратушу, где обосновался отряд поддержки.

Ян вскочил со своего лежака и ошарашенно завертел головой. Многие уже были на ногах.

— Построится! — велел ван Бомель, и его отряд выстроился в шеренгу. — Действуем согласно плану. Я и...

Он не успел договорить. Пушечная канонада, разразившаяся в порту, перебила главного лекаря. Люди зашептались, испуганно озираясь по сторонам.

— Началось! — крикнул Квирина. — За дело, — он кивнул Тому де Маку.

— Вперед! — скомандовал молодой констебль и, махнув рукой, призвал вверенную ему группу следовать за ним.

Под руководством де Мака Ян и еще двадцать восемь человек выбежали на улицу. Их главная задача — доставлять раненых в ратушу и оказывать первую помощь.

Едва покинув здание, бард увидел три отряда мушкетеров, бегущих по направлению к порту. Среди них он заметил Сальваторе ди Нери в черной кирасе и черепнике[1]. Рядом с ним находился и Флорис Одвасбер. В отличие от мэра, его кираса и морион[2] сверкали золотом в первых лучах утреннего солнца.

Группа поддержки держалась чуть поодаль от мушкетеров. Они быстро спустились к портовому кварталу, и де Мак дал сигнал остановиться.

Грохот пушечных выстрелов звенел в ушах молодого барда. Казалось, пушки стреляют за забором соседнего дома, хоть он и знал, что до порта отсюда как минимум полкилометра.

Том де Мак юркнул между домов и скрылся из виду. Он отсутствовал несколько минут, а когда появился, громко, чтобы перекричать грохот выкрикнул:

— Двигаемся дальше. Тихо и осторожно.

Группа продолжила путь. Они остановились метрах в ста от причала, где уже выстроились основные войска. Выглядывая из-за угла серого склада, Ян пытался рассмотреть, что же происходит в море. Далеко. Плохо видно. Бард невольно сощурился и напряг глаза.

Во что бы то ни стало ему хотелось воочию увидеть настоящее морское сражение.

Внезапно по всему телу растеклось приятное тепло, которое в тот же миг устремилось в глаза. И тогда он прозрел. Сквозь дым и порох Ян видел так отчетливо, будто битва развернулась всего лишь в паре метров от него.

«Природный Дар»- догадался он и сосредоточился на происходящем.

Затаив дыхание, Ян смотрел на флотилию Агмунда. Конунг вел тринадцать огромных кораблей, каждый не менее сорока метров длиной. Они величественно скользили по морской глади, всем своим видом подтверждая, что северный ветер приносит смерть. И пусть на суше бард практически не ощущал дуновения ветра, паруса драклеасов чуть ли не трещали по швам. Они неслись с такой скоростью, словно все морские ветра помогали норхертрокскому флоту.

Однако капитан Риццо был прав. С ними можно сражаться. Два корабля отстали от своих собратьев. Один кренился на правый борт, у другого полыхала корма. Но закаленных в боях северян нельзя было сломить подобной ерундой. Они не бегали в панике по палубе, а спокойно пытались сдвинуть судно с места. И когда поняли что это бесполезно... всей командой кинулись в воду. Норхертрокцы плыли к берегу быстрее акул. А их могучие тела обволакивала едкая кроваво-красная дымка. Жажда.

Другие корабли флота разделились. Два из них направились к каракке и каравелле, обстреливающим врагов с юга. Галеас Эйкдама уже был потоплен. Еще три уверенно приближались к форту, не страшась его пушек. Ну а остальные шесть неслись прямо в порт.

— Они приближаются! — закричал здоровый мужчина вrozenный молотом.

— Они уже рядом! — вторил другой, сжимавший в руке ржавый тесак.

— Спокойно! — велел Том де Мак. — Не высовываться!

Пушки, выставленные в порту, громкими выстрелами встречали врага. Ядра дырявили обшивку, но не могли остановить несущиеся на них корабли. Перед флагманом медленно поднималась волна. Ян не сразу заметил пятерых человек, стоящих на носу драклеаса и вздымающих руки к небу.

— Что за напасть... — пробормотал молодой констебль в тот миг, когда эта волна обрушилась на порт.

Она смела построение эйкдамских мушкетеров. А когда воины пришли в себя и поднялись на ноги, было уже поздно...

— Вперед! Мои братья! — закричал здоровенный мужчина, размерами и мышцами похожий на огаина. Он был молод и полон сил. Длинная светлая борода, заплетенная в косу, спускалась до груди норхертрокца, а волосы, также стянутые в тугую косу, полностью закрывали спину. Ян сразу догадался, что этот человек, сжимающий в руках два топора, не кто иной, как предводитель норхертрокцев — конунг Агмунд.

Северяне с флагмана ринулись в порт. Словно детей они смели первые ряды мушкетеров. Агмунд, как зверь, крушил всех вокруг.

— За дело! — скомандовал молодой констебль. Отряд поддержки выступил вперед.

Де Мак с горестью заметил, что часть его добровольцев застыли на полпути, не решаясь двигаться дальше. Защитники города застыли в ступоре, не в силах сделать и шаг навстречу северянам. Чертыхнувшись, юноша побежал вперед с небольшой кучкой тех, кто все же смог побороть свой страх.

Здоровенный северянин вылетел на констебля. Отбив удар тяжелого топора, Том свалился с ног. Враг подбежал к нему и вновь обрушил на молодого человека свое оружие. Увернувшись от его атаки, де Мак атаковал сам. Он глубоко ранил своим фламбергом

норхертрокца, но бугай лишь хищно улыбнувшись, развернулся и... два тесака пронзили его насквозь.

— Молодцы! — похвалил констебль своих подчиненных. — Не вступайте в бой просто так! Помогайте своим! И не забывайте, для чего мы здесь.

Внутри Яна все сжималось. Крики ужаса и стоны боли набатом стучали в его голове. Никогда в жизни он не видел столько смертей. И никогда в жизни не желал увидеть. Он бежал вперед, не понимая, что делать, пока не услышал сдавленный стон:

— Помогите...

Посмотрев под ноги, бард увидел мушкетера. Мужчина лежал на земле, зажимая кровоточащий бок. Ян сразу узнал этого человека — он обещал своей дочери встречать ее и жену у ворот. А сейчас он умирал...

Склонившись над ним, бард заплакал. Все сжималось в груди...

— Почему? Почему так получилось?!! — повторял он про себя. — Почему вы все должны умереть?!! За что?!!

— Помогите... — выдавил мужчина и потерял сознание.

— Нет... — прошептал Ян. — Нет... ты должен вернуться к родным! Должен!!!

Жаркий огонь ожег его душу. Бард схватил человека за руку и, поддавшись эмоциям, запел. Слова сами складывались в строки. Наполнялись силой...

Ты не умрешь,
Жизнь проживешь.
Счастье придет,
Семья тебя ждет.
Погибнут враги,
Бой позади.
Смерть их заберет,
Наше солнце взойдет.

— Давайте, ребята, поднажмем! — закричал сражавшийся неподалеку Буйвол, и его парни ответили одобрительным гулом. У мушкетера же, лежащего перед Яном, выровнялось дыхание. Кровь прекратила литься из раны. Казалось, мужчина просто уснул.

Ян взвалил его на плечо и потащил с поля боя. Спрятавшись за двухэтажным зданием, он заметил одного из людей своего отряда. Молодой парень, примерно одно возраста с бардом, выглядывал из-за угла конторы начальника порта.

— Доставь его в ратушу, — велел бард. Парень испуганно кивнул и аккуратно принял раненого.

Бой был в самом разгаре. Сначала мушкетеры держались. В один момент даже показалось, что они берут верх, но именно тогда из воды появились те, кто добирался до берега вплавь. Мокрые и разъяренные они присоединились к своим товарищам.

Ян вытащил еще пятерых, прежде чем заметил, что начался, пожалуй, самый главный поединок. Лидеры сошлись один на один.

Сальваторе ди Нери с самого начала пробивался к Агмунду. Мэр Эйкдама был уверен, что убив вождя, он ополовинит силы врага. Но добиться желаемого было ой как нелегко — между ним и конунгом сразу образовалась целая стена норхертрокцев.

Ловко орудуя шпагой, градоначальник прорывался вперед. Конунг тоже не стоял на месте, разрубая на части защитников города одного за другим.

— Агмунд!!! — закричал ди Нери, когда до главного врага оставалось всего лишь несколько метров.

Зарубив сразу двух противников, светлобородый вождь повернул голову. Сальваторе спустил курок пистолета. Грянул выстрел, и пуля ударила в грудь вождю.

— Арх-ха-ха! — смех Агмунда был больше похож на рык. — Хочешь сразиться со мной?! Ну давай! Попробуй!

Ди Нери не смутило то, что меткий выстрел точно в сердце не убил его врага. Он уже давно заметил, что северян не так просто убить. Складывалось впечатление, что пули застревают в их телах, так и не достигнув цели, а страшные раны не мешают норхертрокцам биться до последнего вздоха.

Сальваторе занял боевую позицию. Он не нападал первым, ожидая хода противника. Ждать пришлось недолго.

Как хищник, Агмунд рванул вперед, обрушив на врага град тяжелых ударов. Ди Нери уже поверг ни одного северянина, однако удары вождя нельзя было сравнивать с атаками его братьев. Шпага, ковавшаяся лучшими ильзанскими мастерами из гарзитской стали, звенела так, будто вот-вот лопнет. Рука мэра тяжелела от каждого выпада разъяренного конунга.

Ди Нери отступал. Времени для контрудара совершенно не было. Все, о чем он мог думать — лишь защита. Внезапно Агмунд остановился и, повернув голову, наотмашь ударил правым топором, отрубив голову мушкетеру, решившему вмешаться в поединок. Этой секунды хватило мэру, чтобы атаковать северянина.

Вождь не успел отбить этот выпад. Шпага вошла ему в живот. Он даже не поморщился. Ди Нери давил на эфес, но клинок вошел лишь на половину, отказываясь лезть дальше. Сальваторе дернул на себя. Тщетно.

— Ар-р-р!!! — зарычал конунг и ударил левым топором.

В последний момент ди Нери успел увернуться. Его оружие осталось в животе врага. Одним рывком Агмунд вырвал шпагу и сломал ее пополам. Затем стремглав бросился на врага.

Увернувшись от удара, ди Нери подобрал клинок погибшего мушкетера и повернулся к своему противнику. Лицо конунга пылало яростью. Он скалился и рычал. И вновь бросился на Сальваторе.

Тот не смог защититься. Топор разрубил его меч и тело. Тяжело дыша, ди Нери упал на землю. Агмунд замахнулся, чтобы закончить начатое.

Пронзительно крича, на вождя набросились двое констеблей. Дан Дамер и Бартелд ван Квант как разъяренные псы, бросились на конунга.

— Держитесь, — услышал ди Нери голос Яна ван дер Веттелика. — Я спасу вас.

На этот раз Яну самому пришлось тащить раненного, ибо больше свободных рук не осталось. Вместе с ним еще семеро человек из отряда поддержки возвращались в ратушу.

Несмотря на груз, все передвигались практически бегом. Дорога была каждая секунда. Лекари и цирюльники принимали бойцов прямо на главной площади, чтобы экономить время.

— Как дела в порту? — деловито поинтересовался ван Бомель, после того как бард передал ему мэра.

Ян не успел ответить, за него это сделал Том де Мак:

— Все очень плохо, — повернувшись на голос, бард увидел, что молодой констебль тащит Одвасбера. Старик был без чувств, а из пробитой кирасы струилась кровь.

— Похоже, скоро придется покинуть город, — произнес главный лекарь, обрабатывая рану мэра какой-то вонючей жидкостью.

— Как он? — Том, отдав Флориса подоспевшему цирюльнику, кивком головы указал на Сальваторе.

— Жить будет, — пообещал ван Бомель. — Его рана чудесным образом затянулась...
Никогда такого раньше не встречал.

Со стороны портового квартала послышался топот. Люди испуганно повернулись на шум. Через несколько секунд они увидели Буйвола. Бугай бежал, зажимая рукой рану на голове. За ним сзади ковыляли человек пятьдесят из его отряда.

— Командующий приказал вам покинуть город! — издали крикнул громила. — Живее! Берите раненных и отступайте! Мы вам поможем!

Квирин ван Бомель молча кивнул и жестом приказал своим помощникам выполнять распоряжение. Добровольцы Буйвола поспешили к ним, грузя раненных на носилки.

— Идемте, Ян, — Том де Мак дотронулся до плеча барда. — Мы тоже должны помочь.

— Я не пойду, — покачал головой бард. — Я возвращаюсь в порт!

Молодой констебль попытался его остановить, но юноша уже не слушал своего командира. Рванув с места, он побежал обратно к порту.

Бежать пришлось не долго. Позиции эйкдамцев сместились. Они уже сражались совсем близко к городской площади. В этой мясорубке он увидел капитана ван Зеллера. Пожилой вояка стоял, опираясь на меч, и тяжело дышал. Слева на него несся огромный северянин. Норхертрокец уже замахнулся молотом и...

Ян успел. Бард начал действовать еще до того, как осознал, что же именно он делает. В голове юноши вертелась лишь одна мысль: «Спасти этого милого человека». Он сдернул со спины лютню и что было силы приложил нападавшему. Громила отлетел на несколько метров и лишился сознания.

— Фух... спасибо, — поблагодарил его ван Зеллер.

— Не за что. Вы ранены? Вам нужно отступить!

— Нам всем нужно отступить! Наши корабли потоплены! Форт разбит! Их подкрепление скоро высадится в порту! Как там отряд поддержки?

— Они уже на пути к Восточным воротам!

— Хорошо, — кивнул старик. — Ступай к ним и вели взорвать ворота!

— Что? — изумился Ян. — А как же вы? Вы все погибните!

— Иначе не получится! Если мы побежим с поля боя, они рванут за нами! Тогда мы просто не успеем уничтожить ворота! Путь врагам останется открытым! И все сегодняшние жертвы будут зря! Все население города падет!

— Я не допущу этого! — холодно произнес Ян.

— Правильно, сынок! Тогда ступай скорей!

— Нет! Велите солдатам отступить! Я выиграю для вас немного времени, но его должно хватить, чтобы вы успели добежать до ворот!

— Не говори глупостей!

— Велите!

Ван Зеллер взглянул в глаза этому щуплому юноше и обомлел. Такой решимости он не

встречал даже во взглядах закаленных в боях воинов. Старик дрогнул и, не веря в то, что делает это, громко закричал:

— Отступаем! Отступаем к воротам!!!

Солдаты Эйкдама поспешили выполнять приказ. Северяне же хлынули за ними. Эта волна летела на Яна, а он, словно скала, был непоколебим. Он шел против могучего течения, крепко сжимая лютню. Сила бушевала в нем! Он знал, что может положиться на свой Природный Дар! На свой Дар музыканта. И поэтому, ударив по струнам, громко запел:

Северный ветер несет нам смерть.
Вместе с морской волной
Она когтями скребется в дверь,
Она пришла за мной.
Ей не важны чины и род.
И пол не важен ей.
Косою своей всех заберет:
Женщин, мужчин, детей.

Стоило Яну пропеть первый слог, к непередаваемому удивлению мушкетеров северяне замерли словно истуканы. Больше всех поразился капитан ван Зеллер, но, не забыв о своей цели, он подгонял своих людей:

— Быстрее! Что встали! Отступаем!

Старик еще раз взглянул на молодого барда. Издали ему показалось, что из носа юноши струится кровь. Мужчина дернулся, хотел вернуться, но, вновь увидев решительный взгляд ван дер Веттелика, молча кивнул и побежал к воротам. Ян же продолжал петь:

И с человеческим лицом
Дьявол морской пришел.
Орду зверей с собой привел.
Кровавый убийца — он.
А что сподвигло его прийти?
Любовь, деньги иль власть?
Неважно. Ведь встанешь ты на пути -
Поглотит тебя его грязь.

Бард запнулся. Дышать становилось все тяжелее. Тело превращалось в камень. Он чувствовал, что его Природный Дар на исходе. Что Порыв — иначе избыток жизненной энергии — подходит к концу. Избытка нет. Осталось только сама жизнь. Но он знал, останавливаться рано. Нужно дать солдатам еще немного времени...

Северяне начали понемногу приходиться в себя, когда бард снова ударил по струнам:

Но что же я? Встав перед ним,
Свой слог с трудом держу.
Все просто — они позади.
Те, кем так дорожу.
И пусть остался совсем один...

Пусть... вороны только вокруг...

Пусть помнят меня... Я был любящий сын...

Поэт... Менестрель... И друг...

Прошептав последнее слово, Ян покачнулся. Веки опустились. Отхаркнув кровь, он упал на брусчатку именно тогда, когда где-то вдалеке раздался взрыв. Восточные ворота обрушились.

— Конунг, они завалили ворота! — доложил северянин с безобразным шрамом от ожога, опалившим ему когда-то всю черепушку.

Агмунд сидел на ступенях ратуши, потягивая эль из бурдюка. Рядом с ним стоял седой норхертрокец и одноглазая северянка с двуручным мечом и шрамом на пол-лица. Чуть поодаль стояли остальные.

— И что? — буркнул вождь. — Вели разобрать завал. Остальные пусть тащат все ценное на драклеасы. Через час устроим охоту за беглыми зайцами!

— Да, Конунг! — рявкнул мужчина и побежал исполнять приказы.

— Смотри, Олаф, — обратился Агмунд к седобородому, — еще один бежит, — усмехнулся он, указывая на северянина, бегущего со стороны порта. — Ничего сами решить не могут, болваны безмозглые!

— Конунг! — поклонился вновь прибывший. — Позволь доложить!

— Докладывай, раз приперся!

— Мы потеряли два драклеаса! Еще три повреждены! Что прикажешь с ними делать?!

— А сами не можете догадаться?! — нахмурился вождь. — Тут же верфь есть! Вели починить!

— Да, конунг!

Северянин рванул обратно. Агмунд, потянувшись, встал на ноги.

— Эй, Хельга! — крикнул он одноглазой. — Раздобудь мне что-нибудь пожрать!

Северянка искоса взглянула на Олафа. Старик незаметно кивнул.

— Да, конунг! — ответила Хельга и, махнув рукой женщинам, стоявшим неподалеку, скрылась из виду.

— Что будите делать, конунг? — взглянул на вождя седобородый.

— Пожалуй вздремну, — зевнул вождь, растягиваясь на крыльце.

— Разрази их боги, чертовы крысы! — воскликнул Агмунд, разглядывая кучу добра, вываленную на городскую площадь. — Все с собой уволокли! Что с воротами?!

— Разобрали, конунг! — доложил все тот же обгорелый норхертрокец.

— Зовите всех! — он обвел взглядом заполонивших площадь сородичей. — Треть остается здесь, остальные за мной! Догоним этих мерзких ублюдков, и намотаем их кишки на наши топоры!

— Да!!! Слава Конунгу!!! — разразилась толпа.

Агмунд посмотрел на них и одобрительно хмыкнул. Внезапно его взгляд остановился на одинокой фигуре. Один из северян — еще совсем юный, но уже покрытый шрамами, пробирался сквозь толпу. Наконец протолкнувшись, он едва не упал пред ногами вождя.

— А-ха-ха-ха!!! — рассмеялись норхертрокцы. Парень же вскочил на ноги и испуганно залепетал:

— Конунг, беда...

— Что? — проревел Агмунд. — Громче!

— Беда, Конунг! В бухте показался флот! Я еще никогда не видел столько кораблей! А флагман — галеон!

— Галеон? — удивленно зашептались северяне.

— Откуда здесь?

— Кто это может быть?

Вождь нахмурился и схватил парня за грудки:

— Малец! Здесь не может быть галеона!

Со стороны порта послышался топот. Норхерткцы изумленно расступились, пропуская вперед восьмерых своих братьев.

— Конунг! Флот! Флот! — закричал один из них.

— Уже слышал, — буркнул Агмунд.

— Нет, ты не понимаешь! У них имперский флаг!

Суровые лица северян побледнели. Они изумленно вертели головами ища поддержки друг у друга. Гул и гомон накрывал площадь, словно морской прибой, пока...

— Заткнулись все, суки дети! — рявкнул Агмунд и, откинув юнца в сторону, уверенной походкой направился в сторону порта. — Пойду взгляну на ваших имперцев!

Северяне собрались в порту и ошарашенно разглядывали флотилию, блокирующую выход из бухты. Имперских кораблей было вдвое больше, чем норхертрокцких драклеасов. Величественные галеоны, каравеллы, каракки и галеасы приковывали взор. Но каждый из людей, собравшихся в порту, знал, что этот флот опасен в первую очередь не своими кораблями, а теми, кто приплыл на нем.

От флагмана к Эйкдаму стремилась волна. На ее гребне гордо стояли пятеро человек. Их начищенные латы сверкали так ярко, что болели глаза.

— Смотрите, их всего пять! — испуганно пролепетал юноша. — Они что, не боятся?

Но ему никто не ответил. Норхертрокцев не пугало то, что кто-то смог подчинить себе воду. Некоторые из них тоже были способны на это. Однако количество смельчаков...

— Хранители устоев, — сквозь зубы процедил Олаф. — Самая жуткая сила Империи.

Волна достигла порта, и рыцари молча ступили на причал. Они шли прямо на расступающихся в ужасе северян. Норхертрокцы, словно зачарованные, глядели на доспехи бесстрашных воинов. На герб империи, что был выгравирован на сияющих латах — битву Королей-Чудотворцев с гигантским змеем, что произошла много веков назад.

Шедший первым длинноволосый мужчина лет тридцати пяти остановился и окинул всех тяжелым взглядом:

— Кто из вас Агмунд? — пророкотал он.

Вождь сплюнул себе под ноги и вышел в центр образовавшегося полукруга.

— Конунг Агмунд, — холодным голосом ответил он.

— Пройдем с нами на корабль. С тобой хотят говорить.

— Кто это такой важный, что испугался явиться сам?! — нахмурился вождь.

— Кое-то, чей титул намного выше твоего, — смерив его взглядом, произнес рыцарь.

Агмунд сжал кулаки и шагнул вперед, но Олаф, положив ему руку на плечо, широко улыбнулся и обратился к рыцарям:

— Мы не отпустим конунга одного!

— Пожалуйста, — кивнул Хранитель Устоев. — Можешь взять с собой десяток человек.

Агмунд яростно взглянул на седобородого северянина, снова сплюнул и махнул рукой своим приближенным.

Агмунд, Олаф, Хельга и еще восемь северян, что не отходили от вождя ни на шаг, вместе с рыцарями ступили на волну. Она понесла их к флагману и, достигнув корабля, поднялась до его борта. Люди взошли на палубу.

Держась за рукояти топоров и молотов, северяне, как загнанные звери, озирались по сторонам. Вся палуба была заполнена Хранителями Устоев и солдатами империи. Однако не они привлекали внимание больше всего. Возле главной мачты стояли два трона. На одном из них сидела светловолосая девушка в дорогом голубом платье. Она держала за руку огнеголового мужчину, облаченного в черный камзол и плащ-полусолнце. Его рыжие волосы поднимал золотой обруч, украшенный драгоценными камнями. Но четыре пистолета, висевшие на портупей, и фламберг не позволяли назвать мужчину щеголем. В целом он мало изменился и любой, кто знал его в Эйкдаме, вполне мог бы узнать в незнакомце специального констебля Руда де Йонга.

— Розамундочка, — уродливо улыбнулся Агмунд. — Вот ты где! А я тебя искал! Что это за цыплёнок возле тебя.

Девушка одарила его презрительным взглядом. В тот же миг послышался лязг обнажаемой стали, и вся палуба вмиг направила на северян клинки. Однако одного жеста Руда хватило, чтобы люди спрятали оружие.

— Выбирай выражения! — грозно произнес глава Хранителей Устоев. — Перед тобой Третий Принц Великой и Могущественной Империи, сын Императора Ульфреда XXXVI и Императрицы Селин XIX, брат Кронпринца Альбрехта и Принца Тайгриса — его высочество Принц Рутгерс.

— Принц... Здесь... — прошептал изумленный Олаф.

Руд кивнул рыцарю, поблагодарив того за представление, и громко произнес:

— Конунг Агмунд, Империя не хочет вмешиваться в ваш конфликт с Лудестией. Мы сохраняем нейтралитет. Но мы не хотим видеть и твои бесчинства. Поэтому предлагаем тебе покинуть воды Эйкдама и вернуться в Норхертрок. Конечно же, никто не будет требовать от тебя вернуть твою законную добычу.

Агмунд скривил рожу и расхохотался:

— Ты что ж, напыщенный индюк, указываешь мне? Конунгу Агмунду?! — имперцы вновь схватились за мечи. На этот раз принц не стал просить своих людей убрать их. Вождь же продолжал: — Пусть твой отец и Император! Но сам-то ты никто! А я Конунг! И когда я уничтожу твой флот, мое имя поразит самих Богов!

— Боги отвернулись от тебя, Агмунд, — тихо произнес Олаф и вождь резко развернулся.

— Что ты сказал, старик? Как ты меня назвал? Я — Конунг Агмунд!

— Боги отвернулись от тебя, — повторил седобородый. — В тот миг, когда прислали сюда имперский флот. Соглашайся на предложение его высочества. И правь нами дальше, Конунг.

— Ты смеешь мне указывать, что делать?! Мои люди не побегут от них, как трусливые псы!

— Тогда твои люди перестанут быть твоими людьми, — процедил он, крепко сжимая рукоять молота. — Ваше высочество, — обратился он к Руду, — позвольте немедленно

провести Небесную дуэль. И тогда, как новый конунг, я приму ваше предложение.

Рутгерс молча кивнул. Рыцари расступились, образуя свободное пространство. Не дожидаясь команды, Агмунд ринулся на своего товарища.

— Ах ты вероломная тварь! — кричал он, круша Олафа своими топорами. — Я пожру твое сердце, а из твоей одноглазой дочуры сделаю рабыню!

— Тогда я тем более не могу проиграть!

Седобородый отчаянно защищался, но Агмунд был моложе и гораздо напористей. Он сыпал на противника градом ударов, не останавливаясь ни на миг. Старик пропустил несколько выпадов. На палубу капала кровь. Олаф дрогнул, и могучий восходящий удар выбил из его рук молот. Вождь рванул вперед, решив покончить с боевым товарищем раз и навсегда.

В последний момент седобородый успел схватить конунга за запястье. Удар другим топором... тот же результат. Бой превратился в состязание грубой силы и Жажды. Олаф проигрывал. Агмунд давил, что есть мочи. Еще чуть-чуть и...

Заметив кровоподтёк на животе своего вождя, старик сильно ударил коленом. Рана, оставленная Сальваторе ди Нери, обожгла Агмунда. Он потерял концентрацию лишь на полмгновенья, но этого времени Олафу хватило, чтобы перекинуть врага через себя, приложив спиной о палубу.

Старик начал разворачиваться еще до того, как вождь коснулся холодных досок. Едва же это произошло, огромный молотоподобный кулак вмял ему нос. Еще удар. И еще. Олаф бил пока лицо Агмунда не превратилось в кашу. Пока Агмунд не испустил последний вздох. Пока у норхертрокцев не сменился конунг.

Тяжело дыша и пошатываясь, Олаф поднялся на ноги. Хельга мигом подбежала к отцу, поддерживая того, чтобы не упал. Он отодвинул дочь и, глядя в глаза принцу произнес:

— Мы принимаем ваше предложение. Наши драклеасы возвращаются в Норхертрок.

[1] Вид шлема

[2] Вид шлема

Поющее братство

Скрипнула дверь трактира, и в зал вошел элегантно одетый черноволосый мужчина.

— Добро пожаловать! — обрадованно выкрикнул из-за стойки хозяин заведения Отто. — Чего желаете?

— Вашего лучшего пива, будьте любезны. Одну кружку, я ненадолго.

В зале было всего пять человек. К одному из них — барду с костяной ногой и направился мужчина.

— Приветствую вас, Учитель, — поздоровался черноволосый, усаживаясь напротив.

Эдвин поднял взгляд и улыбнулся.

— А. Это ты. Давно не виделись, Джанкарло. Какими судьбами?

— Проездом, — ответил менестрель. — Хотел посмотреть, как живет Эйкдам. Да и вас повидать.

Отто лично поднес кружку пенящегося напитка и удалился.

— Ну-с, что скажешь? — спросил Эдвин, когда Джанкарло утолил жажду.

— Скажу, что приятно удивлен. Прошел всего месяц, а город почти восстановлен. Люди работают слаженно, помогают друг другу... Как вам это удалось?

— Все благодаря нашему славному мэру, — хмыкнул старый бард. — Едва он поднялся на ноги, тут же принялся руководить процессом. Не жалея ни себя, ни своего кошелька. Остальные чиновники вынуждены были последовать его примеру.

— Вы сказали мэру, Учитель? Не временно исполняющему обязанности?

— Именно мэру, — ответил Эдвин. — Все горожане упрашивали Господина ди Нери принять этот титул.

— И никого не смутило его темное прошлое? — нахмурил брови Джанкарло.

— Никого, — заговорщически улыбнулся старик. — Я счел своим долгом рассказать им правду. Конечно же песней.

— А мне не расскажите? Можно прозой.

— Не хочешь, значит, послушать своего учителя? — насупился Эдвин и, едва Джанкарло смутился, бард расхохотался. — Да ладно. Если в двух словах, то это правда, что семья ди Нери поднялась во время шестьдесят девятой Большой войны. И правда, что в этом замешаны пираты. Ди Нери изобрели новую парусину. Более прочную. А на их торговый корабль напали пираты. Только благодаря Имперскому конвою они спаслись. И именно после этого наладили торговлю с Империей. Мало кто об этом знал — коммерческая тайна. Поэтому и полезли всякие домыслы про контрабанду и разбой. Но теперь, благодаря мне, это история достояние общественности. И в глазах эмрудцев авторитет Сальваторе поднялся еще сильнее.

— А то, что он в раннем возрасте стал управлять компанией? Говорят его отец и дядя погибли при странных обстоятельствах...

— Тут еще проще, — пожал плечами старик. — Они подхватили заразную болезнь в одной из южных факторий и умерли там. Их тела не повезли в Эйкдам, чтобы не допустить эпидемии. Ну да ладно. Не будем об этом. Что ты расскажешь? Какие новости из мира?

— Все гудят, что принц Рутгерс вернулся домой вместе с красавицей невестой и теперь готовится к свадьбе. Никогда бы не подумал, что этот напыщенный мужлан — принц, — покачал головой Росси. — Кстати, у Розамунды ван Мейер же осталось здесь целое состояние? Значит, новоявленная принцесса будет часто гостить у вас? Или все разграбили северяне?

— Может и будет, — развел руками Эдвин. — Но не из-за состояния. Благодаря Господин Одвасберу, наследие Арона ван Мейера удалось спасти во время набега. Но Леди Розамунда щедро подарила все городу, а что не подарила, забрала в качестве приданного. Здесь у нее ничего не осталось.

Мужчины замолчали. Давящая тишина стала невыносимой. Каждый понимал, что совсем не эти истории интересуют собеседника. Первым не выдержал Эдвин.

— Долго ты еще будешь терзать мое старое сердце?! Ты знаешь, что с Яном?! Его тело не нашли!

Джанкарло задумчиво отпил пива, посмотрел в потолок, поправил берет и только после этого ответил:

— Все знают, что в Норхертроке развито рабство...

— Он там? — тут же спросил Эдвин.

— Север не очень-то открыт для Поющего Братства, Учитель.

— Я в курсе, — огрызнулся старик.

— Но я слышал, у нового конунга появился интересный скальд...

— Он раб? — тихо спросил старый бард.

— Пока что, — сверкнул глазами Джанкарло, резко поднимаясь с места.

Больше книг на сайте - Knigolub.net